

Н 1772
выдано 4 буханки в. бон *-1-*

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

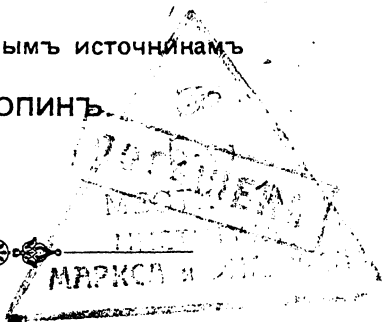
И

ИНДИЯ.

Русскій Туркестанъ.—Кульджинскій край.—Хива.—Бухара.—
Персія.—Афганистанъ.—Кафиристанъ.—Белуджистанъ.—
Памиръ.—Гималайскія горы.—Тибетъ.—Индія.—Цейлонъ.

Составилъ по разнымъ источникамъ

В. Н. СКОПИНЪ.

Издание Д. П. Ефимова, Москва, Большая Дмитровка,
домъ Бахрушиныхъ.

1904.

Матеріалами при составленіи этой книги послужили сочиненія: доктора Уильса, Евгенія Маркова, А. Краснова, Л. Костенко, С. Южакова, Вамбери, Ленца, Стебницкаго, Н. М. Пржевальскаго, Грандидье, Пфёферъ, Гребенщикова, Уралова, Свенъ-Гедина, Гельвальда, Руселло, Ковальскаго, Минаева, Э. Реклю, Верещагиной, Кэна, Вильямса и энциклопедіи Брокгауза и Мейера.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ.

Русскій Туркестанъ ¹⁾.

Могучая Россія въ силу историческихъ судебъ невольно стремится къ востоку и шагъ за шагомъ, тихо, но вѣрно пробиваетъ себѣ тамъ дорогу, ища выхода къ Великому океану на сѣверо-востокъ и къ Индійскому—на югъ.

Дикія орды—потомки когда-то страшныхъ притѣснителей нашихъ—покорены теперь русскимъ оружіемъ въ Средней Азіи. Вліяніе Россіи въ этомъ отдаленномъ и малоизвѣстномъ большой публикѣ краѣ растетъ съ часа на часъ на ряду съ культурной, просвѣтительной работой тамъ ея.

Среди восточной природы и далекихъ по духу Россіи иностранныхъ владѣній растетъ и крѣпнеть нашъ русскій Туркестанъ, съ котораго мы и начнемъ описаніе Средней Азіи.

Исторія завоеванія Туркестана такова. Возникновеніе сношеній Россіи съ Туркестаномъ относится къ эпохѣ, предшествующей даже образованію Русскаго государства; довольно оживленная торговля производившаяся въ VII—X вѣкахъ между Сѣверной Европой и Туркестаномъ черезъ Россію, нѣ-

¹⁾ Перс. „Страна тюрковъ“.

сколько сократилась лишь въ XI вѣкѣ, съ водвореніемъ въ Средней Азіи тюркскихъ народовъ. Тѣмъ не менѣе даже въ XII—XIII вѣкахъ бухарскіе и хивинскіе караваны приходили въ Россію. Съ половины XIII вѣка знакомство наше съ туркестанскими народами стало болѣе тѣснымъ вслѣдствіе татарскаго ига. По сверженіи татарскаго владычества движеніе Россіи на востокъ и юго-востокъ возобновилось съ особенной энергіей и выразилось въ покореніи царствъ Казанскаго и Астраханскаго, Башкиріи, Нагайской орды и занятіемъ Урала, откуда казацкая вольница въ началѣ XVII вѣка производила не разъ набѣги на Хиву. Еще ранѣе въ 1558—1559 годахъ, англійскій купецъ Дженкинсонъ, снабженный царемъ Іоанномъ Грознымъ грамотами къ туркестанскимъ владѣтелямъ, ѣздилъ въ Хиву и Бухару для открытія торговыхъ сношеній. Въ концѣ XVI вѣка русскіе довольно хорошо ознакомились съ киргизскими степями, а въ XVII вѣкѣ московское правительство отправляло посольства (1620, 1646, 1669, 1675, 1695 гг.) въ Хиву, Бухару и Индію. Снаряженная въ 1717 г. Петромъ Великимъ экспедиція князя Бековича-Черкаскаго въ Хиву кончилась крайне неудачно, что и повело къ постройкѣ укрѣпленій и устройству оренбурго-сибирской оборонительной линіи и къ постепенному, въ теченіе послѣдующихъ болѣе чѣмъ ста лѣтъ, распространенію власти Россіи въ киргизскихъ степяхъ.

Водвореніе владычества русскихъ въ степяхъ, совершившееся въ общемъ довольно спокойно

сопровождалось неурядицами лишь въ западной части степей, гдѣ въ особенности серьезны были волненія, поднятыя султаномъ Кенисорою. Волненія эти и неудачи хивинскаго похода (1834—1840 гг.) ген. Перовскаго вызвали необходимость устройства поселеній въ степи. Въ 1847 году возведено было укрѣпленіе Раимъ въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи, а затѣмъ, въ виду столкновенія (1850 г.) съ кокандцами форты №№ 1—3 по этой рѣкѣ. Въ 1853 году была взята кокандская крѣпость Акъ-Мечеть (нынѣ городъ Перовскъ Сыръ-Дарьинской области), въ 1860 году—Токмакъ, а въ 1862 году—вторично (первый разъ въ 1860 году) Пишпекъ и занять весь Семирѣченскій и Заилійскій край. Въ 1864 г. были взяты города Аулиеата, Туркестанъ и Чимкентъ и произведена неудачная попытка взятія Ташкента.

Въ 1865 году изъ занятыхъ земель была образована Туркестанская область въ составѣ оренбургскаго генералъ-губернаторства и генераломъ Черняевымъ взятъ Ташкентъ, вскорѣ послѣ чего Россіи пришлось войти въ столкновеніе съ Бухарой. Надменный образъ дѣйствій эмира, требовавшаго очищенія занятой территоріи и Ташкента, и задержка русской миссіи въ Бухарѣ повели къ окончательному разрыву.

Въ 1866 году, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, бухарцамъ нанесено было сильное пораженіе на равнинѣ Ирѣ - дьяръ, взяты Ходжентъ, Ура - Тюбе и Джизакъ и занять обширный районъ.

Въ 1867 году, послѣ занятія Яны-Кургана, изъ

всѣхъ земель, занятыхъ съ 1847 года въ киргизскихъ степяхъ и Кокандскомъ ханствѣ, было образовано Туркестанское генераль-губернаторство съ центромъ въ Ташкентѣ и въ составѣ Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областей. При продолжавшейся враждебности Бухары военныя дѣйствія возобновились съ весны 1868 года, причемъ былъ взятъ Самаркандъ, а затѣмъ заняты Курганъ, Катта-Курганъ, Ургутъ и Чилень и нанесено сильное пораженіе подъ Зерабулакомъ. Результатомъ былъ договоръ съ Бухарой, по которому ханство становилось въ вассальныя отношенія къ Россіи, и образованіе изъ вновь занятаго края Зеравшанскаго округа, къ которому въ 1870 году были присоединены всѣ горныя бекства, расположенныя по верхнему теченію Зеравшана.

Хивинское ханство продолжало враждебно относиться къ Россіи, вслѣдствіе чего былъ рѣшенъ хивинскій походъ (1873 г.), результатомъ котораго было взятіе Хивы, низведеніе ханства на степень вассальнаго, занятіе хивинскихъ земель, расположенныхъ на правомъ берегу Аму-Дарьи, и образованіе изъ нихъ особаго Аму-Дарьинскаго отдѣла, вошедшаго въ составъ Туркестанскаго генераль-губернаторства.

Въ 1875 году въ Кокандскомъ ханствѣ, во главѣ котораго стоялъ ставленникъ бухарскаго эмира, нелюбимый народомъ Худояръ - ханъ, вспыхнулъ мятежъ съ провозглашеніемъ противъ русскихъ священной войны, въ виду чего русскія войска заняли Наманганъ, Кокандъ и Андижанъ. Вслѣд-

ствіе непрекращенія волненій Кокандское ханство присоединено было къ Россіи и изъ земель его образована Ферганская область. Этими событіями закончился рядъ военныхъ дѣйствій въ восточномъ Туркестанѣ, начатыхъ въ 1864 году.

Не менѣе быстро шло расширеніе русской территоріи въ западной части страны. Вслѣдствіе трагической участи экспедиціи Бековича-Черкаскаго путь въ Туркестанъ съ Каспійскаго моря былъ забытъ, и лишь въ 1869 году на восточномъ берегу его основанъ городъ Красноводскъ.

Набѣги туркменъ заставили занять въ 1870 году Кизиль-Арватъ, а въ 1874 году изъ земель, отнятыхъ у Хивы, образованъ Закаспійскій отдѣлъ, вошедшій въ составъ Кавказскаго военнаго округа. Вслѣдствіе не прекращавшихся разбоевъ туркменъ было признано необходимымъ подчинить текинцевъ и вообще усилить положеніе русскихъ въ Туркестанѣ.

Нашъ первый походъ на Геокъ-Тепе былъ неудаченъ. Во главѣ дѣйствующаго отряда поставленъ былъ генераль Ломакинъ, заступившій умершаго Лазарева. Ломакину дали изъ Петербурга цѣлый штатъ штабныхъ офицеровъ, смотрѣвшихъ на дѣло крайне легкомысленно и считавшихъ борьбу съ кочевниками („халатниками“, какъ они говорили) пустякомъ. Подъ вліяніемъ этихъ знатныхъ господъ руководитель двинулся въ глубь песчаныхъ пустынь съ голыми руками: не было запасено ни воды, ни провіанта, ни лазаретныхъ принадлежностей. 28 августа 1878 года князь Долго-

руковъ повелъ свой передовой отрядъ на крѣпость Геокъ-Тепе. Текинцы бросили свое старое укрѣпленіе и стали строить новое, но приходъ русскихъ войскъ не далъ имъ докончить его: половина была недостроена. Русскіе, бросившіеся на приступъ, были встрѣчены защитниками, не знающими промаха, и отбиты съ большими потерями. Отступленіе русскихъ прикрывала артиллерія, приведшая въ ужасъ своей картечью текинцевъ. Они считали уже себя побѣжденными и хотѣли добровольно уступить мѣсто врагу, но утромъ уходъ русскихъ раскрылъ имъ истину: не они, а мы были побѣждены.

Команда отъ генерала Ломакина перешла къ генералу Тергукасову. Онъ укрѣпился въ Красноводскѣ, отъ котораго думалъ провести желѣзную дорогу, за постройку которой горячо стоялъ и Скобелевъ. Послѣдній началъ дѣятельно готовиться къ походу. Начали скупать въ Персіи, въ киргизскихъ степяхъ и въ Хивѣ верблюдовъ; солдатамъ дали теплыя вещи; произведены были точныя топографическія разслѣдованія края, и отрядъ медленно, но увѣренно двигался въ глубь края. Текинцы начали сосредоточиваться въ Геокъ - Тепе, гдѣ главную команду защитниками крѣпости принялъ на себя Тыкма-сардаръ. За нашимъ отрядомъ неотступно слѣдовали подъ видомъ корреспондентовъ англійскіе агенты, призывавшіе населеніе къ упорному сопротивленію русскимъ войскамъ. Въ Геокъ-Тепе собралось до 45000 человекъ, изъ коихъ способныхъ къ защитѣ было 30000 человекъ, при чемъ $\frac{1}{3}$ ихъ были верховыми. Скотъ былъ угнанъ да-

леко на востокъ, и текинцы приготовились къ отпору. 28 декабря 1880 года они произвели отчаянную вылазку и перерѣзали передовыхъ, но увлеклись рѣзней и были откинуты узнавшею про бойню частью войска, стоявшей дальше. Слѣдующія вылазки уже не имѣли такого успѣха,—наши стали осторожнѣе. Къ отряду Скобелева присоединился отрядъ Куропаткина, стоявшій у Аму-Дарьи. Рѣшено было подвести подъ крѣпость мину, взорвать стѣну и взять приступомъ. Текинцы знали про подкопы и заранѣе торжествовали, предвкушая возможность перебить нападавшихъ поодиночкѣ. Взрывъ привелъ ихъ въ невыразимый ужасъ, и крѣпость была взята, а съ нею присоединены къ Россіи 28000 квадратныхъ верстъ земли и 50000 человѣкъ населенія.

Послѣ покоренія текинцевъ присоединились къ Россіи и мервцы, а за ними салоры и сарыки съ береговъ Теджена и Мургаба.

Афганскій эмиръ въ 1873 году овладѣлъ Бадакшаномъ и Ваханомъ, а въ 1884 году—Шугнаномъ, Рошаномъ и оазисомъ Пенде на Мургабѣ. Вызывающій образъ дѣйствій афганцевъ подалъ поводъ къ столкновенію, и въ 1885 году у Ташъ-Кепри они были разбиты. При проложеніи афгано-русской границы въ 1887 году особою англо-русской разграничительной комиссіей къ Россіи отошли большія земли по Мургабу и рѣкѣ Кушкѣ, и самыя южныя точки границы отстоятъ теперь отъ Герата всего на 120 верстъ. Въ теченіе этого періода произошли нѣкоторыя перемѣны въ составѣ Туркестанскаго

генераль-губернаторства. Въ 1882 году Семирѣченская область была присоединена къ Степному генераль-губернаторству, а въ 1886 году изъ земель Зеравшанскаго округа образована новая Самаркандская область. Въ 1891 году въ юго-восточномъ углу Туркестана, на Памирахъ, произошло вооруженное столкновеніе русскихъ войскъ съ афганцами, результатомъ чего было фактическое занятіе Россіей почти всего Памира и заключеніе русско - англійскаго договора о русско-афганскомъ разграниченіи на Памирѣ, выполненномъ на мѣстѣ въ 1896 году. Послѣднимъ событіемъ (1898 г.) было присоединеніе къ Туркестанскому генераль - губернаторству областей Семирѣченской и Закаспійской.

Путь до Туркестана и не дологъ, если принять, конечно, въ расчетъ вообще громадныя пространства Россіи, и очень простъ: сперва—желѣзная дорога до Каспійскаго моря, а тамъ—или отъ Астрахани, или отъ Батума на пароходѣ. Если ѣхать отъ Астрахани, то моремъ придется ѣхать гораздо болѣе, чѣмъ во второмъ случаѣ: надо будетъ его пересѣчь отъ сѣверной его части до юго-восточнаго берега; если ѣхать отъ Батума, то пароходу придется проѣхать лишь самую узкую часть моря. А такъ какъ „большое озеро“, какъ презрительно называютъ Каспійское море моряки, очень капризно и рѣдко бываетъ гостепріимнымъ и ласковымъ, то послѣдній путь чаще всего и берется. Можно, конечно, оставить море совсѣмъ въ сторонѣ, т.-е. переѣхать Уралъ и ѣхать восточнѣе моря, спускаясь

на югъ; но путь этотъ неудобенъ, длиненъ и имъ совсѣмъ не пользуются.

Въ ясный солнечный день восточный берегъ виденъ издали. На фонѣ голубого неба и моря рѣзко выдѣляются красно - желтыя, какъ бы глиняныя горы, у подножія которыхъ расположился первый средне-азиатскій городъ—Красноводскъ. Южнѣй отъ города виденъ архипелагъ разнообразныхъ по формѣ, но одинаковыхъ по той же красно-желтой окраскѣ островковъ. Пустынныя, безъ признаковъ растительности, если не считать за таковую желтую поросль саксаула—низенькаго коряваго кустарника, острова эти производятъ впечатлѣніе кучъ песка, каковыми они на самомъ дѣлѣ и оказываются. Начинаящаяся у берега моря песчаная пустыня—пески Кара-Кумъ—ведетъ здѣсь упорную борьбу съ моремъ, отодвигая его къ западу. Рельефъ этихъ островковъ и полуостровковъ очень непроченъ, мѣняется и кривая ихъ границы съ водной стихіей. Пески напираютъ на нее, и вчерашній островокъ сегодня можетъ превратиться въ полуостровокъ, а вчерашній заливчикъ—въ закрытое со всѣхъ сторонъ озерко. Мертвенный, непривѣтливый видъ имѣетъ среднеазиатскій берегъ Каспійскаго моря и непріятно дѣйствуетъ на глазъ путника, всегда привыкшаго радоваться берегу.

Пароходъ причаливаетъ къ Красноводску. Здѣсь начинается обширное окраинное русское владѣніе—Туркестанскій край, состоящій изъ областей Закаспійской, Самаркандской, Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Семирѣченской. Сюда же надо причис-

лить и находящіяся подъ русскимъ покровительствомъ Хиву и Бухару.

Въ Красноводскѣ можно сѣсть въ вагонъ средне-азіатской желѣзной дороги, которая идетъ до Ташкента и тянется на протяженіи 1747 верстъ. Отъ станціи Мервъ идетъ вѣтка на Кушку протяженіемъ въ 293 версты, имѣющая большое стратегическое значеніе. Отъ станціи Черняево идетъ линія до Андижана протяженіемъ въ 306 верстъ.

Первое впечатлѣніе и изъ оконъ вагона далеко не выгодно для новаго путнику края. Берега усыпаны песками, принявшими по волѣ вѣтра видъ горныхъ хребтовъ, и, куда глазъ только можетъ хватить, ничего кромѣ этого песка не видно ни по ту ни по другую сторону пути. Нѣсколько дальше отъ берега тоже песокъ и песокъ, но уже въ видѣ далекой равнины. Здѣсь даже и того разнообразія картины, которое давалось хребетиками, нѣтъ,—настоящая пустыня, видъ которой развѣ изрѣдка нарушаютъ жалкіе клочки какой-то травы.

Мелькаютъ будки желѣзнодорожныхъ сторожей. Это не тѣ уютные чистенькіе домики съ игрушечными сарайчиками, хлѣвами, колодцами, какіе приходилось видѣть вдоль желѣзнодорожнаго пути Европейской Россіи. Здѣсь только одна будка. Хлѣва нѣтъ, потому что здѣсь нельзя держать никакой скотины; колодца нѣтъ, такъ какъ нѣтъ подпочвенной воды (а если и есть, то морская), и воду для питья сюда привозить проходящій мимо поѣздъ.

Здѣсь много гіенъ, барсовъ, тигровъ, а скорпіоны и фаланги способны отравить существованіе,—отъ

нихъ никуда не спрячешься. Укусъ ихъ не смертеленъ, но боль причиняетъ сильную.

Климатъ ужасный: лѣтомъ жара, по словамъ обитателей этой пустыни—желѣзнодорожныхъ служащихъ и другихъ чиновниковъ, стоитъ на пятидесяти градусахъ. Понятно, что при такой температурѣ только бы и сидѣть въ водѣ, если бы она была, и ясно, почему здѣсь днемъ никакихъ занятій не производится, — работаютъ утромъ и послѣ 8 часовъ вечера. Дождей почти не бываетъ. Зимой наступаютъ сильные морозы, но сухіе, безснѣжные.

Налѣво изъ оконъ вагона видны горы, но небольшія и неинтересныя. Хотя здѣсь, въ пустынѣ, гдѣ глазъ уже намозолила однообразная равнина сухого песка и длинные приземистые хребтики опять того же песка, и эти горы вносятъ разнообразіе въ унылую картину. Это первый средне-азиатскій хребетъ—Большія Балханы. Какъ только кончается этотъ хребетъ, направо начинаются горы Малыя Балханы, а налѣво, вплоть до Хивы тянутся пески Кара-Кумъ. Чтобы не останавливаться на описаніи другихъ подобныхъ пустынь, мы опишемъ эту, предупредивъ читателя, что всѣ онѣ производятъ одинаковое впечатлѣніе.

Громадная площадь песковъ, именуемая Кара-Кумъ, тянется отъ Персіи, Хоросана и Афганистана до Аму-Дарьи, Хивы и Бухары. Площадь эта представляетъ настоящую пустыню.

Всю эту пустыню вдоль и поперекъ бороздятъ незамѣтныя для неопытнаго взгляда тропы, пробитыя множествомъ каравановъ, пересѣкавшихъ ее изъ

конца въ конецъ. Эти, какимъ-то чутьемъ угадываемые пути, остаются одними и тѣми же для цѣлыхъ поколѣній путниковъ: гдѣ караванъ прошелъ сегодня, тамъ, ни на югу не отступая, онъ пройдетъ и завтра и черезъ годъ, хотя, опять-таки повторяемъ, свѣжему глазу здѣсь не найти никакихъ слѣдовъ дорогъ. Знаніе этихъ дорогъ много значить въ пустынѣ, и каравановожатый всегда пользуется среди кочевниковъ большимъ уваженіемъ. Караванъ оставляетъ по себѣ слѣды верблюжьихъ ногъ, но сейчасъ же за проходомъ верблюда слѣды этотъ замечается; даже при абсолютномъ безвѣтріи въ пустынѣ вы видите какую-то дымку на холмахъ: это поднимаемый „дыханіемъ пустыни“ песокъ. При такихъ условіяхъ слѣды, конечно, ненадолго останется на зыбкой почвѣ. Вѣроятно, каравановожатые въ данномъ случаѣ ориентироваться въ общемъ планѣ пути, схватывая для направленія каіеніе-нибудь отдаленные случайные предметы, въ родѣ скелета животнаго. Помогаютъ тутъ, вѣроятно, и верблюды, держащіе путь на ближайшую воду, находящуюся въ колодцахъ.

Караванъ представляетъ интересную картину. Впереди на маленькомъ осликѣ сидитъ каравановожатый—сѣдой текинецъ, низко свѣсивъ свои босые ноги. Къ его сѣдлу привязанъ первый навьюченный верблюдъ, къ которому въ свою очередь привязанъ второй, и такъ далѣе. Текинецъ ѣдетъ сосредоточенный, спокойный; въ рукахъ у него длинная палка—символъ его власти надъ караваномъ. Назадъ онъ не оглядывается.

Верблюды медленною, важною поступью слѣдуютъ другъ за другомъ, то взбираясь на песчаные бугры, то пропадая въ котловинахъ, то вытягиваясь въ струнку, то образуя ломаную линію по извилистой таинственной тропѣ.

Туркмень такъ сжился со своею песчаной пустыней, такъ мало ея боится, что даже теперь когда къ его услугамъ готова желѣзная дорога, предпочитаетъ переправлять свои товары прежнимъ путемъ и находить, что новый путь по рельсамъ съ перегрузками удорожаетъ товаръ противъ отправки его черезъ Ташкентъ и Самаркандъ на Оренбургъ.

Направо отъ желѣзнодорожнаго пути начинается рядъ горъ: тутъ — Малыя Балханы, Кюренъ-Дагъ, Копетъ-Дагъ. Близость горъ даетъ возможность провести сюда родниковую воду, и уже на 16-й станціи, Бами, въ садикѣ при вокзалѣ жизнерадостно бьетъ струя фонтана, а немного далѣе по пути уже можно видѣть и совсѣмъ приличные молоденькіе садики въ аулахъ, изрѣзанные канавками, по которымъ вода пробѣгаетъ отъ деревца къ деревцу. Это уже центръ оазиса Ахаль-Теке, который начинается у Кизиль-Арвата и тянется до Гяура на 240 верстъ.

Громадный Туркестанскій край занимаетъ вмѣстѣ съ Хивой и Бухарой 25400 квадратныхъ географическихъ миль, т.-е. онъ въ 7 разъ больше Германіи и Франціи и въ 6 разъ — Австро-Венгріи.

Весь юго-востокъ края покрытъ сплошными горами, заходящими за черту вѣчнаго снѣга. Высокія

горы въ данномъ случаѣ являются благодѣтелями края. При сухомъ континентальномъ климатѣ онѣ, благодаря своимъ обширнымъ ледникамъ, питаютъ двѣ большія рѣчныя системы -- Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, которыя орошаютъ Ферганскую и Самаркандскую области, Бухару съ Хивой и часть Сыръ-Дарьинской области. Западная часть послѣдней состоитъ уже изъ низменныхъ частей, степей и безплодныхъ пустынь сыпучаго, переносимаго вѣтрами песка. Такія пустыни составляютъ 30% страны и представляютъ истинный бичъ ея, такъ какъ съ этими песками приходится вести постоянную и упорную борьбу, дабы они не поглотили сосѣднихъ воздѣланныхъ частей земли, богато одаренныхъ природой.

Климатъ Туркестанскаго края теплый. Средняя температура лѣта 25—27° по Реомюру, зимы же даютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 9° ниже нуля; но есть мѣста, гдѣ она подымается до 8° выше нуля въ среднемъ. Водные осадки по всѣмъ частямъ страны распределены очень неравномѣрно, и они колеблутся отъ 0 до 11,2 миллим., благодаря чему наиболѣе сухія мѣстности требуютъ искусственнаго орошенія, которое частью уже и устроено нашимъ правительствомъ, а частью и самимъ населеніемъ, которое въ борьбѣ съ засухами сумѣло выработать въ этомъ дѣлѣ удивительное умѣніе.

Своеобразный климатъ Туркестана создалъ здѣсь и подходящую къ нему растительность. Оставивъ въ сторонѣ научныя опредѣленія ея, мы дадимъ лишь общую ея характеристику. Мертвыя песчаныя

равнины здѣсь покрыты корявыми низкорослыми кустарниками съ очень мелкими листьями, а иногда и совсѣмъ безъ нихъ. Эти безжизненные стволы, съ выползающими изъ-подъ песка изогнутыми корнями, несмотря на непривлекательный свой видъ, тѣмъ не менѣе могутъ назваться друзьями человѣка, его защитниками отъ всепобѣждающихъ песковъ. Крѣпкими, какъ желѣзо, или, вѣрнѣе, какъ чугунъ, вслѣдствіе ихъ хрупкости, корнями эти уродливыя деревца удерживаютъ отъ побѣднаго движенія пески. Удаленіе этихъ естественныхъ насажденій равносильно уничтоженію плотинъ, сдерживающихъ водныя громады, и Бухара испытала это уже на себѣ: пески тамъ все болѣе и болѣе завоевываютъ ранѣе не принадлежавшія имъ мѣста, поглощая оазисы и даже заселенные пункты. Наша дорога, съ невыразимыми трудностями проложенная среди туркестанскихъ песковъ, давно была бы занесена, если бы не саксауль, какъ тамъ называютъ всѣ низкорослые кустарнички въ пустынѣ.

На глинистыхъ мѣстахъ Туркестана путникъ увидитъ сочныя травы, которыя, къ сожалѣнію, не долго здѣсь живутъ, такъ какъ лѣтнее солнце быстро все выжигаетъ. Здѣсь же высятся и красивыя деревья.

Въ мѣстахъ, орошенныхъ естественно или искусственно, урожаи бываютъ хорошіе и иногда удается снять даже двѣ жатвы. Озимая пшеница поспѣваетъ въ концѣ мая, яровая сѣется въ концѣ марта и поспѣваетъ въ то же время, какъ и ози-

мая. Какъ кормовой для скота злакъ, засѣвается ячмень, яровой и озимый. Рисовыя плантаціи являются наиболѣе доходными, но воздѣлка ихъ всегда связана съ продолжительнымъ временемъ и хорошимъ орошеніемъ, что здѣсь встрѣчается не часто (рисъ долженъ пребыть подъ водой мѣсяца три). Засѣвается тутъ и просо—джугара, потребляемая бѣднѣйшимъ населеніемъ, и кунжутъ, идущій на масло.

Изъ слѣдующей таблицы, заимствуемой нами у Брокгауза, видно распредѣленіе хлѣбовъ по областямъ въ тысячахъ пудовъ.

	Рожь.	Пшеница.	Ячмень.	Овесъ.	Просо.	Рисъ.
Закаспійская. . .	—	2220	575	—	—	—
Самаркандская. . .	—	11500	4000	—	—	3500
Ферганская. . . .	—	10225	950	—	970	3700
Сыръ-Дарьинская .	—	10145	4075	—	3800	5480
Семирѣченская .	—	410	11260	3530	3200	110

Закаспійская область менѣе всего обезпечена хлѣбомъ, и недостатокъ его пополняется привознымъ изъ Россіи и другихъ областей Туркестана. Впрочемъ въ Туркестанѣ большимъ подспорьемъ служатъ бобовыя растенія и особенно фрукты въ періодъ ихъ созрѣванія.

Опіума здѣсь не выдѣлываютъ, но изъ цвѣтковъ конопли готовятъ гашишъ.

Самымъ древнимъ занятіемъ жителей Туркестана было хлопководство. Здѣсь выработался даже

собственный видъ продукта, къ сожалѣнію уступающій по качеству и американскому и египетскому. По присоединеніи края къ Россіи начали производить опыты культивированія хлопка изъ американскихъ сѣмянъ, давшіе великолѣпные результаты, и теперь наша Средняя Азія даетъ Россіи до 7 милл. пудовъ хлопка въ годъ.

Виноградарство слабовато, но опыты разведенія табака иностранныхъ породъ дали хорошіе результаты.

Табакъ воздѣлывается въ небольшомъ количествѣ. Онъ здѣсь дѣлится на два сорта: бѣлый, идущій для куренія, и зеленый—нюхательный и для жеванія.

Съ приходомъ русскихъ здѣсь сталъ воздѣлываться картофель, поля котораго сосредоточиваются преимущественно въ Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областяхъ.

Огородничество—въ рукахъ осѣдлаго населенія и поставлено довольно хорошо. Произрастаютъ здѣсь дыни, арбузы, тыквы, огурцы, морковь, лукъ, чеснокъ, свекла, рѣдька, рѣпа, перецъ, томаты, фасоль. Въ садахъ имѣются абрикосы, персики, алыча, груши, сливы, яблони, фиги, миндаль, грецкій орѣхъ, фисташки.

Виноградники даютъ много матеріала для вина и изюма, вывозъ котораго отсюда значителенъ.

Изъ консервовъ здѣсь удачными можно считать только изюмъ, остальные, благодаря первобытному устройству сушенъ, плохи, хотя вывозъ ихъ въ Россію тоже значителенъ.

Существуетъ отсюда вывозъ и шелка, хотя и эта отрасль здѣсь поставлена слабо. Откормъ червей производится крайне примитивно, и не такъ еще давно все шелководство здѣсь сильно сократилось, благодаря болѣзни червя. Въ виду того, что естественныя условія края вполне благопріятны для шелководства, русское правительство принимаетъ мѣры къ поднятію промысла.

Растительность въ Туркестанѣ распределѣна въ зависимости отъ климата и количества влаги, а въ зависимости отъ состоянія и характера флоры распределѣлось и населеніе человѣка. Въ то время, какъ пустыни существуютъ здѣсь только для прохода, а часто даже и никогда не видятъ ни человѣка ни спутника его — верблюда, мѣста орошенныя и оазисы съ ихъ богатой растительностью заселены очень густо. Другими словами, весь край заселенъ крайне неравномѣрно, и его, какъ по отношенію растительности, такъ и населенія, по словамъ Э. Реклю, можно назвать страной контрастовъ. Одни, пользуясь благами плодородной земли, совершенно осѣдлы, другіе ведутъ кочевую жизнь, — условія жизни другія.

Населеніе Туркестанскаго края не густо: въ среднемъ оно равно плотности населенія Южной Америки. Абсолютныя данныя и отношенія на 1 кв. версту по областямъ выразятся въ слѣдующихъ цифрахъ: Закаспійская область — 372193 человѣка всего и 0,8 человѣка на квадратную версту, Самаркандская — 857847 и 10,5, Сыръ-Дарьинская — 1479848 и 3,3, Ферганская — 1560411 и 11,1, Се-

мирѣченская—990107 и 3. Нѣкоторые уѣзды Ферганской области и Самаркандской заселены до 20—27 человекъ на квадратную версту, т.-е. такъ же, какъ и въ Европейской Россіи.

Православныхъ, заселяющихъ край, всего 196311 человекъ, что составитъ только 3,72% всего населенія, магометанъ—5041210 человекъ, или 95,63%, при чемъ главную составную часть православнаго населенія, кромѣ солдатъ, составляютъ крестьяне-переселенцы. Всего жителей 6590000.

Туркестанскій край въ отдаленныя времена населялся аріицами. Но многіе вѣка непрекращавшихся набѣговъ завоевателей, въ числѣ которыхъ были полчища Александра Македонскаго, скифовъ, китайцевъ, арабовъ, монголовъ, тюрковъ, узбековъ и киргизовъ, измѣнили коренное населеніе; оно смѣшалось съ пришельцами, и въ общемъ теперь населеніе Туркестана представляетъ изъ себя смѣшеніе двухъ расъ—тюрко-монгольской и индо-европейской, изъ которыхъ первая группа занимаетъ преобладающее мѣсто по количеству, а изъ нея въ свою очередь наиболѣе численнымъ представителемъ являются киргизы, которые составляютъ 36% всего населенія.

Киргизы расселились преимущественно въ Сыръ-Дарьинской, Семирѣченской и Ферганской областяхъ. Они дѣлятся на степныхъ киргизовъ, или киргизъ-кайсаковъ, заселившихъ арало-каспійскую плоскость и бассейнъ Оби, и кара-киргизовъ, живущихъ въ Туркестанѣ.

Киргизы въ глубокой древности представляли

самостоятельный народъ, объединенный въ особое государство. Но они во II вѣкѣ до Рождества Христова были подчинены гуннами, отъ смѣшенія съ которыми образовалось племя хагасовъ, пріобрѣвшее значительную силу въ VI вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ. Оно считалось подчиненнымъ Китаю. Въ VIII вѣкѣ это государство было покорено уйсурами, но спустя около столѣтія оно освободилось отъ зависимости, а въ началѣ VIII вѣка хагасы, которые задолго до этого уже пріобрѣли теперешнее названіе киргизовъ, были покорены монголами. Затѣмъ слѣдуютъ постоянныя стычки то съ китайцами, то съ русскими. Когда Россія начала завоевывать себѣ положеніе въ Средней Азіи, киргизы стали принимать русское подданство.

Дѣлясь на особые роды, киргизы очень мало отличаются другъ отъ друга типомъ, характеромъ и языкомъ. Киргизъ сильно скуластъ, глаза у него маленькіе, широко поставленные другъ отъ друга, носъ широкій, кожа темная, волосы черные, прямые. Киргизъ очень неопрятенъ: посуду, наприкладъ, и инструменты для ѣды у нихъ почти не вытираютъ, „чтобы не испортить домашній достатокъ“. Благодаря неряшливости, заразные болѣзни здѣсь находятъ очень благопріятную почву, и оспа и сифилисъ являются наиболѣе сильно распространенными болѣзнями. О лѣченіи киргизы не имѣютъ и представленія, и если киргизу случится зайти въ кибитку, гдѣ есть больные, онъ, чтобы предохранить себя отъ заразы, напивается пьянъ, а родственники

порютъ его нагайками, чтобы изгнать болѣзнетворное начало изъ тѣла.

Киргизы, занимающіеся хлѣбопашествомъ, сѣютъ пшеницу, просо и овесъ. Обрабатываютъ землю при посредствѣ допотопнаго орудія—тысь-агачъ, т.-е. простого деревяннаго крюка; бороньба производится также примитивно. Изъ промысловъ существуютъ перевозка грузовъ на верблюдахъ и выдѣлка ковровъ.

Въ смыслѣ религіи киргизъ довольно неустойчивъ и часто самъ не знаетъ, магометанинъ онъ, язычникъ или еще что-нибудь. Впрочемъ законъ Магомета принимается киргизами въ той его части, которая допускаетъ многоженство. Но киргизовъ слѣдуетъ все-таки признать за суннитовъ, которые всѣ свои религіозныя требы сводятъ къ не совсѣмъ точному выполненію обрядовъ. Священствуютъ бродячіе муллы изъ татаръ, но есть и собственное духовенство—хаджи, потомки Магомета.

Хотя киргизы и могутъ имѣть нѣсколькихъ женъ, но это позволяютъ себѣ только богатые, такъ какъ бѣдному не подъ силу платить нѣсколько калымовъ (выкуповъ) и содержать нѣсколькихъ женъ. Женщины у киргизовъ пользуются извѣстной свободой; лица онѣ не закрываютъ. Работа вся лежитъ на нихъ. Если женъ нѣсколько, то та, на которой киргизъ женился раньше, считается старшей, и младшія должны ей подчиняться. Послѣ смерти мужа жена переходитъ къ его брату, и тотъ можетъ ее или оставить себѣ, или за калымъ выдать за другого.

Носятъ киргизы остроконечную шапку, длинный халатъ, шаровары, сапоги, питаются овечьимъ молокомъ и сыромъ. Любимое кушанье—мясо, нарѣзанное мелкими кусочками и поджаренное въ салѣ.

Киргизъ очень гостепріименъ, почтителенъ къ старикамъ, честенъ. Интересенъ киргизскій судъ. Обычно судьей является манапъ—родовой старшина, который можетъ безапелляціонно рѣшать гражданскія дѣла на сумму не болѣе 30 р. (подчинены ему дѣла до 300 р., но они могутъ быть апеллированы) и уголовныя, за которыя слѣдуетъ наказаніе не болѣе 7 сутокъ ареста. Судомъ этимъ киргизы недовольны, такъ какъ судья, получающій 10% съ исковой суммы, часто бываетъ не на высотѣ своего призванія и безпристрастія.

Туркмены очень близки по языку къ османскимъ туркамъ, киргизамъ и узбекамъ. Въ Средней Азіи они занимаютъ громадную площадь земли въ 500000 квадр. верстъ. Насчитывается ихъ здѣсь около 545000 душъ обоого пола, при чемъ расселились они такимъ образомъ: въ русскихъ владѣніяхъ ихъ около 262000, въ Хивѣ и Бухарѣ около 204000 и въ Афганістанѣ и Персіи 80000.

Туркмены дѣлятся на слѣдующія племена: 1) текинцы, которые въ свою очередь подраздѣляются на ахаль-текинцевъ и мервъ-текинцевъ, въ зависимости отъ заселяемыхъ ими оазисовъ Ахаль-Теке и Мервъ-Теке; 2) чаудуры и имрайли, заселяющіе сѣверную часть Хивы; 3) іомуты, живущіе по рѣкѣ Гуринѣ и въ Персіи; 4) іоклены, занявшіе рѣку Артекъ; 5) сарыки — въ среднемъ теченіи

Мургаба; 6) салоры—по Аму-Дарьѣ; 7) ерсори—тамъ же.

Среди туркменъ преобладаетъ перевѣсъ мужского пола надъ женскимъ; отношеніе это равно 100 къ 90—80. Рождаемость еще больше разнится: на 100 мальчиковъ приходится только 76 дѣвочекъ, но большая смертность первыхъ затѣмъ нѣсколько сглаживаетъ разницу. При рождаемости въ среднемъ 5,6 на каждую мать приростъ населенія такой же, какъ и для всей Россіи,—1,8%.

Раньше туркмены вели пастушескій образъ жизни, кочуя по краю со своими стадами. Затѣмъ они постепенно начали переходить къ земледѣлію, на ряду съ которымъ продолжали заниматься и скотоводствомъ. Племя это не признавало до покоренія ихъ русскими никакой власти; не было у нихъ и сословныхъ различій; выбирали лишь старшаго въ родѣ, который только въ случаѣ войны получалъ нѣкоторую власть.

Долгое время туркмены и, главнымъ образомъ, текинцы были грозой для сосѣднихъ народовъ; особенно же они терроризировали постоянными набѣгами черезъ горы или по морю Персію. Набѣги эти были крайне жестокими. Грабили все, что можно было ограбить, убивали тѣхъ, кого нельзя было увести для продажи въ рабство: мужчинъ, женщинъ и даже дѣтей. Все это внѣдрило среди персовъ такой ужасъ къ туркменамъ, что бывали случаи, когда одинъ туркмень-разбойникъ уводилъ съ собою чуть не по десятку плѣнныхъ. Добычу туркмены сбывали въ Хиву и Бухару, но на ряду съ этимъ грабили

и ихъ самихъ, а также и ихъ караваны. Мало того: туркмены, наѣздники-кочевники, грабили туркменовъ-земледѣльцевъ. До сихъ по всему оазису разсыпаны то тамъ, то здѣсь глиняныя башенки аршина два въ діаметръ и сажени полторы вышиной: это—сторожевые столбы, съ которыхъ дежурные высматривали приближеніе туркменовъ къ родному селу, обитатели котораго, впрочемъ, и сами по окончаніи полевыхъ работъ не прочь были поразбойничать, при чемъ въ нападеніяхъ строго соблюдался одинъ только принципъ—не трогать жителей своего рода. Старики, пользовавшіеся авторитетомъ, не только не возставали противъ поведенія молодежи, но даже поощряли его, такъ какъ набѣги развивали удалъ, силу и ловкость.

Помимо простого побужденія ограбить персидскій поселокъ и увести по возможности большее количество плѣнныхъ, текинцы нападали на нихъ и изъ-за мести. Персы часто ради того, чтобы напиться свои арыки, а иногда и въ отплату за прежнія прегрѣшенія текинцевъ, отводили воду рѣкъ, идущихъ въ Туркестанъ. Это ставило текинцевъ въ непріятное положеніе, и они въ свою очередь мстили, учиняя набѣгъ.

Но, несмотря на трусость персовъ, и имъ, конечно, удавалось проучить наглыхъ сосѣдей. Г-ну Алиханову-Аварскому рассказывалъ, напримѣръ, одинъ сардаръ (военачальникъ), какъ они въ количествѣ 80 человекъ хотѣли поживиться въ персидскимъ поселкѣ, но были встрѣчены ружей-

нымъ залпомъ, разбиты и частью забраны въ плѣнъ персы узнали о предстоящемъ набѣгѣ и устроили ловушку. Разсказчикъ былъ захваченъ и посаженъ на цѣпь, на которой просидѣлъ три года и зиму и лѣто, днемъ—на дворѣ, рядомъ съ собакой, а ночью—въ вонючей ямѣ. Его выкупилъ родственникъ, обмѣнявшій его на плѣннаго перса. За это освобожденный обязался отработать 120 тумановъ (туманъ—11 р. 20 к.), тогда какъ обмѣнный персъ стоилъ всего 20 тумановъ. Хороши родственныя отношенія у текинцевъ! Впрочемъ разсказчикъ по освобожденіи началъ еще усиленнѣе аламанствовать, т.-е. разбойничать, и скоро расплатился за свой выкупъ продажею плѣнныхъ персовъ.

Текинцы-земледѣльцы, кромѣ тѣхъ хлѣбныхъ злаковъ, какіе произрастаютъ и въ Европейской Россіи, сѣютъ джугару, которая идетъ въ пищу бѣднѣйшему населенію, а также лошадямъ и домашней птицѣ. Стебли этого растенія употребляются въ зеленомъ видѣ на кормъ скоту, а въ засохшемъ—на топливо. Пospѣваетъ оно очень долго—мѣсяцевъ черезъ шесть, но даетъ 250—500 пудовъ съ десятины. Культивируется здѣсь рисъ, который, какъ и джугара, воздѣлывается на яровыхъ поляхъ. Сѣютъ его въ апрѣлѣ, а поспѣваетъ онъ въ октябрѣ. Требуется въ высшей степени сильнаго увлажненія почвы: поля должны пребыть подъ водой въ самое жаркое время года не менѣе 90 дней, а это служить причиной сильно распространенной здѣсь маляріи, почему русское правительство стремится сократить рисовыя плантаціи вблизи густо насе-

ленныхъ пунктовъ. Система орошенія полей при посредствѣ каналовъ, въ которыхъ вода всегда застаивается, дѣлаетъ воздухъ крайне нездоровымъ и портитъ питьевую воду, которая заражается микробами и паразитами, среди которыхъ наиболѣе опаснымъ и вреднымъ является ришта (*Filoria medinensis*). Пьющій зараженную воду выпиваетъ съ ней и личинку этого паразита, которая проникаетъ подъ кожу, гдѣ и развивается. Она лежитъ тамъ, вытянувшись во всю длину, которая иногда достигаетъ 2 саж. Когда ришта получить полное развитіе, кожа человѣка надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ помѣщается ришта, краснѣетъ, и получается небольшое отверстіе, чрезъ которое видна головка паразита. Извлекаютъ ришту, таща ее быстро за головку, но при такомъ способѣ конецъ ея можетъ, оборвавшись, остаться подъ кожей, что можетъ вызвать воспаленіе и даже смерть. Чтобы избѣжать этого, прибѣгаютъ къ болѣе медленному, но зато вѣрному способу: вытаскиваютъ головку, защемляютъ ее въ лучинку и поворотомъ послѣдней накручиваютъ на нее ришту, немного вытягивая изъ-подъ кожи; такая операція продолжается нѣсколько дней, пока не вытащатъ всей ришты.

Помимо того, высыхающіе за лѣто арыки даютъ міазмы, вызывающіе жестокую изнурительную лихорадку, почему европейцу вообще не рекомендуется увлекаться мягкимъ и привлекательнымъ климатомъ нѣкоторыхъ частей Туркестана. Нечистая же вода причиняетъ и еще спеціально мѣстную болѣзнь—пендинскую язву.

Въ виду бѣдности нѣкоторыхъ мѣстъ водою тамъ скотоводство и земледѣліе связаны тѣсно съ водовладѣніемъ. Провести каналъ на полѣ возможно лишь совмѣстными трудами нѣсколькихъ лицъ или обществъ, и тогда, каждый принимавшій участіе въ работахъ имѣетъ право на нѣкоторое количество воды изъ сооруженія, при чемъ строго наблюдается, чтобы никто не бралъ больше того, что ему полагается. Каждый сочленъ обязанъ чистить весной свой участокъ канала.

Обработка полей производится первобытнымъ путемъ и довольно небрежно при посредствѣ примитивныхъ плуговъ, которые даже мѣстную легкую землю поднимаютъ очень неудовлетворительно и всего на 2—3 вершка, оставляя много сорныхъ травъ. Убираютъ урожай серпами, высоко срѣзая стебель, чтобы остался подножный кормъ для домашняго скота. Молотятъ лошадьми и ишаками (ишакъ—помѣсь жеребца и ослицы). Ни о какомъ рациональномъ сѣвооборотѣ тутъ, конечно, и рѣчи быть не можетъ. Сѣютъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ безъ удобренія, такъ какъ въ немъ пока нѣтъ надобности, а потомъ даютъ землѣ „отдыхать“ года два, три. Обработка земли почти всегда производится средствами своей семьи, и лишь изрѣдка приглашается работникъ изъ текинцевъ, не имѣющихъ въ своемъ распоряженіи воды для орошенія.

Полевая работа, происходящая иногда далеко отъ аула (поселокъ цѣлаго рода), выполняются только мужчинами, но огородная производится и при посредствѣ женщинъ, положеніе которыхъ у текин-

цевъ, по сравненію съ другими мусульманскими народами, несравненно лучше: тутъ уже самыя условія кочевой жизни выработали бѣольшую свободу подругѣ кочевника, часто въ силу необходимости являющейся совѣтницей и помощницей мужчины. Болѣе равноправное положеніе женщины сохранилось и при переходѣ къ осѣдлому образу жизни: и здѣсь женщина не является гаремной затворницей, а свободно выходитъ на улицу, не прячетъ своего лица, закрывая лишь ротъ и подбородокъ, и не боится встрѣчнаго.

Типичный образчикъ безводной страны представляетъ изъ себя, такъ называемая, Голодная степь, находящаяся между Джизакомъ, Ходжендомъ и Ташкентомъ. За Джизакомъ—первымъ городомъ по желѣзной дорогѣ послѣ Самарканда—верстъ на пятнадцать тянется ровный плодородный лугъ, перерѣзанный каналами, усѣянный пасущимся скотомъ, кибитками и садами. Но черезъ эти пятнадцать верстъ села, становища и сады на большое пространство исчезаютъ: начинается Голодная степь, извѣстная тѣмъ, что вода въ ней совершенно отсутствуетъ. Почва ея, очень тучная, могла бы при иныхъ условіяхъ дать очень хорошіе урожаи. Весной эта степь очень привлекательна: она густо зарастаетъ травой, и безчисленные стада овецъ, лошадей и верблюдовъ находятъ здѣсь обильную пищу; то тутъ то тамъ виднѣются кибитки, бродятъ журавли, аисты, покойно сидятъ по сторонамъ мало наѣзжанной дороги орлы, не боящіеся людей; дорогу то и дѣло переползаютъ черепахи, массами водящіеся

здѣсь. Но это только до начала мая. Уже въ этомъ мѣсяцѣ трава начинаетъ высыхать, и степь замираетъ до будущей весны. Среди степи путникъ можетъ увидать громадныя заросли какихъ-то хорошенькихъ деревцовъ съ правильными стволами и красивой кроной: это—ассафетида, испускающая изъ своихъ желтовато-зеленыхъ цвѣтовъ одуряющій, тошнотворный запахъ, гонящій отъ растенія все живое.

Среди Голодной степи есть одно оригинальное сооруженіе, приписываемое, и не безъ основанія, Тамерлану: это—кудуки, или, по-русски, водохранилища. Еще издали бросается въ глаза конусообразная масса, которая при ближайшемъ ознакомленіи оказывается крышкой водоемища. Построенъ этотъ куполь изъ мелкихъ кирпичей; онъ имѣетъ только одинъ входъ—съ той стороны, откуда рѣже дуютъ вѣтры; устроено это такъ для того, чтобы знойныя вѣтры не испаряли драгоцѣнной влаги

Къ сожалѣнію, это грандіозное благотѣльное сооруженіе страшно запущено, вода въ немъ загрязняется и уже не можетъ служить въ полной мѣрѣ тому назначенію, какое предписывалъ ей знаменитый воитель, построившій кудуки.

Разъ мы заговорили о туркменахъ, намъ нельзя обойти молчаніемъ ихъ поселковъ—ауловъ.

По пути желѣзной дороги видны глиняныя текинскіе аулы. Это—слѣпленные изъ глины кубы съ очень узкими окнами; кубы обнесены глиняной-же оградой и имѣютъ укрѣпленіе,—нѣчто въ родѣ крѣпостцы, которая называется „калѣ“. Ауль всегда

имѣеть насыпной курганъ съ плоскимъ верхомъ: это—и крѣпость для защиты изъ нея аула, и, по предположенію многихъ, мѣсто сборища при важныхъ совѣщаніяхъ. Есть при аулѣ и еще холмъ—кладбище, при которомъ строится часовенька, гдѣ текинецъ — полумусульманинъ - полужычникъ — приносить жертвы.

Кибитка по внѣшнему своему виду похожа на приплюснутый стогъ сѣна. Устраивается она изъ длинныхъ, немного согнутыхъ жердей, соединенныхъ поперечными перекладинами, не сколачиваемыми накрѣпко, чтобы кибитку легко можно было разобрать и перевезти на верблюдѣ. Этотъ каркасъ обивается кошмами. Внутри кибитка убирается тоже кошмами и полосами (ткань для занавѣсей), а у богатыхъ и коврами, при чемъ чѣмъ богаче хозяинъ, тѣмъ обширнѣе его кибитка и тѣмъ болѣе въ ней развѣшано оружія въ драгоценной оправѣ.

Въ очень богатой кибиткѣ всѣ стѣны украшены коврами и цыновками; у стѣнъ стоятъ сундуки, мѣшки съ хлѣбными запасами, большіе кувшины съ виномъ и масломъ и маленькіе—съ водой. По стѣнамъ же развѣшана и конская сбруя, украшенная серебромъ, и музыкальные инструменты, похожіе на наши гитары, но съ очень длиннымъ грифомъ и короткимъ пузатымъ резонаторомъ.

Посреди кибитки разводится огонь, который горитъ чуть не цѣлый день; дымъ уходитъ въ отверстіе, сдѣланное сверху кибитки. Въ плохую по-

году оно закрывается войлокомъ при помощи веревокъ.

Текинецъ, несмотря на свой подвижной образъ жизни, который долженъ бы, казалось, дать толчокъ къ выработкѣ какого-нибудь легкаго, не мѣшающаго движенію костюма, рядится очень неуклюже: халаты ихъ громоздки, широки, рукава у нихъ такіе, что изъ нихъ трудно высунуть руку.

Текинки носятъ малиновые и красные балахоны до пятъ, на головѣ—такого же цвѣта конусообразные колпаки. Волосы заплетены въ косы, съ которыхъ чуть не до земли тянутся связки монетъ и серебряныхъ погремушекъ; монетами же убрана грудь и даже животъ, убранъ и головной уборъ. На рукахъ серебряные браслеты. Съ колпака спускается малиновый или красный шарфъ, закрывающій нижнюю часть лица текинки. Молодые текинки стройны и красивы, но старухи отвратительны.

Узбеки населяютъ не только Туркестанъ, но и Бухару и Хиву, и въ послѣдней они представляютъ наиболѣе чистый типъ. Они средняго роста, цвѣтъ лица свѣтлѣе, чѣмъ у таджиковъ, волосы пышнѣе. Узбеки по большей части ведутъ оскѣдлый образъ жизни, и главное ихъ занятіе—земледѣліе. Отъ своихъ сородичей по костюму они отличаются тѣмъ, что носятъ вмѣсто тюбановъ папахи. Ихъ бытъ тоже отличается отъ быта сосѣдей. Такъ они не пьютъ, въ противоположность киргизскому обычаю, кумыса. Имѣя избу, узбекъ все-таки на дворѣ разбиваетъ палатку, гдѣ проводитъ зиму. Браки мало

зависятъ отъ старшихъ у узбековъ, тогда какъ у мусульманъ вообще брачушіеся, кажется, менѣе всего имѣютъ значенія при рѣшеніи ихъ участи. Положеніе женщины болѣе человѣческое, чѣмъ у киргизовъ и таджиковъ; многоженство встрѣчается рѣдко и преимущественно у высшихъ классовъ. Въ общемъ узбекъ прямодушнѣе, честнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ воитель.

Слово таджикъ значить „увѣнчанный“, что даетъ поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ дѣлать выводъ, что племя это когда-то держало въ своихъ рукахъ власть. Таджикъ всегда плечистъ, лицо его скуласто, носъ толстый, ротъ большой, лобъ высокій, глаза выразительные, волосы темнорусые, борода черная, густая. Таджики занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ, ремеслами и торговлей. Таджики—самое культурное племя въ Средней Азіи, и Бухара только имъ и обязана своей славой центра ислама и магометанскаго ученія. И теперь еще знатнѣйшіе муллы—изъ таджиковъ. Искусственное орошеніе Туркестана и прилегающихъ земель обязано тоже таджикамъ. Живутъ таджики какъ сарты, но духовныя ихъ качества выше другихъ сосѣднихъ народностей.

Численность сартовъ достигаетъ 80000 человекъ, что составляетъ четверть всего туркестанскаго населенія. Говорятъ сарты на особомъ тюркскомъ нарѣчій. Типъ сарта таковъ: средняго роста, коренастъ, кожа смуглая, волосы черные, небольшая борода, носъ прямой, скулы только изрѣдка выдаются, глаза далеко отставлены другъ отъ друга.

Носятъ сарты, какъ и текинцы, халаты и чалму. Сарты—народъ неглупый и трудолюбивый, но нечистоплотный. Многоженство допустимо, но имъ пользуются люди лишь состоятельные, хотя калымъ у сартовъ невеликъ.

Нечистоплотностью сартовъ объясняются царящія среди нихъ накожныя болѣзни и между ними, даже получившая отъ нихъ свою кличку—сартова болѣзнь, представляющая изъ себя неопасная, но длительная и болѣзненныя язвы.

По натурѣ своей сарты очень дѣятельны и энергичны. Они съ утра до вечера способны хлопотать, поглощенные исключительно дѣломъ. Въ торговлѣ они очень предприимчивы, мастера приспособиться къ рынку и его требованіямъ, очень работоспособны въ этомъ отношеніи. Кредита сартъ не признаетъ, и это упрощаетъ его дѣятельность; не признаетъ онъ и стороннихъ, наемныхъ помощниковъ,—изготавливаетъ для продажи вещи при посредствѣ своихъ домашнихъ, а торгуетъ самъ въ своей маленькой лавченкѣ. Коммерческій нюхъ и дѣловитость ввели сарта по торговымъ дѣламъ въ такіе отдаленные центры, какъ Петербургъ, Вѣна, Берлинъ, Парижъ (сосѣдніе Тибетъ, Китай, Индія уже давно исхожены и изъѣзжены имъ). Если еще принять въ расчетъ, что сартъ всегда довольствуется малой наживой на каждой вещи, то станетъ ясно, что русскому торговцу, съ его лѣнью и уже вездѣ отжившимъ стремленіемъ нажить на обманѣ и сразу схватить большой барышъ, трудно бороться съ этимъ ловкимъ конкурентомъ, все болѣе и болѣе

захватывающимъ здѣсь въ свои руки торговлю, домовладѣніе, ремесла.

Но, впрочемъ, въ настоящее время сарты научились „выворачивать шубу“, уменьшается довѣріе другъ къ другу, и коммерческія отношенія земляковъ частенько требуютъ участія суда.

Большія степныя пространства, мало орошенныя для того, чтобы здѣсь можно было культивировать какія-либо растенія, покрыты все-таки травой, годной для питанія скота, что побудило обитателей Туркестана заняться скотоводствомъ. Этому же способствуютъ горныя долины, неудобныя для осѣдлой жизни и дающія великолѣпный подножный кормъ. Номады по горнымъ лощинамъ кормятъ свой скотъ въ теченіе лѣтней жары и спускаются внизъ къ осени; зимою скотъ кочевниковъ также нагуливается въ степи, отыскивая себѣ пищу подъ снѣгомъ. Заботъ скотина здѣсь почти не требуетъ, развѣ только въ сильные холода ее заводятъ въ огражденные отъ вѣтра лощины, устраиваютъ ямы или сарайчики для молодняка да запасаютъ на зиму немного грубаго, въ родѣ камыша, корма верблюдамъ, которые своими подушками на ногахъ не могутъ сами пробивать снѣгъ для добычи пищи.

Въ Туркестанѣ насчитывается (не считая Хивы и Бухары) 1704000 лошадей. Онѣ здѣсь двухъ породъ—туркменской и киргизской. Первая изъ нихъ съ примѣсью арабской крови, годится только подъ верхъ; она очень быстра, но невынослива. Киргизскія лошади малорослы, некрасивы, но крѣпки и

крайне выносливы и неприхотливы. Лошадь здѣсь даетъ мясо, кумысъ и кожу.

Бычьего мяса обитатели Туркестана не потребляютъ почти, а потому крупный рогатый скотъ здѣсь разводится только какъ рабочая сила и ради кожи. Крупнаго рогатаго скота здѣсь насчитывается 1619000 головъ. Для перевозки же, особенно въ гористыхъ мѣстностяхъ, употребляются яки.

Громадную роль въ скотоводствѣ Туркестана играетъ овцеводство: овца здѣсь даетъ шерсть, молоко, сыръ, мясо и кожу. Торговля шерстью издавна служитъ средствомъ къ существованію закаспійскаго кочевника, и сбытъ продуктовъ овцеводства до сихъ поръ даетъ $\frac{3}{4}$ бюджета его; кромѣ того баранье мясо и овечій сыръ изстарин являются лакомымъ его блюдомъ. Здѣсь имѣется 15238000 головъ овецъ, барановъ и козъ, причемъ главную часть этого количества составляетъ курдючная овца,—животное очень выносливое, по мѣстнымъ представленіямъ вкусное. Овца эта отлагаетъ массу жира, который служитъ ей запасомъ на время безкормицы. Знаменитыя каракульскія овцы пасутся здѣсь же (оазисъ Кара-Куль).

Обширныя песчаныя пустыни, отсутствіе какихъ бы то ни было дорогъ черезъ нихъ (желѣзная проведена такъ еще недавно) заставили въ Туркестанѣ употреблять какъ вьючное животное и разводить верблюдовъ. Ихъ здѣсь имѣется 78000 головъ. Верблюды здѣсь есть и двугорбые и одногорбые. Эти животныя довольно нѣжны, и потому кочевники больше прилагаютъ къ нимъ заботъ, чѣмъ

къ другимъ: запасаютъ кормъ на зиму, покрываютъ попонами во время холодовъ, которыхъ верблюды не переносятъ.

Въ городахъ и оазисахъ для ѣзды и перевозки небольшихъ тяжестей пользуются ослами и мулами. Ихъ здѣсь 93000 головъ.

Какъ уже было сказано выше, коренное населеніе Туркестана раздѣляется на осѣдлое и кочевое. Помимо земледѣлія и скотоводства здѣсь существуютъ и нѣкоторыя промысловыя занятія, которыя въ силу своихъ свойствъ и раздѣляются между осѣдлыми и номадами. Такъ ремесла и промыслы, не требующіе капитальнаго оборудованія и могущіе обойтись легко переносимыми приспособленіями и орудіями, остались на долю кочевниковъ. Они выдѣлываютъ войлоки, ковры, паласы (ковры безъ ворса), сукна, мѣшки, вьюки, веревки, сѣтки не только для своего потребленія, но и для продажи осѣдлому населенію. Это, въ свою очередь, выдѣлываетъ кожу и обувь изъ нея, сбрую, одежду, оно занято шелководствомъ и издѣліями изъ шелка, изготовляетъ бумажныя ткани, а изъ нихъ бѣлье, халаты, одѣяла, выковываетъ подковы, мотыги, ножи, льетъ и штампуетъ мѣдную посуду, серебряныя и золотыя издѣлія. Въ его же рукахъ находится и заводская промышленность: маслобойная (очень плохо оборудованная), хлопкоочистительная, мукомольная и проч.

Такъ какъ кочевники одѣваются преимущественно въ шерстяныя ткани, то шерстобитное производство и шерстоткацкое здѣсь получило особое развитіе, при чемъ ткани, выработанныя изъ

верблюжьей шерсти, находятъ не только мѣстный сбытъ, но сильно идутъ и въ Персію. Кошма—родъ грубаго войлока—также изговляется въ громадномъ количествѣ; болѣе тонкая кошма, служащая для покрытія кибитокъ, продается по 5 рублей за штуку (на кибитку идетъ 10 штукъ), а болѣе толстая, замѣняющая тюфякъ, расцѣнивается по 2 рубля за квадратный аршинъ.

Ковры представляютъ одну изъ крупнѣйшихъ здѣсь отраслей производства и торговли, и товаръ этотъ по справедливости получилъ громкую извѣстность. Особенно славятся текинскіе и бухарскіе ковры. Въ 1893 году изъ Закаспійской области было вывезено ковровъ на 440000 рублей. Текинскіе ковры, отличающіеся красотой и прочностью, считаются лучше персидскихъ, но текинцы зачѣмъ-то начали заимствовать рисунки у персовъ.

Первымъ большимъ городомъ Туркестана по желѣзной дорогѣ является Асхабадъ—столица Закаспійской области. Это чистенькій городъ, еще совсѣмъ молодой. Дома его очень скромны и удивительно похожи другъ на друга: всѣ они каменные, маленькіе, съ плоскими крышами. Возлѣ каждаго домика—садъ, а въ саду непремѣнная его принадлежность—фонтанъ. Улицы прямыя съ перпендикулярно входящими въ нихъ переулками. Всѣ они тщательно вымощены и политы. Городъ въ общемъ довольно скучный и представляетъ изъ себя военную штабъ-квартиру.

Въ окрестностяхъ города мѣстечко Фирюза, стоящее на 1500 футовъ надъ уровнемъ моря, счи-

тается лучшимъ дачнымъ поселкомъ въ Туркестанскомъ краѣ.

За Асхабадомъ продолжается тотъ же текинскій оазисъ и имѣетъ тотъ же характеръ обработаннаго поля, что и до Асхабада. Засѣянные поля, сады при аулахъ доходятъ до самыхъ горъ; сотни кибитокъ стоятъ у полотна дороги. Первая станція отсюда, это—Анау-городъ, возникшій на развалинахъ стараго Анау, который, вѣроятно, видалъ Александра Македонскаго. Тутъ оазисъ прерывается и переходитъ въ безлюдную пустыню, заросшую верблюдиатникомъ и покрытую цвѣточками мака и лиловыми колокольчиками. Здѣсь не встрѣтите ни человѣка, ни верблюда вплоть до Артыка, стоящаго почти на границѣ Персіи. Безлюдье объясняется единственной здѣсь причиной—безводіемъ. Съ Артыка вновь идутъ поля, аулы, сады. Поля здѣсь малы по размѣрамъ, такъ какъ каждый земледѣлецъ беретъ себѣ тутъ не то количество земли, какое можетъ обработать, а то, какое ему подъ силу оросить.

Со станціи Душака горъ уже нѣтъ, и здѣсь же кончается текинскій оазисъ и начинается пустыня съ ея саксауломъ. Черезъ станцію находится Тедженъ, стоящій на рѣкѣ того же названія, протекающей въ Афганистанъ. Иначе эта рѣка называется Гери-Рудъ; она представляетъ изъ себя естественную границу съ Персіей и служитъ входомъ въ Афганистанъ. Это обстоятельство всегда заставляло Россію считать очень важнымъ владѣніе въ своихъ рукахъ теченіемъ этой рѣки.

Слѣдующій за Асхабадомъ большой городъ—

Мервѣ, расположившійся по обоимъ берегамъ Мургаба и служащій центромъ и главнымъ городомъ мервскаго оазиса.

Этотъ уѣздный городъ считается величайшимъ послѣ Асхабада въ области. Городъ расположенъ по обоимъ берегамъ Мургаба, при чемъ лѣвый берегъ занятъ административной и военной частью, а правый — торговой.

Городъ довольно благоустроенъ, весь покрытъ садами, но зато здѣсь царитъ малярія, считающая своей обязанностью сразить каждого жителя по два раза въ годъ.

Торговая часть города имѣетъ для него большое значеніе по оборотамъ здѣшняго базара-ярмарки, достигающимъ очень солидныхъ размѣровъ.

Недалеко отъ Мерва находится станція Байрамъ-Али, около которой расположено знаменитое Мургабское имѣніе Государя Императора. Имѣніе это учреждено въ 1889 году съ цѣлью возобновить когда-то цвѣтущій оазисъ. Это имѣніе занимаетъ болѣе 100000 десятинъ земли. Здѣсь раздѣланы миндальныя рощи, фруктовые сады, виноградники культивируются хлопокъ, пшеница. Смѣло можно сказать, что это надиво поставленное хозяйство служить разсадникомъ знанія для окружающаго полудикаго населенія.

Тутъ же недалеко находятся развалины стараго Мерва, о которомъ упоминается въ священныхъ книгахъ персовъ еще за 2500 лѣтъ до Р. Хр. По словамъ этихъ книгъ, Мервъ представлялъ мѣсто

изобилія, созданное для жительства высшаго божества древнихъ иранцевъ—Ормузда.

Судьба этого старика была крайне измѣнчива, и онъ переходилъ изъ рукъ въ руки отъ однихъ завоевателей къ другимъ, постоянно былъ ареной борьбы и то достигалъ высокой культуры, то подвергался полному опустошенію; въ IX вѣкѣ по Р. Хр. онъ сталъ приходить въ окончательный упадокъ. Грандіозныя развалины Мерва производятъ неотразимое впечатлѣніе.

Послѣ этого дорога проходитъ Бухарой, гдѣ интересенъ городъ Чарджуй, расположенный по лѣвому берегу Аму-Дарьи и утопающій въ пышной растительности. Здѣсь находится центральный пунктъ стоянки аму-дарьинскихъ пароходовъ, ходящихъ отсюда до Петро-Александровска внизъ по теченію и до Термеза—вверхъ (Термезъ—русское укрѣпленіе въ Бухарѣ, на границѣ съ Афганистаномъ). Какъ это бываетъ въ Туркестанскомъ краѣ, новый или русскій городъ отстоитъ отъ стараго, туземнаго, на довольно большомъ разстояніи: Чарджуй русскій отъ азіатскаго находится на разстояніи 16 верстъ.

Тутъ слѣдуетъ переѣздъ по аму-дарьинскому мосту, длиннѣйшему въ Россіи (750 саж.).

Ст. Бухара—или, какъ ее теперь стали называть, Каганъ, отстоитъ отъ старой Бухары на 10 верстъ. Здѣсь—резиденція русскаго политическаго агента (см. далѣе въ статьѣ „Бухара“), тутъ же дворецъ эмира.

На разстояніи 1415 верстъ отъ Красноводска на-

ходится Самаркандъ, одинъ изъ интереснѣйшихъ городовъ Туркестана. По преданію, онъ основанъ за 3—4 вѣка до Р. Хр. Въ IV вѣкѣ онъ былъ завоеванъ Александромъ Македонскимъ; въ VI здѣсь были христіане-несторіане; въ VII—IX имъ владѣли арабы; въ XIII его взялъ Чингисъ-ханъ и сравнивалъ съ землею; въ XIV Самаркандъ былъ столицею Тамерлана, украсившаго городъ чудными постройками; въ концѣ XV вѣка городъ перешелъ къ узбекамъ, въ XVIII—къ бухарцамъ, а въ XIX (2 мая 1868 года) онъ былъ покоренъ русскими (подробное описаніе города см. въ статьѣ „Бухара“).

Ташкентъ—тоже одинъ изъ старѣйшихъ городовъ. Онъ, такъ же какъ и его сосѣди, переходилъ изъ рукъ въ руки отъ однихъ завоевателей къ другимъ. Русская часть города является резиденціей туркестанскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками. Русскій городъ состоитъ изъ двухъ частей: западной, густо застроенной, части, прилегающей къ крѣпости, и восточной, болѣе поздняго происхожденія. Общественная жизнь города слабо развита.

Ташкентъ является образовательнымъ центромъ края. Тутъ есть нѣсколько среднеучебныхъ заведеній и болѣе двадцати ученыхъ обществъ, которыя, кстати, въ униссонъ съобщественной жизнью, мало проявляютъ свою активную дѣятельность. Здѣсь есть публичная библіотека съ богатымъ азіатскимъ отдѣломъ, музей, издается двѣ русскія газеты и одна русско-туземная, есть астрономиче-

ская и физическая обсерваторія, біологическая станція и проч.

Начальное образованіе въ Туркестанѣ находится въ рукахъ мусульманскаго духовенства. Мусульманскихъ школъ насчитывается 6430 съ 95000 учащихся обоого пола, еврейскихъ — 21 школа. Русскихъ учебныхъ заведеній во всемъ краѣ 249, изъ нихъ 13 среднихъ; всего учащихся въ русскихъ школахъ 12500 человекъ.

Есть въ Ташкентѣ и русско-туземныя школы, какъ изъ здѣсь называютъ. Мальчуганы въ своихъ шапочкахъ сидятъ на полу, сложивъ ноги калачикомъ; противъ нихъ располагается въ такой же позѣ учитель-мулла. Ученики зубрятъ во весь голосъ и, вѣроятно ради облегченія, усиленно раскачиваются, какъ китайскіе болванчики, взадъ и впередъ. Мусульманская часть обученія въ такихъ школахъ сводится къ слѣдующему: сперва зубрится хафтіакъ — часть корана, написанная на арабскомъ языкѣ; языка этого ученики не знаютъ, а потому зубрежка является автоматическимъ запоминаніемъ звуковъ. Требуется же арабскій языкъ на томъ основаніи что это — языкъ рая, тамъ говорятъ на немъ, и учить богословіе на другомъ языкѣ грѣшно. Послѣ этого изучаютъ, опять-таки также производительно, но на персидскомъ языкѣ, чаръ-китабу, т.-е. сводъ правилъ ислама. Затѣмъ переходятъ къ персидскимъ и тюркскимъ стихамъ, едва ли доступнымъ даже и въ малой степени возрасту учениковъ. Послѣ зазубриванія стиховъ слѣдуетъ писаніе, о которомъ можно уже судить

потому, что даже въ высшихъ школахъ — медресе — ученики не имѣютъ представленія ни о какой грамматикѣ. Въ общемъ въ головѣ у ученика получается полнѣйшій сумбуръ, и населеніе, несмотря на то, что здѣсь всѣ мальчики посѣщаютъ школы, безграмотно.

По-русски въ этихъ школахъ писать ученики научаются скоро, но чтеніе дается имъ съ трудомъ, и пробывшіе въ школѣ три года коверкаютъ слова и не могутъ передать значенія прочитанной фразы; усваивается чтеніе только послѣ шестилѣтняго посѣщенія училища.

Школы эти, конечно, пользуются исключительными антипатіями сартовъ.

Есть въ Ташкентѣ и сартскій театръ. Театръ этотъ — довольно оригинальное учрежденіе. Постояннаго зданія для этого, конечно, нѣтъ. Просто-напросто къ деревьямъ прибиты планки, а къ послѣднимъ — несшитыя полосы ситца; потолка въ этомъ балаганѣ нѣтъ. Освѣщеніе даютъ нѣсколько свѣчей. Актеры все время въ балаганѣ и даютъ представленія по мѣрѣ сбора публики: достаточно десятка посѣтителей, чтобы они начали играть. Г. Евгеній Марковъ такъ описываетъ самое представленіе:

„Два мрачныхъ бородача взяли въ руки бубны и затагнули своими далеко немолодыми голосами какую-то очень наивную, но мало подходившую къ ихъ угрюмымъ старообразнымъ рожамъ шутливую мелодію; она раздавалась сначала какъ-то глухо и принужденно, но потомъ стала оживляться все больше и больше и разрослась, наконецъ, во что-то

такое неудержимо-веселое и отчаянно-хохочущее, что у слушателей заходили всѣ жилки. Музыканты все время словно впивались глазами другъ въ друга и постоянно подбадривали одинъ другого, подхватывая мотивъ, начатый однимъ, приподнимая каждый разъ еще нотою выше шутливый тонъ его, то и дѣло подстегивая и подзадоривая свое собственное веселье лихими ударами бубенъ и неожиданными колѣнцами разудалой пѣсенки.

Мальчишка-цыганенокъ съ горящими, какъ уголь, черными глазами переодѣлся въ красную юбку и пеструю синюю рубаху и сталъ ловко крутиться, плясать и продѣлывать разныя гимнастическія штуки.

Сарты нѣсколько разъ заставляли его поднимать рѣсницами воткнутыя въ землю серебряныя монетки; это — самый, повидимому, эффектный номеръ.

Послѣ пляски на низенькой сценѣ, приподнятой въ видѣ полки, началась кукольная комедія подъ аккомпаниментъ той же назойливо-хохочущей музыки. Сартянки въ комическихъ нарядахъ выскочили плясать, ругаться и спорить. Сарты-мужья вступились и принялись тузить другъ дружку при самомъ чистосердечномъ хохотѣ сидѣвшихъ рядомъ съ нами бородатыхъ дѣтей въ огромныхъ турбанахъ и величественныхъ полосатыхъ хламидахъ. Сцены домашней жизни туземца разыграны были дѣйствительно чрезвычайно естественно и забавно, съ большимъ одушевленіемъ и юморомъ. Онѣ пересыпались цѣлымъ градомъ ловкихъ прибаутокъ и остротъ, отъ которыхъ животики надрывали зри-

тели-сарты, смаковавшіе всю ихъ соль, и отъ которыхъ хохотали даже мы, не понимая ни одного слова, но хорошо улавливая ихъ смыслъ въ потѣшной мимикѣ и тѣлодвиженіяхъ азіатскихъ лицедѣевъ“.

Ходжентъ—крайній пунктъ, до котораго доходилъ Александръ Македонскій. Онъ отстоитъ въ 12 верстахъ отъ желѣзной дороги и потому потерялъ свое торговое значеніе, которое онъ имѣлъ при прежнихъ путяхъ сообщенія: отсюда шли дороги въ Бухару, Самаркандъ, Ташкентъ.

Кокандъ окруженъ стѣной въ 4 сажени вышиной, имѣющей 18¹/₂ верстъ въ окружности. Здѣсь находится Урда—бывшій ханскій дворецъ, построенный Худояръ-Ханомъ. Весь фасадъ съ четырьмя башенками украшенъ цвѣтными изразцами. Здѣсь въ большой залѣ устроена церковь.

Новый Маргеланъ—главный городъ Ферганской области. Въ 10 верстахъ отъ него находится Старый Маргеланъ. Новый Маргеланъ основанъ русскими въ 1877 году. Здѣсь типичное, напоминающее московское, расположеніе улицъ: онѣ идутъ радіусами къ центру, а пересѣкаются концентрическими кольцами. Улицы широкія, обсажены деревьями. Расположенъ городъ по обоимъ берегамъ Маргеланъ-Сая.

Старый Андижанъ представляетъ конечный этапъ средне-азіатской желѣзной дороги. Городъ былъ столицей Ферганы при Бабурѣ, правнукѣ Тамерлана, покорившемъ Индію и сосѣднія страны. Городъ этотъ прошумѣлъ въ 1898 году своимъ возстаніемъ, а въ 1902 году здѣсь разразилась ката-

строфа—землетрясеніе, когда было убито 5000 человекъ и ранено около 18000.

Очень интересны средне-азіатскіе базары—ярмарки. По постановкѣ самаго дѣла купли-продажи, по пестротѣ костюмовъ, оригинальности общей картины трудно увидѣть гдѣ - либо что - либо подобное. Такіе базары есть во всякомъ старомъ средне-азіатскомъ городѣ. Тутъ сосредоточены лавки армянъ, евреевъ, текинцевъ, персовъ и бухарцевъ, тѣсно прилегающія другъ къ другу и занимающія обширное пространство за городомъ, на лужайкѣ, непосредственно примыкающей къ степи. Лавки распределены не по роду продающихся въ нихъ товаровъ, а по національности владѣльцевъ. Съ ранняго утра на этотъ плацъ со всѣхъ сторонъ начинается народъ съ женами, дѣтьми, повозками, верблюдами. Тутъ цѣлые аулы пригнали своихъ барановъ; верблюдовожатый на маленькомъ осликѣ тащитъ за собой десятокъ навьюченныхъ кораблей пустыни—меланхолически выступающихъ верблюдовъ; на лошади ѣдетъ текинецъ, сзади его сѣдла примостилась текинка съ ребенкомъ; идетъ верблюдъ, нагруженный коврами; шествуетъ всадникъ, у котораго къ сѣдлу привязаны за ноги куры; осликъ тащитъ на спинѣ стожокъ люцерны, другой—вязанки коряваго саксаула, идущаго на топливо,—грандіозная картина, поражающая своей пестротой и напоминающая когда-то бывавшія грозныя нашествія предковъ, сейчасъ джигитующихъ здѣсь текинцевъ. Выгонъ полонъ громадныхъ папахъ, перемѣшанныхъ съ цвѣтными

чалмами сартовъ, голубыми—ташкентцевъ и бѣлыми колпаками таранчей, кисейными тюрбанами индусовъ; пестрые халаты рѣжутъ непривыкшіи глаза; то тутъ, то тамъ промелькнетъ текинка, надѣвшая на голову рукавъ халата и свѣсившая весь костюмъ въ видѣ какого-то страннаго плаща на спину. Базаръ привлекаетъ не только покупающихъ и продающихъ,—тутъ все населеніе азіатскаго города и ближайшихъ ауловъ, собравшееся сюда, какъ въ клубъ или на гулянье. Снуютъ эти пришедшіе потолкаться и поболтать лѣнты, и гомонъ, стоящій надъ лугомъ, далеко слышенъ вокругъ. Кухни, чайныя—на каждомъ шагу. Онѣ примостились или подъ деревомъ, или подъ шатромъ и торгуютъ на славу: вездѣ на коврикахъ или на тюфячкахъ сидятъ ряды азіатовъ и попиваютъ изъ своихъ походныхъ чашекъ жиденькій чай, безъ котораго не можетъ жить текинецъ. Очень много продавцовъ разныхъ сладостей. То тутъ, то тамъ на блюдахъ разложены кишмишъ, шептала, орѣхи, конфекты, и все это охотно раскупается сластенами-дикарями. На базарѣ преимущественно дешевый мелочной товаръ: тюбетейки, туфли, нагайки, походныя чайныя чашки въ кожаныхъ футлярахъ, гребни, тыквенныя фляги, котелки и пр. дрянъ. Есть и издѣлія фабрикъ Европейской Россіи—дешевые ситцы, посуда и прочая заваль, не нашедшая сбыта на родинѣ. Ковровъ немного, но и эти покупать опасно: надуютъ. Главный товаръ базара, это—скоть, и крики его усердно дополняютъ и безъ того нестерпимый гвалтъ, поднятый людьми. Здѣсь массы

овецъ, много верблюдовъ, много лошадей, достаточно и ословъ и коровъ.

Тутъ кстати будетъ отмѣтить, что упомянутые нами города занимаютъ слѣдующія мѣста среди русскихъ городовъ по населенности: Ташкентъ—11, Самаркандъ—43, Кокандъ—44, Андижанъ—61, Старый Маргеланъ—77 и Ходжентъ—94.

Туркестанскій край изъ года въ годъ даетъ превышеніе расходовъ надъ доходами, поступающими въ государственную казну. Если брать эти цифры черезъ десять лѣтъ, то мы увидимъ, что

въ 1869 г.	доходъ	2356241 р.,	расходъ	4233482 р.
„ 1879 „	„	4206571 „	„	11290188 „
„ 1888 „	„	6470311 „	„	11975236 „
„ 1897 „	„	9894899 „	„	16633805 „
„ 1902 „	„	10180928 „	„	22656555 „

По поводу этихъ постоянныхъ дефицитовъ, пополняемыхъ, конечно, изъ общегосударственныхъ средствъ, существуетъ мнѣніе, что край самъ по себѣ не можетъ покрыть расходовъ, появившихся въ государственномъ бюджетѣ съ момента приобрѣтенія его, а потому и самое приобрѣтеніе края нельзя считать выгоднымъ. На это сторонники расширенія нашихъ владѣній въ Средней Азіи возражаютъ, что дефицитъ является независимымъ отъ края; онъ вызванъ громадными расходами на войска, которыя сосредоточены здѣсь не ради нуждъ самого края, а вслѣдствіе его пограничнаго поло-

женія, и что такой расходъ никакъ нельзя относить на счетъ пограничнаго района, а должно считать его общегосударственнымъ.

В. В. Стратоновъ въ освѣщеніе этого, во всякомъ случаѣ интереснаго, вопроса даетъ роспись доходовъ и расходовъ, которую мы приведемъ въ главнѣйшихъ частяхъ, беря лишь цифры за 1902 г. и за 1893 г.:

	1902 г.	1893 г.
поземельный налогъ	3734824 р.	2852262 р.
кибиточная подать	779288 „	736583 „
питейный доходъ	872702 „	335376 „
табачный „	145886 „	62330 „
таможенный „	2018088 „	662840 „
гербовый сборъ	323983 „	117850 „
промысловый доходъ	634826 „	420760 „
почтовый „	260366 „	212623 „
телеграфный „	309384 „	185757 „

Расходы выражались такими цифрами за тѣ же 1902 и 1893 гг.:

	1902 г.	1893 г.
по военному министерству	8901111 р.	6569771 р.
„ министерству финансовъ	1676197 „	712339 „
„ „ госуд. имущ.	629306 „	82207 „
„ „ внутр. дѣлъ.	50898 „	6273 „
„ управл. почтъ и телеграфъ.	743647 „	861214 „
„ минист. народн. просвѣщ.	595555 „	198156 „
„ „ путей сообщ.	30962 „	4159 „
„ „ юстиціи	229767 „	110875 „

Невольно напрашивается сравнение расходов гражданских обыкновенных для всей Россіи и военных. Въ 1893 г. военных расходовъ было 6569771 р., или 67,87% всѣхъ расходовъ, а гражданскихъ—3110251 р., или 32,13%. Въ 1902 г. военныхъ расходовъ было 8901111 р., или 63,10%, гражданскихъ — 5224748 р., или 36,99%. Въ среднемъ за десять лѣтъ военные расходы составляли 64,29%, а гражданскіе—35,71%. Округляя цифры, можно сказать, что военные расходы почти вдвое больше гражданскихъ. Въ общероссійской же росписи, не считая военныхъ расходовъ на Туркестанъ и Квантунскую область, военные расходы составляютъ лишь 41%.

Если бы можно было исключить чрезвычайные военные расходы для Туркестанскаго края, то, согласно общероссійской росписи, край далъ бы государственной казнѣ въ 1893 г. 1464000 р. перевѣса доходовъ надъ расходами и въ 1902 г.—1351000 р.

Кульджинскій край.

Къ восточной части нашей Семирѣченской области примыкаетъ Кульджинскій край, который нѣсколько лѣтъ былъ занятъ Россіей и потомъ возвращенъ Китаю. Еще недавно этотъ край радовалъ взоръ путешественника: богатая природа, прекрасный климатъ, плодородная почва и трудолюбіе населенія, насчитывавшаго 2½ милліона жи-

телей, сдѣлали страну цвѣтущей. Но нашествіе дунганъ (магометане, жители сѣверо-западнаго Китая и Джунгаріи; ихъ 4 милл.) разорило и опустошило страну и теперь тамъ оросительныя приспособленія превратились въ болота, поля опустошены, лѣса тоже, а города и деревни представляютъ развалины. Количество населенія убыло до 70000 человекъ.

Х и в а.

Крошечное среднеазиатское ханство — Хива, состоящее теперь, какъ и Бухара, подъ покровительствомъ Россіи, когда-то было обширнымъ и могущественнымъ. Политическое значеніе Хива начала приобретать съ IX вѣка. Въ тѣ времена хивинскій ханъ Алла-Эдинъ завладѣлъ китайскимъ Туркестаномъ, Самаркандомъ, Бухарою, Балхомъ, Хоросаномъ, Мазандараномъ. Даже Чингизъ-ханъ дорожилъ дружбой Алла-Эдина. Съ XV столѣтія здѣсь воцарились азиатскіе завоеватели — узбеки.

Наши сношенія съ Хивой начались съ 1603 г., по обыкновенію, набѣгами нашихъ казаковъ. Съ 1620 г. открылись сношенія уже болѣе мирнаго характера при посредствѣ посольствъ, которыя ѣздили въ Хиву довольно часто.

Въ 1700 г. хивинскій ханъ Шаніазъ (тогда подъ протекторатомъ Бухары была Хива и нѣсколько маленькихъ ханствъ) отправилъ къ Петру Вели-

кому своихъ пословъ просить принять ханство подъ свое покровительство, на что государь согласился.

Петръ отправилъ въ Хиву посольство кн. Бековича-Черкаскаго, которому дана была такая инструкція: „поздравить съ вступленіемъ на ханство новаго хана, а оттолъ ѣхать въ Бухары къ хану, сыскавъ какое торговое дѣло, а дѣло настоящее провѣдать про городъ Иркеть, сколько далека оный отъ Каспійскаго моря и нѣтъ ли какихъ рѣкъ оттолъ, или хотя не отъ самаго того мѣста, однакожъ, поблизости въ Каспійское море“. Послу было дано 1¹/₂ тысячи солдатъ и 5 тысячъ рублей денегъ. Онъ изслѣдовалъ старое и новое русла Аму-Дарьи и сдѣлалъ государю докладъ, за который получилъ благодарность и чинъ капитана. Государь послалъ его еще разъ, приказавъ построить близъ стараго русла Аму-Дарьи крѣпость на 1000 человекъ, осмотрѣть старое русло рѣки (есть основаніе полагать, что Аму-Дарья, впадающая теперь въ Аральское море, впадала раньше въ Каспійское) и, если можно, направить по нему воду. Близъ плотины также устроить городъ, но только тайно отъ хивинцевъ. Придя въ Хиву, склонить хана къ вѣрности и подданству, обѣщая ему наслѣдственное достоинство; предложить ему русскую гвардію, но съ условіемъ, чтобы ханъ самъ ее содержалъ. При содѣйствіи хана послать купца въ Индію, чтобы онъ описывалъ путь и разыскалъ кратчайшее и удобнѣйшее сообщеніе Индіи съ Каспійскимъ моремъ. Изъ Хивы отправиться въ Бухару и постараться склонить эмира, если не въ подданство, то къ дружбѣ и

предложить ему тоже русскую гвардію, такъ какъ „въ Бухарѣ ханы тоже дѣйствуютъ отъ подданныхъ“. Въ Индію былъ командированъ поручикъ флота Кожинъ. Ассигновано было на экспедицію 200000 р. Въ сентябрѣ 1716 г. кн. Черкасскій отплылъ изъ Астрахани.

На берегу залива Тюкъ-Караганскаго князь велѣлъ строить одну крѣпость, а самъ отправился къ Красноводскому заливу, гдѣ начали строить другую. Калмыцкій ханъ предупредилъ посла, что путь на Хиву необычайно труденъ. Получены были свѣдѣнія, что хивинскій ханъ готовитъ войско. Князь предупредилъ хана, что идетъ съ мирными цѣлями, и двинулся къ Хивѣ, по дорогѣ къ которой онъ со своими 700 солдатами былъ встрѣченъ хивинцами. Произошла стычка и хивинцы были разбиты. Тогда ханъ велѣлъ заявить послу, что все произошло безъ его вѣдома и приглашалъ депутацію къ себѣ. Принялъ ее онъ очень любезно, но попросилъ раздѣлить отрядъ на болѣе мелкія части въ видахъ удобства расквартированія. Князь раздѣлилъ войско на 5 отрядовъ. Этимъ воспользовались азіаты и уничтожили всю экспедицію. Въ это же время туркмены, ждавшіе къ кому имъ примкнуть, начали осаждать наши крѣпости, гарнизоны которыхъ удалились въ Астрахань.

Въ 1819 году опять была отправлена экспедиція для осмотра восточнаго берега Каспійскаго моря, съ цѣлью выбора мѣста для постройки крѣпости, которая служила бы и опорнымъ торговымъ пунктомъ—складомъ. Въ Хиву были посланы офицеры

убѣдить хана, чтобы онъ „направилъ торговлю Хивы на избранный пунктъ“. Туркмены очень радушно встрѣтили комиссію, просили даже о принятіи ихъ въ русское подданство и проводили ее до Хивы, гдѣ капитанъ Муравьевъ былъ продержанъ въ заключеніи 48 дней и затѣмъ изгнанъ изъ ханства безъ всякихъ результатовъ по порученному дѣлу.

Между тѣмъ грабежи русскихъ каравановъ продолжались; русскихъ уводили въ плѣнъ и продавали въ рабство въ Хивѣ. На выкупъ этихъ плѣнныхъ, число которыхъ доходило до 200 въ годъ въ 1826 году, напримѣръ, было израсходовано особой комиссіей 21289 рублей. И на ряду съ этимъ послы хана привозили въ Россію подарки и разсыпались въ увѣренія преданности. Въ 1836 году, когда русскихъ плѣнныхъ въ Хивѣ скопилось до 1000 человѣкъ, намъ пришлось задержать всѣхъ хивинскихъ купцовъ, ѣхавшихъ домой съ нижегородской ярмарки, и заявить, что они до тѣхъ поръ не будутъ отпущены, пока не вернутся на родину русскіе плѣнные до послѣдняго и пока не прекратятся враждебныя дѣйствія хивинцевъ. Ударъ по карману, прекращеніемъ торговыхъ сношеній былъ ошеломляющъ: цѣны привозныхъ готовыхъ товаровъ въ Хивѣ поднялись на 15%, а сырыхъ—на 90%, хивинскія же издѣлія подешевѣли на 50%. Ханъ медлил выполненіемъ нашихъ требованій. Въ 1837 году онъ прислалъ намъ 25 плѣнныхъ и богатые подарки. Но подарки были возвращены, а хивинскіе купцы съ товарами не отпускались. Не

имѣя другихъ способовъ воздѣйствія на азіатовъ, рѣшено было прибѣгнуть къ оружію, и въ 1839 году генералу Перовскому приказано было выступить въ походъ противъ Хивы. Перовскій взялъ съ собою 4413 солдатъ, 2112 лошадей и 10400 верблюдовъ. Продовольствія было запасено масса: 11889 четвертей сухарей, 3223 четверти крупъ, 4605 четвертей муки, 16098 четвертей овса, 4199 ведеръ спирта, много сухого бульона, сала, капусты, табака и проч.; за отрядомъ должны были гнать убойный скотъ.

Походъ этотъ былъ неудачнымъ. Какъ бы на помощь хивинцамъ пришли климатическія условія края, гдѣ приходилось проходить войскамъ, и походъ былъ сопряженъ съ невѣроятными трудностями. Степь вся была покрыта глубокимъ рыхлымъ снѣгомъ, лишь сверху покрытымъ скользкой ледяной корой, образовавшейся отъ нестерпимыхъ, рѣдкихъ даже здѣсь, въ необъятныхъ открытыхъ долинахъ, вѣтровъ. Верблюды и лошади поминутно проваливались по брюхо, ранили себѣ ноги; вьюки сваливались. Провизія, взятая съ собою, быстро выходила, а посланная черезъ море на разные склады не прибыла за непогодой. Вдобавокъ киргизы-верблюдовожатаи взбунтовались и отказывались вести караванъ. Уговоры были безуспѣшны, и пришлось прибѣгнуть къ разстрѣлянію нѣсколькихъ бунтовщиковъ, послѣ чего остальные покорились. Морозы держались не ниже 20 градусовъ, и верблюды начали околѣвать: на протяженіи 160 верстъ ихъ пало 1200 штукъ; на половинѣ пути остава-

лось ихъ только 5000. Поднять на нихъ можно было только мѣсячное продовольствіе, дойти же до Хивы въ мѣсяцъ нельзя было и думать; взять съ собой только людское продовольствіе нельзя было. Вообще двигаться впередъ не представлялось возможнымъ,—люди, если бы и дошли, пришли бы обезсиленными. Пришлось повернуть назадъ. За этотъ походъ умерло 1054 человекъ и 609 были сданы въ госпиталь въ Оренбургъ.

Вскорѣ послѣ этого вышло повелѣніе готовиться къ новому походу. Хивинцы задумались. Въ 1840 г. они прислали 418 русскихъ плѣнныхъ, а ханъ издалъ фирманъ, которымъ воспрещалось не только ловить, но и покупать русскихъ. Это вызвало со стороны Россіи рѣшеніе дѣйствовать опять дипломатическимъ путемъ, а не оружіемъ, и въ Хиву былъ посланъ капитанъ Никифоровъ, который долженъ былъ предложить хивинцамъ три слѣдующихъ пункта: 1) уничтоженіе рабства и плѣненія русскихъ и обезпеченіе лицъ и имуществъ ихъ въ хивинскомъ ханствѣ; 2) ограниченіе незаконнаго вліянія Хивы на кочевыя племена, издревле поступившія въ подданство Россіи (киргизы), и 3) обезпеченіе торговли нашей, какъ съ Хивой, такъ и съ сосѣдними государствами. Никакихъ соглашеній достигнуто не было, благодаря уклончивости хана. Хива вмѣстѣ съ Никифоровымъ отправила своего уполномоченнаго, послѣ переговоровъ съ которымъ Николай Павловичъ послалъ въ Хиву подполковника Данилевскаго, которому пришлось вести переговоры съ ханомъ Алла-Куломъ лишь немного,

такъ какъ, за его смертью, его замѣстилъ Рахимъ-Кули-Инахъ. Эта миссія закончилась подписаніемъ желательнаго для Россіи договора, который, сплошь и рядомъ, все-таки нарушался хивинцами.

О покореніи Хивы было сказано въ отд. „Рус. Турк.“.

Хива занимаетъ 54246 квадр. верстъ. На западѣ, юго-западѣ и югѣ она граничитъ съ Закаспійской областью, на юго-востокѣ—съ Бухарой, на востокѣ—съ Сыръ-Дарьинской областью и на сѣверѣ—съ Аральскимъ моремъ. Населеніе хивинскаго ханства считается въ 700000 человекъ обоого пола.

Хивинская земля рѣзко дѣлится на двѣ части, противоположныя по характеру: одна изъ нихъ, хорошо орошаемая Аму-Дарьей, представляетъ цвѣтушій оазисъ, вполнѣ заслужившій сложенный про него пѣсни восточныхъ поэтовъ. Многоводная рѣка протекаетъ здѣсь съ юга на сѣверъ на протяженіи болѣе 300 верстъ, давая массу рукавовъ и протоковъ. Помимо этого здѣсь проложена цѣлая сеть каналовъ, орошающихъ землю и дающихъ великолѣпную растительность, пышно распускающуюся на удобреніи изъ ила. Другая часть—голая пустыня.

Весь оазисъ покрытъ тополями, вязами, шелковичными деревьями, окружающими поля и поселки. Персики, яблоки, гранаты, дыни здѣсь получаютъ великолѣпнаго качества. Главное занятіе населенія—земледѣліе, но оно ведется здѣсь примитивнымъ порядкомъ, хотя на него и затрачивается масса труда. Засѣваются здѣсь кунжутъ, просо, пшеница, ячмень, джугара, рисъ, бобовыя расте-

нія, люцерна. На огородахъ получаютъ знаменитыя по своимъ качествамъ дыни. Хлопчатникъ, культивируемый здѣсь, — лучший по всей Средней Азіи. Шелководство могло бы здѣсь служить хорошимъ подспорьемъ для населенія, но некультурность послѣдняго значительно тормозитъ дѣло; черви постоянно болѣютъ, и производство сильно сократилось. Скотоводство поставлено слабо, благодаря неудобству для этого промысла страны. Климатъ Хивы континентальный; зимой морозы доходятъ до 18° весна начинается въ концѣ февраля, снѣга бываетъ мало.

Населеніе Хивы, равное 700000 душъ, состоитъ преимущественно изъ узбековъ, занимающихся земледѣліемъ и являющихся здѣсь правящимъ классомъ, и туркменъ, занятыхъ скотоводствомъ и ведущихъ кочевой образъ жизни. Впрочемъ, населеніе, благодаря тому, что Хива долгое время, вплоть до вмѣшательства въ ея дѣла Россіи, служила гнѣздомъ рабовладѣнія, сильно смѣшалось съ тѣми народами, которые забирались здѣсь въ плѣнъ, преимущественно же—съ персами.

Узбеки—аристократія страны—избѣгаютъ смѣшенія крови съ другими болѣе низкими племенами. Но взять себѣ дѣвицу въ жены, если женъ нѣсколько, изъ низшаго племени не считается за большой грѣхъ, выдавать же своихъ дѣвушекъ туда не дозволяется: это—позоръ для родителей.

На женщинъ возложена вся физическая работа: онѣ ведутъ хозяйство, собираютъ топливо, готовятъ бумажныя матеріи и кожи, шьютъ одежду

и даже пахутъ землю, иногда самостоятельно, а иногда только помогая мужу, отцу или брату. Мужчина считаетъ работу унизительной. Дѣти пользуются очень небольшимъ вниманіемъ со стороны родителей, и только по достиженіи рабочаго возраста они пріобрѣтаютъ кое-какое значеніе. Усвоивъ взглядъ на женщину, какъ на рабочее животное, узбекъ, вѣроятно, и женится главнымъ образомъ въ расчетъ на силу этого животного. Поэтому молодыя невѣсты, которыя были бы плохими работницами, здѣсь не въ спросѣ, и только богачи иногда, ради разнообразія, женятся на 10-лѣтнихъ, масса же предпочитаетъ дѣвицъ около 20 лѣтъ. Азіатскія женщины вообще очень рано развиваются и еще раньше отцвѣтаютъ. Калымъ не всегда платится: иногда бѣднякъ уплачиваетъ за невѣсту тѣмъ, что остается въ работникахъ у тестя. Въ званіи жениха узбекъ, если есть калымъ, состоитъ до уплаты его. Черезъ 2 — 3 дня послѣ свадьбы, которые проводятся въ домѣ тестя, мужъ можетъ взять жену къ себѣ, гдѣ онъ устраиваетъ угощеніе холостымъ товарищамъ, съ которыми послѣ этого и порываетъ уже пріятельскія отношенія. Если жена остается жить у отца, то мужъ къ ней ходитъ тайкомъ и не показывается ни тестю, ни тещѣ.

Помимо узбековъ и туркменъ, о которыхъ мы уже говорили, въ Хивѣ живетъ племя каракалпаки, похожее на киргизовъ. Это—низшее племя, занимающееся скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ. Есть и киргизы.

Хивинцы—все магометане-сунниты. Религіозный фанатизмъ поддерживается духовенствомъ, которое, помимо духовныхъ требъ, исполняетъ здѣсь судебныя и учительскія обязанности.

Правленіе въ Хивѣ деспотическое. Единовластіе хана, вольнаго въ жизни и смерти своихъ подданныхъ, въ значительной мѣрѣ обуздано съ тѣхъ поръ, какъ Хива подчинилась Россіи. Здѣсь произошло въ этомъ отношеніи то же, что и въ Бухарѣ. Вслѣдствіе того, что власть хана и его приближенныхъ направлена прежде всего къ стяжанію, населеніе непроходимо невѣжественно и переноситъ гнетущую бѣдность.

Постройки здѣсь всеѣмъ однообразны: очень малы, темны и положительно антисанитарны. Отапливаются очагомъ, дымъ отъ котораго выходитъ въ отверстіе, продѣланное въ плоской крышѣ. Большинство построекъ глинобитныя, затѣмъ слѣдуютъ деревянныя и, наконецъ, каменныя. Внутреннее украшеніе жилищъ сводится къ развѣшиванію и разстиланію кошмъ и ковровъ.

Города, а ихъ въ Хивѣ всего около полусотни, тоже однообразны. Они всегда обшояты стѣной, сдѣланной изъ глины, смѣшанной съ соломой, и снабженной бойницами, а Хива—столица государства—обнесена даже двумя стѣнами.

Климатъ страны очень здоровый. Эпидеміи здѣсь отсутствуютъ, но зато сильно распространены оспа, сифилисъ и глазныя болѣзни.

Б у х а р а.

Къ югу отъ Сыръ-Дарьинской и Самаркандской областей лежитъ Бухара. На западѣ она граничитъ съ Хивой и Закаспійской областью, на югѣ и на западѣ—съ Афганистаномъ. Площадь Бухары равна 180000 кв. верстъ, на которыхъ живетъ 1950000 жителей.

Первое населеніе Бухары, повидимому, принадлежало къ иранскому племени. Оно исповѣдывало ученіе Зороастра. Но уже въ древнія времена къ нимъ присоединились выходцы изъ Турана, внесшіе сюда буддизмъ. Затѣмъ древней Бухарой владѣли арабы, съ которыми проникъ сюда и исламъ, проповѣдники котораго дѣйствовали преимущественно насиліемъ и принужденіемъ, въ виду непріязненнаго отношенія населенія къ новому вѣроученію.

Въ 999 году Бухара была покорена югурами—тюркскимъ племенемъ изъ Туркестана. Въ 1218 году на Бухару напали монголы Чингисъ-хана и въ 1220 году страна была разграблена и сожжена, а въ 1224 году страну уже дѣлили сыновья Чингисъ-хана. Монголы, спустя долгое время своего хозяйничанья въ обнищавшей странѣ, приняли магометанство. Подъ ихъ вліяніемъ измѣнился составъ населенія, при чемъ тюркскій элементъ получилъ вездѣ преобладаніе надъ иранскимъ. Въ 1405—1500 годахъ, когда правили преемники знаменитаго амерлана, Бухара, подъ вліяніемъ ожесточенныхъ

распрей и междоусобицъ распалась на мелкія владѣнія. Съ этого времени началось движеніе сюда новыхъ завоевателей: такъ, въ 1500 году Бухару покорило племя узбековъ, и въ концѣ концовъ могущественная и обширная Бухара превратилась въ Бухарское ханство.

Первыя сношенія Бухары съ Россіей должны быть отнесены къ временамъ Алексѣя Михайловича, при которомъ, въ 1675 году, было отправлено первое посольство къ хану Абдуль-Азису. Въ 1820 году въ Бухару уже было послано дипломатическое посольство, послѣ чего въ эту страну часто стали направляться экспедиціи и отдѣльныя лица для ея изученія. Въ 1866 году русскія войска подъ начальствомъ генерала Романовскаго обратили въ бѣгство всю армію эмира, а въ 1868 году Россіей съ Бухарой былъ подписанъ мирный договоръ, по которому послѣдняя уступала первой Самаркандское, Катта - Курганское, Пенджентское и Ургушское бекства, эмиръ уплачивалъ 500000 рублей военнаго вознагражденія, русскіе купцы получали право свободной торговли при условіи защиты ихъ безопасности и пропускъ черезъ ханство въ другія страны; по этому же договору русскіе товары не могли облагаться пошлиной, превышающей $2\frac{1}{2}\%$ ихъ стоимости.

Русскія войска, послѣ того какъ Бухара сдѣлалась вассаломъ Россіи, неоднократно помогали эмиру усмиреніемъ, почти не прекращавшихся тамъ послѣ войны съ Россіей мятежей.

Въ давно минушія времена, при Тамерланѣ и

его ближайшихъ преемникахъ, Бухара, называвшаяся тогда Трансоксоніей, была центромъ мусульманства; это было могущественное, громадное государство, и столица его — Самаркандъ былъ центромъ просвѣщенія, промышленности и искусства. „Вездѣ въ другихъ мѣстахъ на землѣ свѣтъ нисходитъ свыше, но онъ поднимается изъ Бухары“, говорилъ самъ Магометъ, по словамъ муллъ.

Но все это было и быльемъ поросло. Теперь вмѣсто могущества—подначальное положеніе, вмѣсто богатства—ужасающая бѣдность массы (правлящіе классы богаты, благодаря своей продажности) и вмѣсто просвѣщенія—поголовное невѣжество.

Бухарскій эмиръ съ переходомъ его страны въ русское вассальное подданство остался номинально неограниченнымъ ея властителемъ, но *de facto* онъ находится подъ контролемъ русскаго правительства, которое уже успѣло отмѣнить многіе варварскіе обычаи. Въ рукахъ у эмира осталась административная власть, которою онъ и его подчиненные пользуются съ чисто азіатскимъ усердіемъ... для пополненія своего кармана. Произволъ, царящій въ Бухарѣ, такъ отзывался на бухарцахъ, что они не разъ высказывали желаніе быть подданными Россіи. Но послѣдняя, во избѣжаніе неизбѣжныхъ громадныхъ расходовъ, пока не рѣшается окончательно присоединить къ себѣ страну и придерживается установленнаго здѣсь порядка вещей, который сводится къ слѣдующему: Россія имѣетъ своего политическаго агента, который слѣ-

дить за дѣйствіями эмира и его правительства, а также и за военными силами страны.

Эмиръ все-таки остается полновластнымъ господиномъ надъ свободой, имуществомъ и жизнью своихъ подданныхъ и произволу его дѣйствій не существуетъ никакихъ ограниченій. Должности здѣсь отдаются на откупъ, благодаря чему здѣсь непрерывный грабежъ населенія, производящійся на законномъ основаніи: мелкіе чиновники откупаются отъ старшихъ, тѣ—отъ еще болѣе старшихъ, и такъ вплоть до эмира. Никто изъ подданныхъ здѣсь не гарантированъ, что надъ нимъ не будетъ совершено насилія, о которомъ мы и подумать не можемъ. Такое положеніе внушаетъ, конечно, къ правителямъ только страхъ, о какой бы то ни было любви здѣсь и рѣчи быть не можетъ, а потому и стоящіе во главѣ правительства,—а въ томъ числѣ и самъ эмиръ, далеко не безопасно чувствуютъ себя здѣсь. Не было здѣсь ни одного, кажется, вступленія на тронъ, которое не сопровождалось бы цѣлой бойней приближенныхъ, въ которыхъ почему-либо новому эмиру видѣлись враги, заговорщики и прочіе страхи. До какой степени доходить здѣсь боязнь измѣны, видно изъ того, что всякое кушанье, которое подается эмиру, должно быть опробовано сперва особымъ придворнымъ чиномъ—кушъ-беги, послѣ чего кушанье уже запечатывается и подается къ высочайшему столу. Этотъ кушъ-беги пользуется исключительнымъ довѣріемъ, даже большимъ, чѣмъ сыновья эмира, ко-

торые почти всегда заподозрѣны въ стремленіи захватить путемъ насилія престолъ въ свои руки

О правосудіи тутъ, понятно, и говорить нечего,— съ богатымъ тутъ ужъ не судись: сила его кошелька всегда перетянетъ на его сторону чашу, очень сомнительно устроенныхъ вѣсовъ правосудія.

Эмиру принадлежитъ большая часть земель страны, за пользованіе которою деспотъ взыскиваетъ половину урожая; собственники земли должны платить десятую часть сбора.

Боясь и не любя своего властелина, бухарцы тѣмъ не менѣе, какъ и всякіе дикари-рабы, оказываютъ ему чуть не божескія почести. Когда тотъ появится на улицѣ, движеніе должно быть приостановлено, ѣдущіе—сойти съ сѣдла или телѣги и отдать низкій поклонъ, который часто переходитъ въ паданіе ницъ, такъ какъ многіе еще изъ правовѣрныхъ не считаютъ себя достойными лицезрѣть деспота.

Самъ Тамерланъ родился въ предѣлахъ Бухары. На мѣстѣ егородной деревни Кэшъ онъ построилъ городъ Шехръ-и-Себсъ, которому предназначалось быть столицей громадной имперіи. Скоро великій завоеватель однако перемѣнилъ свои намѣренія и перенесъ свою столицу въ Самаркандъ, представлявшій много естественныхъ выгодъ, и Шехръ-и-Себсъ, въ которомъ начаты уже были великолѣпныя постройки, сталъ быстро приходить въ упадокъ. Теперь дворецъ Тамерлана представляетъ изъ себя остатки въ видѣ башенъ и двухъ столбовъ, украшенныхъ арабесками и надписями.

Самаркандъ — самый интересный городъ въ Средней Азіи. Тутъ какъ-то, не трогая другъ друга, умѣстились и культурное вліяніе Россіи и типичная жизнь осѣдлаго азіата, и эти крайности, какъ пельзя болѣе отбѣняютъ другъ друга и выдѣляютъ отличительныя ихъ черты. Городъ раздѣлился на двѣ части: европейскую и азіатскую.

Еще издали видны высокіе минареты и куполы древнихъ мечетей; вездѣ попадаются остатки сводовъ, арокъ и куполовъ мусульманскихъ храмовъ и школъ. Здѣсь находится святыня города — гробница Тамерлана (иначе Темира или Тимура), этого страшнаго Бича Божьяго, подъ мечомъ котораго изнывала вся Азія, — завоевателя, подходившаго къ Москвѣ и державшаго въ клѣткѣ плѣнннаго турецкаго султана. Вся гробница представляетъ изъ себя небольшую желтоватую постройку, украшенную пестрыми изразцами. Внутри за мраморной рѣшеткой можно увидѣть нѣсколько мраморныхъ плитъ съ арабскими надписями. Самая большая изъ нихъ оливковаго цвѣта, — надгробный памятникъ героя, остальные — его близкихъ, похороненныхъ вмѣстѣ съ нимъ въ склепѣ. Плита Тамерлана считается священной. Ее похитили однажды китайцы, но, преслѣдуемые, бросили и разбили пополамъ; хотѣли увезти ее персы-завоеватели, и даже мѣстные муллы отбивали отъ нея углы съ цѣлью продавать въ толченомъ видѣ, какъ всеисцѣляющее средство. Куски очень красивой мозаики можно купить и теперь у служащаго при гробницѣ духовенства. Недалеко отъ гробницы Тамерлана находится

гробница его дочерей и женъ, которая считается также святыней. Мечеть у гробницъ построена надъ громадной пропастью, въ которую, по повѣрью, ушелъ одинъ мусульманскій святой отъ вражескихъ войскъ (земля разверзлась подъ нимъ во время молитвы). Пропасть эта внушаетъ священный страхъ,—никто не рѣшается спуститься въ нее, и одинъ смѣльчакъ, осмѣлившійся на это, возвратился на землю слѣпымъ и нѣмымъ; его потомковъ, также лишенныхъ чувства зрѣнія и способности говорить, показываютъ и теперь въ столицѣ Тамерлана. Мечеть эта—одна изъ самыхъ красивыхъ снаружи.

Столица Бухары носить то же названіе. Городъ окруженъ глиняной стѣной 4-хъ сажень вышины и 2-хъ толщины. Въ стѣнѣ 11 воротъ. Все это старинное сооруженіе разваливается теперь. Городъ состоитъ изъ кривыхъ и грязныхъ улицъ, на которыя выходятъ заднія стѣны бухарскихъ домовъ. Лѣндивые бухарцы рѣдко показываются на улицахъ, и городъ производитъ впечатлѣніе соннаго; только базары оживлены. Базаръ, какъ и вездѣ въ Средней Азіи, типиченъ: кривая улица переполнена вереницею верблюдовъ, ословъ и пѣшихъ таджиковъ, узбековъ, киргизовъ, туркменъ, евреевъ, индусовъ и русскихъ. Обѣ стороны улицы заполнены лавочками, среди которыхъ не мало крошечныхъ каморокъ; въ лавкѣ на полу торжественно возсѣдаетъ, поджавъ подъ себя ноги, владѣлецъ ея. Лѣнь, сковавшая Бухару, отражается и на торговцахъ—здѣсь полная противоположность американскому принципу торговли—поменьше наживать на каждой продан-

ной единицѣ, чтобы побольше продать и, благодаря этому, въ общемъ больше нажить. Тутъ царствуетъ тенденція, имѣющая мѣсто и у насъ на Руси, — побольше нажить на каждой вещи, почему товаръ залеживается и капиталъ крайне медленно оборачивается. Въ Бухарѣ лавки группируются и по національности торговцевъ и по характеру товаровъ. Въ одномъ, напримѣръ, мѣстѣ торгуютъ шерстянымъ товаромъ, въ другомъ — бумажнымъ, далѣе — мѣдными и серебряными издѣліями, сѣдлами, оружіемъ, коврами, халатами и т. д. Помимо этого есть ряды: индійскіе, персидскіе, кокандскіе, хивинскіе и туркменскіе. За лавочками помѣщаются склады товаровъ, гдѣ можно купить товаръ изъ первыхъ рукъ и дешевле. Тутъ же, среди лавокъ, имѣются помѣщенія ремесленниковъ, которые на глазахъ у публики и заняты своимъ мастерствомъ. Здѣсь же чайныя и закусочныя лавки, при чемъ чай наливаютъ изъ русскихъ самоваровъ.

На базарѣ и на площади сосредоточивается общественная жизнь азіатскаго города. Сюда приходятъ франты — а сартъ по натурѣ своей франтъ и любитъ щегольнуть своимъ шелковымъ халатомъ; сюда являются и посмотрѣть этихъ щеголей. Тутъ происходятъ и перепелиные бои, до которыхъ большіе охотники сарты. Устраиваютъ бой такимъ образомъ: двухъ перепеловъ держатъ другъ противъ друга, заставляя смотрѣть одинъ на другого, пока птица не озлобится и не начнетъ выражать желанія вцѣпиться въ противника. Заинтересованные и зрители держатъ пари. Рядомъ говоритъ рѣчь противникъ

азартныхъ игръ. Его внимательно слушаютъ, сочувствуютъ, но, какъ только проповѣдь кончилась, слушатели преспокойно идутъ къ мѣсту боя и со вниманіемъ слѣдятъ за его перипетіями.

На каждомъ шагу попадаются мечети, которыхъ здѣсь масса. Эти храмы очень скромной архитектуры. Обыкновенно на улицу выходитъ терраса, построенная на столбахъ; сквозь нее видна стѣна съ узенькими оконцами и узкою же дверью, которая и ведетъ на мѣсто молитвы. Къ террасѣ примыкаетъ минаретъ, съ котораго мулла сзываетъ правовѣрныхъ. Наружная стѣна мечети пестро раскрашена яркими тонами. При мечетяхъ обыкновенно бываетъ небольшой садикъ съ бассейномъ для воды. Сюда, а также на террасу собираются въ ожиданіи молитвы благочестивые мусульмане и дѣлятся своими дневными впечатлѣніями. Старики сидятъ молча: они уже благоговѣйно настроены и находятъ данный моментъ совсѣмъ неподходящимъ для обыденныхъ переливаній изъ пустого въ порожнее. Тутъ же ученые мусульманскіе теологи ведутъ нескончаемые диспуты на богословскія темы. Здѣсь же какой-нибудь бродячій проповѣдникъ горячо отстаиваетъ всѣмъ извѣстные догматы, волнуется и горячится, несмотря на то, что никто и не думаетъ ему возражать.

Большія мечети и медресе, т.е. школы—очень интересныя постройки. Здѣсь прежде всего поражаютъ взоръ размѣры входной галлерей: это—обыкновенно высокая арка, далеко высящаяся надъ землей; по обѣимъ сторонамъ ея стоятъ тонкіе,

исписанные стихами корана минареты, покрытые блестящими изразцами. Весь этотъ фасадъ произвелъ бы впечатлѣніе грандіознаго въ любомъ городѣ, но здѣсь, среди едва поднимающихся отъ земли глиняныхъ лагучъ, онъ производитъ подавляющее впечатлѣніе колоссальности и торжественной мощи. Изъ портала ведутъ нѣсколько дверей внутрь храма. Входящій попадаетъ въ полутемныя галлерейки съ массой арокъ, ведущихъ въ другіе переходы, и тонкихъ колоночекъ, покрытыхъ куполами и сводами. Чрезъ галлерею и переходы попадаете вы во дворъ,—онъ съ двухъ, а то и съ четырехъ сторонъ окруженъ стѣнами, облицованными такими же красивыми изразцами, какъ и наружный фасадъ и минареты; стѣны прорѣзаны красивыми арками, уставлены граціозными минаретами. Училища и мечети—по архитектурѣ одно и то же, только училища для студентовъ-богослововъ имѣютъ во дворѣ цѣлый рядъ маленькихъ келій, выходящихъ своими арками внутрь двора. Такихъ школъ имѣется въ Бухарѣ 366. Обыкновенно онѣ строятся попарно другъ противъ друга и раздѣляются улицей. Медрессе—учрежденіе благотворительное и содержится на счетъ пожертвованій. Обучаютъ въ такихъ медресе исключительно богословію, и всѣ страны, гдѣ имѣется магометанское населеніе, а въ томъ числѣ и Россія, посылаютъ сюда, въ эти высшіе источники богословскаго познанія, молодыхъ людей; недаромъ Бухара прозвана Римомъ ислама и говорятъ, что Самаркандъ — рай вселенной, а Бухара — сила религіи и вѣры. Эмиръ считается

вождемъ вѣрныхъ, и религиозный педантизмъ не-рушимо царить въ Бухарѣ, въ силу котораго еще недавно реисъ (блюститель религіи) производилъ сыскъ, выполняются ли должнымъ образомъ обряды, крѣпко ли въ вѣрѣ населеніе, знаетъ ли правила вѣры и для удостовѣренія въ послѣднемъ могъ любому изъ посѣтителей мечети произвести экзаменъ, въ случаѣ неудовлетворительности котораго имѣлъ право отправить оплошавшаго доучиваться въ медресе, даже если бы тому было въ пору уже и помирать, а нѣсколько десятилѣтій тому назадъ за сонъ во время молитвы виновника публично драли. Все это, понятно, убивало искреннюю вѣру и вырабатывало лицемеріе и ханжество.

Фанатизмъ „ученыхъ“, но въ сущности глубоко невѣжественныхъ богослововъ доходитъ въ Бухарѣ до апогея, и всякого „невѣрнаго“ эти господа встрѣчаютъ далеко не дружелюбно не только при „кошунственномъ“, по ихъ мнѣнію, осмотрѣ ихъ мечетей, но и вообще на территоріи Бухары.

Позволимъ привести здѣсь выдержку изъ книги нашего писателя Евгенія Маркова.

„Толпы, собравшіяся вокругъ мечети, глядѣли на насъ съ нескрываемымъ выраженіемъ вражды; особенно ихъ возбуждало ничѣмъ не покрытое лицо моей дамы. Не успѣли мы спокойно подняться на широкія ступени мечети, собираясь уже повернуть налево, въ темные скрытые проходы, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, выскочилъ намъ навстрѣчу, будто кто выстрѣлилъ имъ въ насъ, вы-

сокій мулла въ громадномъ бѣломъ турбанѣ и распахнутомъ настежь полосатомъ халатѣ.

— Кочъ, кочъ!—отчаянно замахалъ онъ на насъ, словно крыльями вѣтряной мельницы, своими костлявыми и длинными, какъ у мертвеца, руками.

Пѣна брызгала изъ его разсвирѣпѣвшаго червиваго рта, въ которомъ совсѣмъ не было зубовъ, и его глубоко впавшіе старческіе глаза искрились злобой, какъ у взбѣшеннаго цѣпного пса.

— Кочъ, кочъ!—храбро повторялъ онъ, загоразживая намъ грудью дорогу, готовый, кажется, сей-часъ вцѣпиться въ насъ своими размахивавшими костлявыми граблями.

Мы отступили, не желая раздражать его фанатизма, но консульскій провожатый схватился ругаться съ бѣшеннымъ муллою. Въ концѣ концовъ мулла все-таки побѣдилъ, и наши провожатые медленно покидали поле битвы подъ совсѣмъ непривѣтливые взгляды толпы“.

Здѣсь же, въ Бухарѣ, находится и дворецъ эмира, стоящій на скалѣ, въѣздъ на которую защищенъ двумя каменными башнями, закрытъ тяжелыми желѣзными воротами и охраняется вооруженной стражей, а около дворца, въ сараяхъ, стоитъ цѣлая коллекція пушекъ, кстати сказать, очень устарѣлой конструкціи.

Недалеко отъ дворца стоитъ минаретъ Мирхарабъ, замѣчательно тонкій, изящный и очень высокій, отличающійся тѣмъ, что онъ не облицованъ, какъ всѣ его собратья, изразцами, а покрытъ гли-

ной. Этотъ минаретъ еще недавно служилъ мѣстомъ казни: сюда вводили преступниковъ и сталкивали на мостовую. Казнь эта была прекращена только съ водвореніемъ здѣсь русскихъ.

Вообще эта площадь передъ дворцомъ—лобное мѣсто Бухары. Тутъ всегда стояли висѣлицы съ висящими тѣлами и колья съ воткнутыми на нихъ головами казненныхъ; во время войнъ, которыя вели бухарцы, здѣсь же высились пирамиды изъ разлагающихся череповъ убитыхъ враговъ.

Лѣтомъ эмиръ живетъ въ Ширбудунѣ, въ трехъ верстахъ отъ Старой Бухары. Снаружи и эта резиденція повелителя производитъ впечатлѣніе или укрѣпленнаго замка, или тюрьмы, благодаря внушительной оградѣ, за которою, однако, скрывается довольно красивое и прихотливое поселеніе. Зданія дворца вычурно раскрашены въ чисто восточномъ вкусѣ; пышный садъ ласкаетъ взглядъ и даетъ нѣжный колоритъ всему дворцовому плацу. Внутренность дворца очень оригинальна. Затѣйливые потолки поражаютъ тонкостью, оригинальностью и разнообразіемъ работы. Стѣны и полы убраны драгоценнѣйшими, дивной работы, коврами,—цѣлымъ музеемъ ковровъ. По стѣнамъ—типичная особенность восточныхъ жилищъ—масса полочекъ, шкафчиковъ своеобразныхъ и уютныхъ. Тронный залъ украшенъ богатой живописью по стѣнамъ и потолку и чудными коврами по полу, а тронъ представляетъ изъ себя чудо рѣзной работы. Между прочимъ во дворцѣ есть очень эффектная комната, сплошь покрытая внутри зер-

калами. Когда эмиръ не живетъ во дворцѣ, онъ производитъ впечатлѣніе необитаемаго, такъ какъ ковры тогда собираются, а мебель сдвигается въ углы. Въ общемъ, несмотря на роскошь, стоящую баснословныхъ денегъ, внутреннее убранство дворца не удовлетворяетъ европейца: нѣтъ здѣсь изящества, не видно тонкаго вкуса хозяина.

Русская часть города состоитъ изъ бѣлыхъ чистенькихъ домовъ, едва выглядывающихъ изъ-за пышныхъ садовъ, въ которыхъ ласкаютъ глазъ проѣзжающаго вяза, айлантусы, укусныя деревья и пирамидальные и серебристые тополи. Въ городѣ есть великолѣпный, удивительно содержимый бульваръ, сплошь усаженный бѣлой акаціей. Вообще городъ производитъ очень пріятное впечатлѣніе вполне культурнаго поселка: здѣсь хорошіе извозчики, прекрасный клубъ, недурныя гостиницы.

Бухара орошается Зеровшаномъ, отъ котораго проведены арыки, отводящіе воду на поля и въ разные водоемы—прудки. Самъ Зеровшанъ къ лѣту сильно мелѣетъ, помимо этого его сильно истощаютъ и арыки съ прудками, такъ что въ послѣднихъ вода совсѣмъ выпаривается, и вмѣсто нея остается грязная жижа, которою населеніе все-таки продолжаетъ пользоваться. Въ городъ проводитъ воду каналъ Кочикъ; его, ради сбереженія влаги, отпираютъ рѣдко, и бывали случаи, что онъ запирался на два мѣсяца.

Несмотря на наличность большихъ рѣкъ, значительнѣйшіе города Средней Азіи расположены далеко отъ нихъ. Это непонятное на первый взглядъ

явленіе объясняется грандіозными и разрушительными разливами ихъ.

Земель, годныхъ для обработки, въ Бухарѣ всего 10⁰%, которыя находятся преимущественно въ сѣверной, гористой ея части. Весь западъ страны — сплошная песчаная пустыня, лишенная воды. Зато небольшой кусокъ культурной земли очень плодороденъ и даетъ большіе урожаи пшеницы, риса, ячменя, джугары (родъ кукурузы), проса, табака, льна и хлопчатника. Долины рѣкъ даютъ хорошіи кормъ для верблюдовъ, лошадей и безчисленныхъ стадъ овецъ. Подвигается впередъ понемногу и шелководство.

Климатъ страны въ общемъ сухой. Лѣтомъ здѣсь жарко; зимой бываютъ свирѣпыя стужи, и на западѣ онѣ доходятъ даже до 30° Ц., но держатся недолго, а съ февраля начинается весна, съ наступленіемъ которой степи покрываются роскошной растительностью, которая, къ сожалѣнію, держится только до конца апрѣля: безжалостное солнце выжигаетъ ее. Въмѣсто нея тогда видны одни обожженные стебли, и степь принимаетъ унылый видъ безлюдной пустыни до осени, когда подъ вліяніемъ осеннихъ дождей вновь появляется зелень, которою скотъ кормится и зимой, добывая ее изъ-подъ очень тонкаго слоя снѣга. Восточная часть Бухары менѣе жарка лѣтомъ, но зимою морозы, обыкновенно суровые, продолжаются долго, и снѣгъ держится до апрѣля. Здѣсь съ появленіемъ травы тоже появляются кочевники; но по мѣрѣ того, какъ она начинаетъ высыхать, они уходятъ на возвышен-

СРЕДНЯЯ АЗІЯ И ИНДІЯ.

пости, подымаясь все дальше и дальше, и въ разгаръ жары ихъ скотъ пасется уже на высотѣ 9000 футовъ.

Сухость климата, вызывающая усиленную испарину, рѣзкія колебанія температуры и антигигіеническая обстановка поселеній порождаетъ массу болѣзней, среди которыхъ особенно досаждаютъ населенію злокачественная лихорадка, болѣзни глазъ, тифъ, диссентерія, особыя язвы на тѣлѣ, не поддающіяся лѣченію,—сартовская болѣзнь, зобъ, проказа и решта, о которой говорилось ранѣе.

Войска въ Бухарѣ имѣется 15000. Вооруженіе и снаряженіе войска самыя примитивныя; солдаты не имѣютъ представленія о дисциплинѣ, одѣты какъ попало. Такое положеніе дѣлѣ въ войскѣ выгодно прежде всего для Россіи, которой неинтересно, конечно, имѣть въ своемъ вассальномъ владѣніи сильное, находящееся подъ началомъ чужихъ лицъ войско; выгодно это и для эмира, который мало тратитъ на солдатъ денегъ, недурно и для населенія, котораго не мучаетъ тяжесть воинской службы, почему оно имѣетъ болѣе возможности заняться своимъ хозяйствомъ.

Еще недавно Бухара, открытая теперь для путешественниковъ всѣхъ національностей, была закрыта для любопытствующаго глаза всякаго не принадлежавшаго къ исламу, и рискнувшему, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, проникнуть туда грозила тамъ далеко не привлекательная судьба. Такъ, напримѣръ, въ 1831 году офіціальный

агентъ Англіи Борнсъ, посланный изъ Индіи въ Бухару, долженъ былъ тамъ замѣнить тюрбанъ овчинной шапкой, вывернутой шерстью внизъ, поясъ замѣнить веревкой, снять туземную одежду и чулки, такъ какъ эти признаки отличали правовѣрнаго отъ гуяра. Ему и его спутникамъ не позволяли ѣздить верхомъ. Ихъ покровитель, благодаря которому они сохранили жизнь, принималъ ихъ у себя, какъ собакъ: сажалъ ихъ прямо на мостовую во дворѣ, а самъ въ то же время сидѣлъ въ комнатахъ на коврахъ и подушкахъ. Имъ не позволяли употреблять чернилъ и пера, днемъ не позволяли выходить на улицу, не пускали въ баню, такъ какъ вода должна обратиться въ кровь, если она осквернится прикосновеніемъ женщины или невѣрнаго.

Но и это еще очень мягко. Обыкновенно европейцу, попавшему въ Бухару, грозили или смерть или заточеніе. Англійскій капитанъ Коноли, въ тридцатыхъ годахъ минувшаго столѣтія прошедшій туркестанскія степи, былъ схваченъ въ Кокандѣ и заключенъ за нежеланіе принять исламъ, а затѣмъ былъ зарѣзанъ эмиромъ; участь его раздѣлилъ и полковникъ Стотгартъ, хотя послѣдній и принялъ магометанство.

Персія.

На юго-западѣ отъ нашего Туркестанскаго края тянется обширная Персія. Она на сѣверѣ граничитъ съ Арменіей, выходитъ берегомъ на самую южную часть Каспійскаго моря, затѣмъ соприкасается, какъ уже сказано, съ Туркестанскимъ краемъ, на востокѣ граничитъ съ Афганистаномъ и Белуджистаномъ, на югѣ и частью на юго-западѣ упирается въ Персидскій заливъ и потомъ подходитъ къ турецкимъ владѣніямъ.

Персія занимаетъ пространство равное Франціи и Великобританіи, т.-е. имѣетъ площадь земли въ 1444000 кв. верстъ. Климатъ страны крайне неравнобренъ: въ то время какъ часть, прилегающая къ Персидскому заливу, отличается своими почти тропическими жарами, часть, подходящая къ Каспійскому морю, даритъ жителей очень сильными морозами. Въ зависимости отъ этого и почва Персіи далеко неодинакова, а стало-быть, неодинаковъ и внѣшній видъ и условія жизни въ ней: въ то время какъ есть куски страны, поражающіе богатствомъ флоры и плодородіемъ, встрѣчаются и совершенно мертвыя пустыни. Естественное орошеніе страны слабо. Несмотря на высокіе горные хребты, со всѣхъ сторонъ окружающіе Персію, количество осадковъ здѣсь незначительно рѣки, послѣ ихъ пути по пустынямъ подходятъ къ истокамъ истощенными, а искусственнаго орошенія не существуетъ.

Вся Персія дѣлится на одиннадцать провинцій, центръ которыхъ занимаетъ Иранъ-Аджми съ новой столицей Тегераномъ и старой—Испаганью; затѣмъ слѣдуютъ: Азербей-Джанъ, Ардиланъ, Луристанъ, Хузистанъ (или Арабистанъ), Форзистанъ, Кирманъ, Мекранъ, Хорасанъ, Гилянъ и Мазандаранъ.

Въ далекія отъ насъ времена Персія была однимъ изъ могущественнѣйшихъ государствъ Азіи, но уже нѣсколько столѣтій какъ потеряла свое значеніе и теперь, пребывая въ глубокомъ застоѣ государственной и общественной жизни, медленными, но вѣрными шагами идетъ къ полному упадку. Если бы не счастливое положеніе буфера между интересами Россіи и Англіи на востокъ, которое выпало на долю Персіи, она не сохранила бы уже давно своей самостоятельности и или бы была подѣлена между заинтересованными здѣсь державами, либо попала бы подъ чей-нибудь протекторатъ, какъ уже попали родственныя ей Хива и Бухара подъ русское покровительство.

Россія невольно стремится найти выходъ для своихъ неизмѣримыхъ владѣній къ внѣшнимъ воднымъ путямъ, а въ данномъ случаѣ—къ Индійскому океану; Англія же, боясь за неприкосновенность своихъ владѣній въ Индостанѣ, естественно старается препятствовать ей пробить себѣ туда путь.

Приведемъ здѣсь мнѣніе по этому поводу доктора Уильса—англичанина, долгожившаго въ Персіи, уяснившего себѣ значеніе этой страны для обѣихъ

державъ и выражающаго, думается, на этотъ предметъ общеанглійскій взглядъ.

„Персія не мѣняется,—она приходитъ въ упадокъ. На востокѣ, если глиняная стѣна, отдѣляющая участки двухъ землевладѣльцевъ, приходитъ въ ветхость или разрушается, то болѣе мудрый и предусмотрительный хозяинъ спѣшитъ ее возстановить. Персія есть глиняная стѣна, служащая барьеромъ между нами и Россіей. Мы ничего не дѣлаемъ, чтобы помѣшать распаденію и разрушенію этого барьера. Мы добровольно допускаемъ подчиненіе Россіи и русскому вліянію цѣлой орды храбрыхъ солдатъ, которые со временемъ неудержимымъ потокомъ нахлынутъ на Индію. Между тѣмъ небольшое количество разумно истраченныхъ денегъ принесло бы Персіи огромную пользу. Развѣ Персія не можетъ служить оплотомъ противъ русскаго наступленія?

Можно утвердительно сказать, что Персія, если она къ этому не будетъ принуждена, не приметъ участія въ распрѣ, могущей возникнуть между Россіей и Англіей. Какъ орудіе въ рукахъ Россіи или какъ наемная сила въ рукахъ Англіи ¹⁾, Персія есть серьезная величина. Армію мирнаго времени въ 30000 легко увеличить вдвое. Между персид-

1) Цитируемый авторъ находитъ, что Персія—самая подходящая страна для вербовки солдатъ для Англіи. По его мнѣнію, персы представляютъ лучший военный матеріалъ: персидскій солдатъ храбръ, выносливъ, здоровъ и изъ него вышелъ бы прекрасный персидскій сипай,—не хуже индійскаго солдата.

скими солдатами, нелюбимыми населеніемъ, сильно развитъ духъ товарищества и взаимной поддержки. Если бы персидскій солдатъ попалъ въ европейскія руки, онъ былъ бы лучше турецкаго. Персидская кавалерія, если не самая лучшая, то самая дешевая. Армія въ Персіи плохо поставлена. Офицеры плохи и живутъ не на жалованье, получаемое рѣдко, а на взятки и поборы, взимаемые съ подчиненныхъ и слабыхъ. Кавалеристъ, привыкшій къ лошади съ дѣтства,—хорошій стрѣлокъ съ сѣдла и съ земли. Но лошади получаютъ мало фуража, да и то часть его продается солдатомъ, такъ что лошади истощены, хотя очень выносливы и могли бы скоро поправиться: онѣ свободно дѣлаютъ переходы по 24—30 миль въ сутки по горамъ, гдѣ нѣтъ даже намекъ на дорогу.

Имѣя подъ рукою въ Персіи такой сырой матеріаль, мы поступаемъ очень недалековидно, предоставляя эту страну вліянію Россіи. Прежде бывало мы посылали въ персидскую армію своихъ инструкторовъ, такъ же поступали австрійцы, а теперь русскіе инструкторы и русское вліяніе совершенно насъ вытѣснили и уронили нашъ престижъ.

Было время, когда наши желанія среди восточныхъ государей были равносильны приказаніямъ. Это время безвозвратно миновало. Мы извѣстны въ Персіи какъ торговцы опиумомъ, продавцы часовъ Макъ-Кеба, стальныхъ издѣлій Роджерса, ситцевъ и шертинга. Персіяне, говоря о нашей робкой иностранной политикѣ, характеризуютъ ее словомъ „пучъ“, что значитъ пустой, ничего незначащій. Мы

можемъ утѣшать себя только тѣмъ, что если Персію нельзя болѣе запугать, зато ее всегда можно купить“.

Въ Персіи существуетъ законъ, по которому наборъ въ войска производится по жребію и срокъ службы опредѣляется въ 12 лѣтъ. Но законъ этотъ не примѣняется на дѣлѣ, а практикуется старый способъ рекрутровки: извѣстное число дворовъ ставитъ одного солдата, который отбываетъ повинность уже за всѣхъ мужчинъ этихъ дворовъ и служитъ пожизненно. Въ составъ войска входятъ: 1) регулярная армія или низамъ, 2) постоянная милиція и 3) временная милиція, собираемая только на военное время. Регулярная армія состоитъ изъ пѣхоты, насчитывающей номинально 63700 человекъ и значительно меньшей въ дѣйствительности, въ видахъ экономіи, какъ со стороны государственной казны, такъ и отдѣльныхъ начальниковъ, такъ что вся пѣхота сводится своей численностью по однимъ источникамъ къ 25000, а по другимъ—даже къ половинѣ этого количества. Вооруженіе печальное: есть до сихъ поръ еще кремневые ружья. Обученіе сводится къ маршировкѣ. Кавалеристовъ насчитывается 1000 человекъ. Въ артиллеріи 6000 человекъ. Орудія—тоже допотопныя. Курьезно, что въ Персіи есть нарѣзные ружья и почти послѣдней конструкціи артиллерійскія орудія, но они хранятся за семью замками, стрѣляютъ изъ нихъ не обучаютъ, и солдаты не знаютъ, какъ съ ними обращаться.

Военнаго флота на Каспійскомъ морѣ Персія,

согласно гюлистанскому договору 1813 года, не имѣетъ права держать. Въ Персидскомъ заливѣ имѣется одинъ пароходъ въ 600 тоннъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать о расходахъ Персіи на войско. Солдатъ получаетъ 30 рублей въ годъ (вѣрнѣе долженъ получать, такъ какъ жалованье не всегда выдаютъ), на паекъ выдается 8 копеекъ въ день. Въ общемъ же воинство въ Персіи служить чуть ли не единственной заботой правительства и поглощаетъ почти половину государственнаго бюджета. Несмотря на природныя качества перса, могшія бы сдѣлать изъ него хорошаго солдата, персидское войско ниже всякой критики, благодаря тому, что офицерскія мѣста даются за деньги, повышенія—тоже. Жалованья офицеры не получаютъ и потому стараются взять свое съ солдатъ, а тѣ, чтобы удовлетворить это желаніе или работаютъ на начальство, или уходятъ на заработки, откупившись, конечно, предварительно. Персидское войско крайне неустроено: оружіе допотопное, солдаты стрѣлять не умѣютъ, и такая армія, конечно, только курьезна.

Правленіе въ Персіи деспотическое, и во главѣ страны стоитъ шахъ—безконтрольный и безапелляціонный верховный властитель всей земли, владѣній и жизни своихъ подданныхъ. Какъ истый восточный деспотъ, персидскій шахъ обставилъ себя недоступностью по отношенію къ населенію: видѣть его могутъ только высокопоставленные правители провинцій или высшіе сановники, берущіе свои должности у шаха на откупъ. Эти прибли-

женные уже отъ себя распоряжаются замѣщеніемъ вакансій на мѣста, стояція ниже, и, конечно, замѣщаютъ ихъ не бесплатно; эти въ свою очередь отдають мѣста третьестепеннаго значенія—и такъ далѣе до самыхъ низшихъ ступеней. Всѣмъ полагается жалованье, но только на бумагѣ, фактически же они получаютъ его съ паселенія, и такъ какъ это нѣсколько сложнѣе, чѣмъ получка изъ государственнаго казначейства, то, конечно, за хлопоты взимается нѣкая излишняя противъ росписи сумма. А излишекъ этотъ очень и очень значителенъ. Населеніе стонетъ отъ него, тѣмъ болѣе что алчные, лѣнивые и сластолюбивые чиновники шаха, какъ нашъ городничій, бываютъ именинниками и на Антона и на Онуфрія и не упустятъ случая, чтобы сорвать „бакшишъ“, и даже, если такого случая не представится, сами создаютъ его, чтобы втянуть кого-нибудь въ какое-либо непріятное дѣло или судъ и содрать съ него. И въ этихъ цѣляхъ на мало-мальски состоятельное лицо въ Персіи устраивается цѣлая охота. Одно только преступленіе въ Персіи не прощается за взятку: это—противогосударственное преступленіе, или—что здѣсь одно и то же—проступокъ противъ личности шаха: за это здѣсь—неминуемая смерть. Отъ наказанія за другія, даже тяжкія провинности, какъ убійство, грабежъ, можно избавиться, сунувъ судѣ хорошую взятку. Такой режимъ, идущій отъ самого, чуть не обожаемаго вершителя судебъ Персіи, безнаказанность всевозможныхъ отвратительныхъ притѣсненій со стороны властей, пол-

ная безпомощность и беззащитность населенія—лишили его энергій, погасили всѣ нравственные устои и надуть, обобрать здѣсь не считается за грѣхъ.

Обирая народъ, шахъ не скупится на одариваніе своихъ приближенныхъ, и ханъ Амиръ-Гуссейнъ-ханъ показывалъ нашимъ офицерамъ подарки, сдѣланные ему шахомъ. Между подареннымъ ему оружіемъ есть золотой кинжалъ, осыпанный драгоценными камнями, которые стоятъ по меньшей мѣрѣ 30000 рублей. Проживаетъ же въ годъ этотъ ханъ тысячъ по двѣсти рублей. На него какъ-то начали поступать усиленные жалобы шаху. Тотъ приказалъ хану ѣхать въ Мешедъ въ экипажъ съ чернымъ покрываломъ,—въ экипажъ, въ которомъ возятъ осужденныхъ. Ханъ поѣхалъ на судилище, но тѣмъ временемъ послалъ туда 150 вьючныхъ животныхъ и 40000 рублей деньгами. Судъ окончился скоро и хорошо: хану объявлена благодарность шаха и подаренъ портретъ его, украшенный брилліантами. Жалобщики тоже были подарены ему въ полную власть. (Воображаемъ ихъ положеніе!)

Въ Персіи, какъ и вездѣ, гдѣ царить деспотическое правленіе, правитель больше пользуется страхомъ, чѣмъ любовью своихъ подданныхъ. И это не только теперь, но и во времена давно прошедшія. Не имѣя за собой симпатій населенія, а отсюда и приближенныхъ, правителю-деспоту приходится, конечно, на каждомъ шагѣ опасаться за цѣлость своей особы. Постоянныя опасенія насилія со стороны заговорщиковъ или претендентовъ на

престолъ развиваютъ страшную мнительность, доходящую до маніи преслѣдованія. Вотъ что разсказываетъ мѣстная исторія про знаменитаго Надиръ-Шаха, избраннаго за свои заслуги на престолъ въ 1736 году (онъ расширилъ персидскія владѣнія до Евфрата, Индіи и Каспійскаго моря).

Надиръ-Шахъ къ концу (насилъственному) своего царствованія сталъ раздражителенъ, жестокъ, мнителенъ. Однажды онъ ѣхалъ со своимъ любимымъ сыномъ и наслѣдникомъ черезъ лѣсъ. Изъ чащи раздался выстрѣлъ, и пуля попала въ руку шаха. Поиски ни къ чему не повели, но придворные сумѣли внушить шаху, что покушеніе — дѣло заговора, во главѣ котораго сталъ его любимецъ-сынъ. Надиръ приказалъ ослѣпить сына. Затѣмъ обнаружилась невинность молодого человѣка, и шахъ, мучимый раскаяніемъ и окончательно взбѣшенный, приказалъ казнить 50 главнѣйшихъ саванниковъ, интриговавшихъ противъ его сына. Казнь слѣдовала за казнью. Это возмутило даже ко всему привыкшаго перса, и онъ началъ роптать; поднялось броженіе. Надиръ хотѣлъ удалиться отъ дѣлъ, но по дорогѣ на покой онъ былъ убитъ тремя приближенными, которые хотѣли отмстить за ослѣпленнаго. Объ этомъ намѣреніи зналъ шахъ и собирался казнить заговорщиковъ на другое утро, но они предупредили его.

Такъ погибъ лучшій изъ правителей Персіи. Послѣ его смерти все время, до вступленія на престолъ недавно убитаго Насръ - Эддина, т.-е. цѣлое столѣтіе, страна стонала отъ разбоя и грабежей го-

ловорѣзовъ-преступниковъ и отъ прижимокъ и не меньшаго грабежа мошенниковъ - чиновниковъ. Двадцать шаховъ смѣнили одинъ другого, и никто изъ нихъ почти не заслужилъ ничего, кромѣ проклятія своего народа, и рѣдко кто умеръ естественной смертію.

Неограниченный владыка Персіи получаетъ очень ограниченное образованіе. Отецъ теперешняго шаха, Насръ-Эддинъ, недавно только сошедшій со сцены, былъ сравнительно со своими предшественниками и образованнѣе, и развитѣе, и гуманнѣе, а потому, чтобы дать ясное представленіе о томъ, что такое представляетъ изъ себя персидскій владыка внутри своей великолѣпной оболочки, мы не будемъ давать характеристики многихъ, а остановимся на этомъ болѣе образованномъ, развитомъ и гуманномъ правителѣ.

Насръ-Эддинъ получилъ такой образовательный фундаментъ: онъ знаетъ исторію своей страны,—не ту исторію, которую преподають въ школахъ всего міра, а домашняго приготовленія, гдѣ всѣ факты извращены въ хвалебные гимны правителямъ. Онъ говоритъ по-французски. Знаетъ географію—или, вѣрнѣе, перечень государствъ и столицъ Европы, знаетъ географію сосѣднихъ странъ. Изъ политической исторіи шаха больше всего интересуютъ біографіи великихъ государей, и Петру Великому шахъ даже подражаетъ (при чемъ подражаніе это началось съ бритья бороды), и ему кажется, что онъ такой же преобразователь, какъ и великій основатель Петербурга.

Насръ-Эддинъ воспитывался подъ руководствомъ Мурза-Таги-хана, съ которымъ прожилъ 8 лѣтъ. Воспитатель шаха, бывшаго тогда еще принцемъ, считается европейцами замѣчательнѣйшимъ чело-вѣкомъ въ своемъ отечествѣ.

Его вліяніе, а также стремленіе итти по пути реформъ въ подражаніе Петру I вылились, однако, въ странную форму.

Насръ-Эддинъ прежде всего учредилъ министерства, такія же по названіямъ, какъ и въ Европѣ, но совершенно другія по сущности. Тутъ есть министерства военное, финансовъ, иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, почтъ и телеграфовъ, юстиціи, богоугодныхъ заведеній (которыхъ почти нѣтъ), публичныхъ работъ, изящныхъ искусствъ, полезныхъ предпріятій, народнаго образованія и флота... Флотъ этотъ можетъ видѣть каждый ѣдущій въ Персію: онъ лежитъ на боку въ Энзелинѣ и стоитъ всего 30000 рублей, его купили у насъ въ Баку; это—единственный персидскій скверный пароходишко. Есть и министерство электрическаго освѣщенія (во всей Персіи электричествомъ освѣщается только дворецъ шаха).

По словамъ г. Алиханова-Аварскаго, персидскія министерства имѣютъ одну хорошую черту: они не знаютъ переписки, и дѣла тамъ производятся очень просто—на словахъ. Министръ принимаетъ просителя и тутъ же разрѣшаетъ его дѣло. Это было бы очень хорошо, если бы министры подбирались по личнымъ достоинствамъ, а то на этотъ постъ попадаютъ люди только по капризу шаха, и рѣше-

ніе ими дѣла подсказывается не чувствомъ справедливости, а количествомъ получаемой взятки. Эти взятки до такой степени вошли въ кровь и плоть всей Персіи, что тутъ онѣ считаются за явленіе вполне нормальное. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ, если самъ шахъ на смотрахъ не брезгаетъ подношеніями въ размѣрѣ трехсотъ рублей, а тутъ же при всѣхъ спрашиваетъ: „сколько тутъ?“ и велитъ провѣрить сумму. Всякое вопіющее дѣло, доходящее до шаха, можетъ быть погашено, если виновный ублаготворитъ шаха хорошимъ подношеніемъ. Тутъ кстати будетъ сказать о министрѣ—государственномъ контролерѣ. Дѣятельность его просто-на-просто сводится къ посредничеству между дающимъ взятку и шахомъ. Долго говорить о министрахъ не стоитъ: все это безграмотные дикари, попавшіе на свой постъ всевозможными путями, кромѣ прямыхъ, и считающіе своей обязанностью за время своего непрочнаго пребыванія у власти поскорѣе и посильнѣе пользоваться этой властью. Но при особѣ шаха есть лица, особое положеніе которыхъ требуетъ, чтобы о нихъ было упомянуто. Вотъ, напримѣръ, Садраазамъ-Аминъ-султанъ-господинъ, который могъ даже появляться въ гаремѣ Насръ-Эддина и имѣлъ такое неотразимое вліяніе на деспота, что его боялись всѣ министры. Онъ заслужилъ свое положеніе физической красотой!

Недурень и Хаджа-баши—старшій евнухъ. Этотъ генераль (имѣетъ таковой чинъ)—смотритель надъ 600 женъ своего повелителя—при посредствѣ ихъ

дѣлалъ съ шахомъ, что хотѣлъ, и игралъ важную роль въ управленіи страной.

Помимо созданія министерствъ, энергіей шаха, но на частныя деньги построена желѣзная дорога въ 11 верстъ, проведены крохотныя линіи телеграфа, созданы двѣ газеты, курящія ѳиміамъ владыкѣ, и реорганизованъ костюмъ для дамъ гарема. Эта послѣдняя реформа пришлась по вкусу персамъ, и ихъ супруги теперь щеголяютъ чуть не въ балетныхъ костюмахъ.

Впрочемъ гаремъ, или ендерунъ, какъ здѣсь говорятъ, интересуеть шаха гораздо больше, чѣмъ всякія другія дѣла. Тутъ у него 600 женъ и сотня евнуховъ. Составъ женъ часто мѣняется: надоѣвшую шахъ великодушно дарить сановнику, а на мѣсто ея беретъ ту, которая ему приглянется. Женщины здѣсь прячутъ свои лица, но для шаха дѣлается исключеніе.

Въ гаремѣ шахъ проводитъ большую часть своего времени. Онъ болтаетъ, смѣется со своими красавицами, и любитъ ихъ танцами.

Въ то время, какъ разоряемое населеніе, изъ котораго только лѣнливый не выжимаетъ соковъ, живетъ въ гнетущей бѣдности, роскошь жизни шаха головокружительна. Дворецъ его не только представляетъ роскошное (отчасти по восточной мѣркѣ) мѣстопробываніе, но именно можетъ гордиться, какъ богатѣйшій музей неоцѣнимыхъ драгоценностей. Шахъ, напримѣръ, владѣетъ чашкой, сдѣланной изъ цѣльной бирюзы; его драгоценныя камни, среди которыхъ масса рѣдкостей,

надо считать мѣрами. Жизнь шаха замкнута для окружающихъ и видѣть его можно лишь во время путешествія, которое всегда обставляется со сказочной пышностью. Процессія, его сопровождающая, и обозъ тянутся на нѣсколько верстъ. Намъ не попалоcь нигдѣ точнаго описанія путешествія шаха, но, чтобы дать о немъ какое-нибудь представленіе, мы опишемъ шествіе губернатора.

Вали, т.-е. принца-губернатора области, въ его путешествіи, особенно если оно имѣетъ какое-либо важное значеніе, какъ на примѣръ, встрѣча самого шаха или свиданіе съ представителями другой сильной державы, обставляютъ очень торжественно.

Сперва на громадномъ протяженіи тянется обозъ. Затѣмъ уже слѣдуетъ самая процессія. Впереди ея идетъ неизбѣжный палачъ, сзади котораго высятся шесть и пукъ прутьевъ. За нимъ идутъ всадники съ серебряными булавами и обыкновенная конница, три мальчика съ красными пиками въ рукахъ, два знаменосца съ 2 знаменами, изъ которыхъ на одномъ изображенъ мечъ—символъ военной власти губернатора, а на другомъ серебряная кисть руки. Послѣ этого слѣдуетъ конница, среди которой ѣдетъ хранитель губернаторскаго кальяна; за конницей—полицейскіе и, наконецъ, въ шествіи самого принца его приближенный—ханъ. Самъ принцъ сидитъ въ каретѣ, запряженной шестью лошадьми, по бокамъ которой идутъ скороходы въ черныхъ съ золотомъ ливреяхъ. За принцемъ, тоже въ каретѣ, ѣдетъ его министръ, а за этимъ снова тянется конница.

Заговоривъ о правленіи въ Персіи, намъ необходимо остановиться на персидскомъ судѣ. Онъ очень оригиналенъ.

Юристы въ Персіи говорятъ, что ихъ наказанія, на нашъ взглядъ жестокія и варварскія, не имѣютъ характера возмездія за совершенные проступки, а созданы съ цѣлью устрашить другихъ. Одинъ изъ „талантливыхъ“ администраторовъ говоритъ: „Я схватываю преступника сейчасъ же по совершеніи преступленія и поступаю съ нимъ такъ сурово, что судьба его устрашаетъ другихъ злоумышленниковъ. Я не дѣйствую подобно европейцамъ,—не запираю его на цѣлые годы въ тюрьму, потому что не питаю противъ него никакой злобы. Я безжалостно казню нѣкоторыхъ самыхъ опасныхъ злодѣевъ, но зато преступленія прекращаются и дороги освобождаются отъ разбойниковъ“.

Уголовный судъ въ Персіи находится въ рукахъ губернаторовъ, которые вѣдаютъ наиболѣе серьезныя дѣла. Проступки противъ нравственности и религіи, какъ, на примѣръ, пьянство, прелюбодѣяніе, еретичество, судятся духовенствомъ; мелкіе проступки подлежатъ вѣдѣнію полиціи въ городахъ и старшинъ—въ деревняхъ. Послѣдніе судятъ оригинально: они предварительно совѣщаются съ мѣстными стариками, затѣмъ уговариваютъ преступника исправить зло, причиненное его проступкомъ, на примѣръ, вора—отдать украденное; если это произойдетъ, съ виновнаго взыскивается въ пользу суда извѣстная сумма и его отпускаютъ. Если обвиняемый не можетъ доказать своей невинности,

его начинаютъ бить; то же бываетъ, если онъ не можетъ дать выкупа. Городскія полицейскія власти—завѣдомыя взяточники, и обвиняемый, пока у него есть деньги, пользуется вѣжливымъ обращеніемъ и даже предупредительностью; но какъ только средства его истощились—наступаетъ рѣзкая перемѣна въ обращеніи, и ничего, кромѣ палокъ и лишенія пищи, такой обвиняемый ожидать не можетъ. Персъ, находящійся подъ слѣдствіемъ, прежде всего лишается одежды и денегъ, на ноги ему надѣваютъ кандалы и его сажаютъ въ темницу—комнату, въ значительной степени оправдывающую названіе. Если средства поднадзорнаго истощены, имъ не обременяютъ тюрьмы и гонятъ вонъ изъ нея; но если у него самого или у его родственниковъ есть еще что-нибудь, судья-полицейскій предлагаетъ ему подѣлиться поровну подъ условіемъ освобожденія, и если сдѣлка состоится, то преступнику устраиваютъ побѣгъ. Если же онъ не захочетъ „подмазать“, его передаютъ губернатору, который уже придумываетъ средство раскрытія преступленія и возмездія за него по своему усмотрѣнію при посредствѣ палокъ, тюрьмы, а то и казни. Пытка царствуетъ и по сіе время. Несознующемуся преступнику жгутъ пальцы, сжимаютъ кости ногъ, надѣваютъ тяжелыя цѣпи, сажаютъ на острый кусокъ дерева, его морятъ голодомъ. Наказаніе палками—вещь обыденная и не считается позоромъ. Наказуемаго привязываютъ за ноги къ шесту, кладутъ его на землю, ноги поднимаютъ

вверхъ и колотятъ по нимъ палками, пока послѣднія не превратятся въ щепы.

Смертная казнь можетъ быть назначена губернаторомъ, но приговоръ долженъ быть санкціонированъ шахомъ. Казнятъ разнообразно: замуравливаютъ живьемъ, убиваютъ изъ пушки, отсѣкаютъ голову, сжигаютъ и даже распинаютъ. Оригинально наказаніе воровъ: имъ подрѣзываютъ мускулы ногъ, отчего они хромѣютъ, или отрубаютъ ногу или руку.

Въ гражданскихъ процессахъ большое значеніе имѣетъ третейскій судъ, къ которому обращаются тяжущіеся и изъ-за его сравнительнаго безпристрастія, и во избѣжаніе расходовъ, такъ какъ губернаторъ-судья имѣетъ право на десять процентовъ съ исковой суммы да кромѣ того еще беретъ подарокъ, который дѣлается обѣими сторонами, заинтересованными, понятно, въ томъ, чтобъ ихъ подарокъ привлекъ болѣе вниманія судьи. Коммерческія дѣла подлежатъ вѣдѣнію собранія главныхъ купцовъ. Этотъ судъ бесплатный, но обычай установилъ небольшой подарокъ по окончаніи дѣла старшинѣ собранія и угощеніе членамъ судилища. Если рѣшеніе суда несправедливо, то недовольный оглашаетъ его на судѣ и апеллируетъ къ губернатору или самому шаху. Апеллировать шаху можно, но дѣлается это рѣдко, потому что губернаторъ, получившій взятку, и съ той и съ другой стороны одинаковую,—вѣдь стороны слѣдятъ за этимъ и всегда стараются въ этомъ случаѣ не уступить противнику,—не имѣетъ повода рѣшить дѣло не-

справедливо и рѣшаетъ его такъ, какъ ему подскажетъ его чутье и мудрость. Съ другой стороны—мало шансовъ на кассацию приговора, такъ какъ онъ постановленъ губернаторомъ, который совѣтуется съ законниками и духовными лицами, и такому рѣшенію шахъ, конечно, довѣряетъ.

Наказаніе палками можетъ быть замѣнено штрафомъ по желанію наказуемаго, но они рѣдко соглашаются на такую замѣну. Приговоренный къ смерти губернаторомъ можетъ быть имъ же прощенъ, но это, конечно, стоитъ не дешево.

Женщинъ не сажаютъ въ тюрьму, а заключаютъ въ домъ духовнаго лица. Существуетъ для женщинъ и особая, очень милая казнь—ее завертываютъ въ коверъ и топчутъ до тѣхъ поръ, пока она не умретъ.

Персидская тюрьма окружена глиняной стѣной сажени въ $1\frac{1}{2}$ вышины. У воротъ стоятъ трое часовыхъ съ палками въ рукахъ, палки эти снабжены металлическими набалдашниками. Тюремщикъ получаетъ 15 рублей жалованья, и главный источникъ его доходовъ—чаевыя деньги съ заключенныхъ и такъ или иначе заинтересованныхъ въ ихъ судьбѣ стороннихъ тюремъ лицъ. Но этотъ источникъ слабъ, такъ какъ богатые и важные преступники содержатся при домахъ губернатора, а тюрьмы заполняются бѣднотой. Но онъ пользуется излишкомъ пищи, отпускаемой казной, и... одеждой арестованныхъ.

Арестанты помѣщаются въ общей камерѣ. У каждаго изъ нихъ на шеѣ кожаный ошейникъ; ошей-

ники соединены цѣпью, такъ что арестанты прикованы другъ къ другу. Цѣпи поддерживаются особыми вилами, которыя преступники держатъ въ рукахъ и упираютъ въ землю. Одѣты арестанты въ рубахи изъ грубаго холста, полосатыя шаровары изъ бумажной матеріи, холщевыя туфли, шляпы и войлочные халаты, которые на ночь превращаются въ подстилку. Преступникамъ, которымъ не впервые пришлось попастьъ въ тюрьму, на ночь зацемливаютъ ноги въ особыя колодки; нѣкоторымъ надѣваютъ ножные кандалы. При тюрьмѣ есть отдѣленіе „хальветъ“, гдѣ содержатся осужденные на смерть за убійство, поддѣлку монетъ, грабежи, мошенничества, сектантство Баби, а также за возмущеніе противъ существующаго государственнаго порядка, при чемъ къ этого рода преступленію принадлежитъ и неплатежъ податей. Помѣщеніе это крайне антисанитарно и примитивно въ смыслѣ удобствъ для заключенныхъ. Въ тюрьмы не полагается сажать больше какъ на 12 мѣсяцевъ, но и пансіонеры, присужденные къ меньшему сроку сидѣнія, часто освобождаются—или по случаю новаго года, или вступленія въ должность новаго губернатора, или по какому-либо другому торжественному случаю.

Въ центрѣ Тегерана находится площадь Пушки. На площади въ самомъ дѣлѣ имѣется допотопное орудіе, отличающееся отъ своихъ собратій тѣмъ, что мѣсто вокругъ него неприкосновенно, священно и всякій, пришедшій сюда, спасенъ и отъ кары закона, и отъ людской мести, которая въ Персіи

даютъ себя знать. Совершившему проступокъ противъ личности (оскорбленіе, убійство) всегда будетъ отомщено или пострадавшимъ, или его родственниками. Отъ мести впрочемъ можно откупиться деньгами или скотомъ. Но бываетъ и такъ: потомокъ мститъ, допустимъ, за убійство кого-либо изъ своихъ предковъ—отца, дѣда—и убиваетъ убійцу; тогда этотъ проступокъ, въ сущности одобряемый обычаемъ, вызываетъ месть со стороны родственниковъ убитаго. За убійство въ Персіи полагается смертная казнь, но въ случаяхъ, когда оно производится въ отместку, наказанія не налагается. Помимо пушки, есть и еще неприкосновенныя мѣста,—напримѣръ, конюшни шаха, гробницы святыхъ и нѣкоторыя мечети. Поймать преступника, спрятавшагося въ одно изъ неприкосновенныхъ мѣстъ, все-таки можно: стоитъ только отрѣзать ему всѣ средства сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, и тогда голодъ и жажда заставятъ его покинуть свое убѣжище, а разъ онъ только на шагъ отошелъ отъ него, его неприкосновенность прекращается.

Населеніе Персіи достигаетъ 9,000,000 человекъ, изъ которыхъ половину составляетъ осѣдлая сельская часть, а другая половина дѣлится между горожанами и кочевниками. Преобладающій элементъ—персы, за ними слѣдуютъ курды и луры (мѣстности—Курдистанъ и Луристанъ), а также белуджи. Курды правительствомъ Персіи вытѣснены на сѣверо-западъ государства, гдѣ они чувствуютъ себя совершенно свободнымъ племенемъ и учиняютъ постоянные грабежи и нападенія на персид-

скіе караваны. Курдовъ и луровъ насчитывается до 910000 человѣкъ. Белуджи, которыхъ здѣсь до 20000, также заняты разбойничествомъ. Армянъ около 50000 человѣкъ; они занимаются преимущественно земледѣліемъ. Евреевъ здѣсь 19000 человѣкъ, арабовъ—до 260000.

Главная часть населенія принадлежитъ къ тюркско-татарской отрасли монгольскаго племени.

Переселившіеся въ Персію курды совсѣмъ акклиматизировались здѣсь, оперсіянились и сохранили со своими сородичами общаго только одинъ языкъ. Они жалуются на то, что при всемъ плодородіи обрабатываемой ими почвы у нихъ руки опускаются при сознаніи, что три четверти результатовъ ихъ трудовъ попадаютъ въ карманы персидскихъ властей. Курды—отъявленные опиофаги¹⁾ и потому имѣютъ болѣзненный, истощенный видъ, а женщины ихъ вдобавокъ еще крайне неряшливыя, оборванныя.

Курды тоже терпѣли отъ текинцевъ и не разъ бывали случаи, что изъ ихъ ауловъ грабители похищали всѣхъ дѣвицъ до одной.

Курды—мусульмане, но раньше они поклонялись дьяволу (культъ іезидовъ), и это до сихъ поръ оставило въ ихъ средѣ легіоны дикихъ суевѣрныхъ обычаевъ, имѣющихъ назначеніемъ избавить ихъ то отъ одного, то отъ другого несчастія.

Евреи въ Персіи сосредоточились въ Мешедѣ; они сильно акклиматизировались, утратили свой

¹⁾ Курильщики опиума.

языкъ, носятъ персидскій костюмъ, который, можно сказать, совсѣмъ не пристаетъ къ сынамъ Израиля, не утратившимъ и здѣсь своего расоваго типа, акцента и характерныхъ манеръ. Сохранивъ свои расовыя отличія, евреи оставили здѣсь за собою и сферу дѣятельности, въ которой они выступаютъ по всему міру Божьему: они занимаются ювелирнымъ, гравернымъ дѣломъ, они — маклера, мѣнялы, заимодавцы, они торгуютъ старьемъ, опиумомъ, контрабандой и водкой, которую частенько сами и готовятъ.

Чтобы крѣпче осѣсть въ Персіи, многіе евреи наружно приняли исламъ, оставшись по внутреннему убѣжденію вѣрными іудеями.

Однимъ изъ красивѣйшихъ племенъ, занимающихъ Персію, являются цыгане, по-мѣстному лули. Эти господа здѣсь такіе же, какъ и вездѣ: занимаются барышничествомъ, кузнечнымъ ремесломъ, кражами. Они охотно исповѣдуютъ тѣ вѣроученія, которыя приняты въ обитаемой ими странѣ, и, вѣроятно, одинаково равнодушны ко всѣмъ существующимъ на свѣтѣ религіямъ.

За красоту мѣстныхъ лули назначаютъ на должности скороходовъ, которые бѣгутъ возлѣ кареты шаха.

Зороастръ или Заратустра, преобразователь религіи въ Персіи, оставилъ по себѣ многочисленныхъ сторонниковъ своихъ религіозныхъ воззрѣній. Предметомъ почитанія у Зороастра былъ источникъ свѣта — огонь, и послѣдователи реформатора поэтому называются огнепоклонниками. Они поселились преимущественно въ Индіи, гдѣ ихъ назы-

вають парсами, но и Персія насчитываетъ ихъ у себя до 75000 человекъ.

Когда-то въ Персіи огнепоклонники имѣли въ каждомъ поселкѣ свои храмы, которые потомъ были разрушены магометанами, и теперь въ Персіи имѣется, кажется, только одинъ ихъ храмъ — въ Іездо.

Религія огнепоклонниковъ на протяженіи трехъ тысячелѣтій своего существованія значительно измѣнилась, утративъ свои нравственныя отличительныя стороны въ пользу увеличенія стороны обрядовой. Къ описанію религіозныхъ воззрѣній и обрядовъ огнепоклонниковъ мы возвратимся при описаніи Индіи, здѣсь же скажемъ только, что превращеніе религіи въ обряды въ Персіи вредно отразилось на отношеніи мусульманъ къ огнепоклонникамъ. Послѣдній въ глазахъ ихъ сталъ чѣмъ-то отверженнымъ, презираемымъ, какъ безбожникъ, язычникъ; во мнѣніи персовъ онъ гораздо хуже исповѣдниковъ другихъ вѣрованій, хотя бы даже христіанскихъ, и положеніе его среди фанатичнаго населенія, понятно, незавидно. Ихъ зовутъ здѣсь гебрами. Какъ евреи въ Бухарѣ, гебры здѣсь должны отличаться отъ мусульманъ костюмомъ посредствомъ цвѣтныхъ нашивокъ; они могутъ ѣздить только на ослахъ и должны слѣзать при встрѣчѣ съ правовѣрнымъ. Гдѣ бы ни попался гебръ, среди персовъ его ожидаетъ градъ насмѣшекъ и издѣвательствъ. Гербскія дѣвушки безнаказанно похищаются персами. Одно осталось право у огнепоклонниковъ, это — право хоронить своихъ по своимъ

обрядамъ на „башняхъ молчанія“, куда трупы складываются для съѣденія птицами.

Несмотря на приниженное положеніе въ Персіи, гебры, однако, сумѣли сохранить многія привлекательныя черты, ярко выдѣляющіяся на мрачномъ персидскомъ фонѣ. Они удивительно честны; съ ними можно заключить какой угодно договоръ безъ всякаго нотаріуса, купить что угодно, зная напередъ, что прибрѣтенное будетъ именно тѣмъ, за что выдаетъ его продавецъ. Живутъ они своими обществами очень дружно, въ миролюбивомъ подчиненіи своимъ духовнымъ начальникамъ и учителямъ—мобедамъ. Школы содержатся на общественный счетъ; бѣдныхъ содержитъ тоже общество, и нищихъ у нихъ не видно.

Путешественникъ по Персіи можетъ осматривать пещеры, высѣченныя въ скалахъ, въ которыхъ огнепоклонники совершали свои обряды. Пещеры эти въ нѣсколько ярусовъ, имѣютъ сажени по четыре глубины, три въ ширину и аршина четыре въ вышину. Онѣ сообщаются между собою узкими и низкими ходами; изъ яруса въ ярусъ ведутъ узенькіе же люки. Въ первомъ ярусѣ ставились верблюды гебровъ, во второмъ—обрядовыя комнаты. Онѣ всѣ закопчены. Въ углахъ расположены очаги, надъ которыми пробиты отверстія для выхода дыма. Слѣды инструментовъ на стѣнахъ, полахъ и сводчатыхъ потолкахъ говорятъ за то, что пещеры эти дѣло рукъ человѣка, жившаго и молившагося здѣсь, быть-можетъ, во времена самого Зороастра.

Въ Персіи существуетъ рабовладѣніе, но, какъ

это ни странно на первый взглядъ для восточнаго населенія, персы очень гуманны по отношенію къ своимъ рабамъ. Имѣть раба тамъ считается за достоинство и за признакъ зажиточности. Хотя персы, въ силу царящаго въ ихъ отечествѣ права сильнаго и боятся показывать свое состояніе и живутъ часто для вида ниже своихъ средствъ, но въ такихъ случаяхъ они позволяютъ себѣ поважничать.

Невольники здѣсь дѣлятся на нѣсколько разрядовъ: бомбасси — изъ центральной Африки — самые дешевые, такъ какъ они тупы, лѣнны, прожорливы; мальчикъ стоитъ нѣсколько больше 100 руб., дѣвочка — дороже. Затѣмъ слѣдуютъ сохейли — народъ болѣе смышленный; лучшими же считаются абиссинцы: такъ за дѣвушку-абиссинку платятъ до 1000 рублей. Персы, покупая малолѣтнихъ невольниковъ, ставятъ ихъ при своихъ дѣтяхъ, мужчинъ дѣлаютъ часто евнухами, посылаютъ на разныя работы; рабыни состоятъ при кухнѣ. Хозяинъ является юридическимъ владыкой жизни и смерти раба, но жестокаго обращенія не существуетъ. Персъ довѣряетъ своему рабу, и тотъ оправдываетъ довѣріе. Раба, если дѣла хозяина пошатнулись, не продаютъ, а отпускаютъ. Рабынь часто обращаютъ въ женъ, причемъ тогда она уже не можетъ быть отобрана за долги въ силу покровительства брачнымъ контрактомъ. Евнухи пользуются большимъ почетомъ, какъ имѣющіе власть въ домѣ своего хозяина.

Неравномѣрность климата Персіи невольно раз-

дѣляетъ населеніе и по роду его занятій. Земледѣліе находится въ довольно плачевномъ состояніи. Хлѣба родится такъ мало, что даже и при урожаѣ его еле-еле хватаетъ на полуголодное существованіе, въ неудачные же годы начинается колоссальное вымираніе въ голодныхъ округахъ: во время неурожая, напримѣръ 1873 и 1878 годовъ умерло до милліона людей при населеніи во всей странѣ 9 милліоновъ. Находится земледѣліе въ такомъ печальномъ состояніи по той простой причинѣ, что земледѣлецъ обрабатываетъ не свою, а чужую землю, такъ какъ вся она въ Персіи подѣлена между шахомъ, духовенствомъ и помѣщиками.

Персидское крестьянство, какъ и наше, въ большей или меньшей мѣрѣ вынуждено довольствоваться вегетаріанской кухней. Мясо ему приходится ѣсть не болѣе раза въ недѣлю, и иногда только въ торжественныхъ случаяхъ, обычной же пищей являются хлѣбъ, овечій сыръ и фрукты. Проигрывая на качествѣ пищи, персъ старается дефектъ наверстать на количествѣ ея. Докторъ Уильсъ, долгое время прожившій въ Персіи, увѣряетъ, что семь фунтовъ хлѣба на день—пріемъ обычный у перса. Въ городахъ много походныхъ кухонь, которыя продаютъ жареную баранину и мѣстное національное и особенно любимое кушанье—кебабъ. Кебабъ—мелко рубленая баранина, перемѣшанная съ лукомъ. Не прочь персъ полакомиться и сладкимъ и конфектъ тамъ истребляется очень много. Много ѣдятъ и фруктовъ (дыни, виноградъ, финики) благодаря ихъ дешевизнѣ. Боль-

шимъ спросомъ пользуются творогъ и яйца. Обѣды состоятельнаго класса всегда обилень, потому что персы очень гостепріимны, а также и потому, что слуги ѣдятъ всегда то, что остается съ хозяйскаго стола. Здѣсь любимымъ кушаньемъ считается шашлыкъ, точное представленіе о которомъ можетъ имѣть только тотъ, кто ѣдалъ его на его родинѣ—на Кавказѣ или здѣсь, въ Персіи. Большимъ вниманіемъ пользуется тутъ и пловъ или пиловъ, который дѣлается изъ баранины, дичи и куръ. Цыплятъ, мелкую дичь (любимая—куропатки) жарятъ всегда на вертелѣ. Рыба попадаетъ только въ приморскихъ городахъ. Соуса приготавливаются изъ абрикосовъ, сливъ, гранатовъ; въ составъ ихъ входятъ часто грецкіе орѣхи. Не рѣдкость увидать мясное блюдо съ сладкимъ соусомъ изъ финиковъ. Но почти непремѣнная принадлежность каждаго кушанья—рисъ. Во время обѣда поглощается много шербета, — напитка, похожаго на нашъ лимонадъ. Подаютъ его въ китайскихъ чашкахъ, а пьютъ деревянными ложками, покрытыми дивною рѣзбой. Процедура обѣда такова: гостямъ предлагаютъ неизбѣжный кальянъ (нѣчто въ родѣ графина, наполненнаго теплою водою, табачный дымъ проходитъ черезъ воду, очищается отъ пригари и частью отъ никотина ¹⁾ и дѣлается очень вкуснымъ), конфекты и чай, послѣ чего на полу разстилается длинная кожаная скатерть. Поверхъ нея стелится коленкоръ. Гости садятся вокругъ нея, поджавъ

¹⁾ Никотинъ—ядовитое вещество, заключающееся въ листьяхъ и сѣменахъ табака.

подъ себя ноги (восточный человѣкъ устаетъ, сидя на стулѣ); передъ каждымъ кладется хлѣбъ, и затѣмъ уже разносятся кушанья, которыя благословляетъ хозяинъ. Послѣ обѣда непременно ложатся отдохнуть. Надо замѣтить, что персы, какъ это ни странно, въ приготовленіи кушаній очень чистоплотны и очень осторожно относятся къ употребляемой въ пищу водѣ, что при мѣстномъ климатѣ имѣетъ громадное значеніе. Воду берутъ изъ колодцевъ, иногда ее привозятъ въ бурдюкахъ (кожаные мѣшки) изъ довольно далеко отстоящихъ мѣстностей.

Въ гости приглашаются господа вмѣстѣ съ ихъ слугами, почему персіанинъ, а также и европеецъ, удостоившійся приглашенія, шествуетъ въ гости довольно торжественно. Его встрѣчаетъ у воротъ пригласившаго слуга и заявляетъ, что хозяинъ ждетъ. Гостя проводятъ черезъ дворъ, усаженный апельсиновыми и другими деревьями и украшенный клумбами цвѣтовъ, прямо на мужскую половину дома. Во дворѣ обыкновенно сидятъ музыканты. Этого рода артисты здѣсь вербуются преимущественно изъ евреевъ; они оборваны, инструменты ихъ жалки, но по сравненію съ музыкантами изъ персовъ они очень симпатичны въ томъ отношеніи, что барабанная перепонка не привыкшаго къ персидскимъ мелодіямъ европейскаго уха менѣе страдаетъ. Хозяинъ привѣтствуетъ гостя и приглашаетъ его сѣсть на коврикъ. Подаютъ кальяны, (европейцу надо захватить свой, чтобы не смущать магометанъ, не любящихъ, что бы къ

ихъ кальяну прикасались уста невѣрнаго). Начинаются медлительные разговоры на злобу дня: тутъ и политика, и городскія новости, и просто базарныя сплетни. Пьютъ чай, подъ вліяніемъ котораго и температуры воздуха присутствующіе начинаютъ понемногу освобождаться отъ лишнихъ одеждъ, закусываютъ соленымъ миндалемъ, фисташками, орѣхами, конфектами, потягиваютъ и аракъ и виноградныя вина.

Магометъ запретилъ потребленіе вина, и оно не въ большомъ ходу въ Персіи. Но Персы все-таки пьютъ и если пьютъ, то мѣтко, до положенія ризъ, почему крѣпкая водка—аракъ—здѣсь пользуется большими симпатіями. Въ ходу здѣсь и виноградныя вина мѣстнаго происхожденія, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны тегеранское, керманское, испаганское, лучшимъ же считается гамаданское, похожее на мозельвейнъ. Вино это легко сохраняется только въ большихъ количествахъ, почему персы закапываютъ его въ землю въ громаднхъ сорокаведерныхъ глиняныхъ сосудахъ, которые покрываютъ сверху навозомъ, чтобъ вино зимою не промерзло. Еще лучше гамаданскаго вина—ширазское, напоминающее хересь. Держать его въ сосудахъ размѣрами отъ $\frac{1}{2}$ до 2 ведеръ. Вина въ Персіи дешевы, но ширазское иногда доходитъ копѣекъ до 75 за бутылку.

Приготовляютъ вина въ Персіи обыкновенно евреи, но менѣе благочестивые персы и сами его дѣлаютъ. Виноградъ отжимается въ чанахъ или тазахъ и сокъ выливается въ 7—10-ведерные кувшины, въ кото-

рыхъ и бродить въ теченіе 24 дней, послѣ которыхъ вынимаютъ выжимки и гущу, которые идутъ на выгонку арака.

Магометане раздѣляются на двѣ группы: шіитовъ и суннитовъ. Персы—всѣ шіиты. Среди ихъ религіозныхъ обрядностей наиболѣе интересною является постъ.

Магометъ велѣлъ поститься тотъ мѣсяцъ, въ который правовѣрнымъ былъ данъ коранъ, и этого поста должны придерживаться всѣ, кромѣ путешественныхъ, больныхъ, дряхлыхъ, молодыхъ матерей и младенцевъ. Поститься,—а у магометанъ это значитъ не ѣсть, не пить, не курить,—нужно отъ восхода до захода солнца. Постъ этотъ переходитъ съ мѣсяца на мѣсяцъ, а потому можетъ быть и зимой и лѣтомъ,—въ послѣднемъ случаѣ онъ особенно тяжелъ и персы стараются обойти строгіе завѣты Магомета. Такъ богатые отправляются путешествовать, а бѣдные могутъ превратить день въ ночь и обратно, приурочивъ время воздержанія ко сну, когда его, конечно, легче выдержать. Въ виду того, что постъ особенно трудно выдержать въ время лѣтнихъ полевыхъ работъ, эти послѣднія замѣтно страдаютъ, такъ какъ поневолѣ приходится сокращать рабочій день, чтобъ уменьшить время воздержанія. Вообще во время поста замѣтно сокращается всякая дѣятельность персовъ, такъ какъ, несмотря на вышеуказанныя уловки, постъ магометанами выполняется все-таки пунктуально, а онъ далеко не легокъ. На ряду съ постомъ Магометъ велѣлъ дѣлать добрыя дѣла, и

обычный размѣръ удѣляемаго на благотворительность во время поста составляет $\frac{1}{40}$ получаемаго дохода, но иногда доходитъ и до $\frac{1}{3}$.

Во время поста—Рамазана, когда, какъ уже было сказано выше, всякая дѣятельность сокращается, въ разгарѣ визиты другъ къ другу по вечерамъ и на ночь, когда гостей угощаютъ ночью и подъ утро и укладываютъ спать на день. Въ это время въ большомъ ходу профессиональные рассказчики сказокъ, помогающіе правовѣрнымъ коротать ночь, превращенную въ день.

Мохарремъ—траурный мѣсяцъ. Всѣ, отъ мала до велика, одѣваясь въ черное, надъ мечетями и частными домами развѣваются черные флаги. Мальчики поютъ на улицахъ священные гимны. Въ домахъ, надъ которыми установлены флаги, совершаются торжественныя чтенія въ честь мучениковъ, на которыхъ могутъ присутствовать и женщины, а губернаторъ устраиваетъ для населенія религіозныя представленія, для которыхъ у его дома строится особая палатка. Палатка имѣетъ сцену, приподнятую отъ пола почти на сажень; въ углу ея—каедреа въ $1\frac{1}{2}$ сажени вышиной. Представленія бываютъ два раза въ день — утромъ и днемъ; каждое тянется по два часа. Зрительный залъ раздѣленъ вдоль веревкой на двѣ части; лѣвую занимаютъ женщины въ своихъ покрывалахъ, которыя во время представленія приходится поневолѣ приподымать. Палатка имѣетъ только три стѣны, четвертую же, за сценой, замѣняетъ стѣна дома гу-

бернатора, который слѣдитъ за представленіемъ непосредственно изъ своего окна.

Докторъ Уильсъ такъ описываетъ видѣнную имъ персидскую мистерію:

„На сценѣ появляются нѣсколько духовныхъ лицъ; одно изъ нихъ всходитъ на кафедру, другія окружаютъ его. Съ кафедры перечисляются страданія Хуссейна, и мулла взываетъ: „О Хуссейнъ! Будемъ скорбѣть о Хуссейнѣ! Хуссейнъ, Хассанъ!“—и бьетъ себя кулаками въ грудь. Правая половина партера продѣлываетъ то же, женщины визжатъ. Мулла уходитъ. На сценѣ появляется процессія: идутъ водоносы (мученіе Хуссейна состояло въ лишеніи воды), за ними дервиши, которые колотятъ себя по спинамъ тяжелыми цѣпами, затѣмъ избранные, давшіе обѣтъ пролить свою кровь въ честь мученика; они ударяютъ себя саблями по лбу, и кровь течетъ на ихъ бѣлые саваны. Нелѣпный оркестръ оретъ во всю, но крики толпы „Хассанъ! Хуссейнъ!“ заглушаютъ его. Показываются актеры—дикіе арабы въ короткихъ туникахъ, съ мечами и пиками, Іезидъ, царь невѣрныхъ, Шемръ, изображающій убійцу Хуссейна, окруженный дворомъ и свитою. Онъ въ шлемѣ и бронѣ ѣдетъ на любимомъ конѣ губернатора. Мужчины посылаютъ ему вслѣдъ проклятія, женщины отплеваются. За Шемромъ ѣдетъ ангелъ Гавріилъ (лицо актера закрыто), затѣмъ проѣзжаютъ второстепенныя лица, толпа солдатъ, стадо верблюдовъ съ женами, дѣтьми и внуками мученика, затѣмъ Казимъ—племянникъ Хуссейна (публика плачетъ при видѣ его), а за нимъ

Хассанъ, братъ мученика, и, наконецъ, самъ Хуссейнъ—въ турбанѣ и халатѣ темнозеленаго цвѣта (священный цвѣтъ пророка и его потомковъ), на великолѣпномъ конѣ. Крики толпы достигаютъ апогея. Собственно мистерія, которая, къ слову сказать, играется двѣ недѣли, начинается буквально съ Адама и захватываетъ главные событія священной исторіи, которыя служатъ какъ бы прологомъ къ главному моменту ея развитія — смерти Хуссейна. Въ постановкѣ мистеріи много реализма: плѣнные идутъ закованными въ цѣпи, битвы даютъ полную иллюзію, и центръ интермедіи разыгрывается такъ: Іезидъ боленъ схватками въ желудкѣ. Врачъ прописываетъ ему лѣкарство, но оно не помогаетъ ему, и доктора казнятъ. Іезида можетъ исцѣлить только видъ головы Хуссейна. Въ этотъ моментъ появляется его полководецъ Шемръ, неся на пикѣ требуемую голову. Іезидъ выздоравливаетъ.

А сцена убійства разыгрывается такъ: въ бронѣ и каскѣ на сцену выходитъ Али-Акбаръ — сынъ Хуссейна—и держитъ рѣчь къ своимъ солдатамъ и врагамъ; ему отвѣчаетъ Шемръ, и между ними начинается поединокъ. Али-Акбаръ одерживаетъ верхъ, но его окружаютъ солдаты Шемра. Али проявляетъ чудеса храбрости и повергаетъ въ бѣгство враговъ. Приходитъ Хуссейнъ. Они бросаются другъ другу на шею и объясняютъ свое безвыходное положеніе; женщины и дѣти прощаются съ Али-Акбаромъ (на лѣвой половинѣ вопли и визгъ). Хуссейнъ надѣваетъ на сына бѣлый саванъ, въ

знакъ того, что тотъ, какъ восточный воинъ, не ждетъ и не проситъ пощады и готовъ умереть. Появляются солдаты Іезида. Али-Акбаръ нападаетъ на нихъ. Они пускаютъ въ него воображаемыя стрѣлы, но масса враговъ валится отъ руки героя. Онъ скрывается на моментъ и появляется покрытый стрѣлами, въ окровавленной одеждѣ и лишь съ одной рукой, которою все-таки громитъ враговъ. Съ крикомъ „Хуссейнъ, о Хуссейнъ!“ онъ опять убѣгаетъ со сцены, но вновь появляется, но уже безъ рукъ, почему держитъ саблю въ зубахъ; онъ и въ такомъ положеніи успѣваетъ убить одного солдата, но въ концѣ концовъ его окружаютъ, отрубаютъ голову и насаживаютъ ее на колъ. Зрители плачутъ. Такъ же разыгрывается и сцена убіенія Хуссейна“.

Докторъ Уильсъ говоритъ, что и на него эта мистерія произвела впечатлѣніе, какъ и на другихъ зрителей.

Рассказанная мистерія—трагедія, гдѣ воспѣваются мученики секты Хассанъ и Хуссейнъ. Но у персовъ бываютъ и комическія представленія—тазіе, гдѣ осмѣивается суннитскій святой — Омаръ. Разыгрывается она такъ: на сцену выходитъ шутъ, одѣтый муллою; онъ начинаетъ читать молитву и говоритъ комическую проповѣдь, въ которой осмѣиваетъ духовенство. Идетъ процессія, во главѣ которой Омаръ ведетъ воющаго ошипаннаго пса; свита слѣдуетъ на ослахъ. Идутъ ангелы и демоны, а въ заключеніе — чортъ съ обнаженной и покрытой черными пятнами верхней частью туло-

вища; лицо у него желтое, глаза и ротъ бѣлые, на головѣ — рога. Всѣ располагаются на сценѣ. Омаръ говоритъ рѣчь, затѣмъ обѣдаетъ, побуждаемый чортомъ, напивается пьянъ и въ концѣ концовъ увлекается чортомъ въ адъ. Въ заключеніе зажигается чучело Омара, покрытое фейерверкомъ.

Чтобъ пояснить вышеизложенное, надо знать, что Магометъ, умирая, не оставилъ послѣ себя прямого наслѣдника, и среди его приверженцевъ образовались двѣ партіи, во главѣ которыхъ стояли Али-бенъ-Абу-Талевъ и „мать правовѣрныхъ“ Аэша. Приверженцы Али признавали только коранъ, противники—вдобавокъ и сунну, т.-е. сборникъ изустныхъ изреченій, будто бы слышанныхъ самою Аэшей. Первые стали называться шіитами (почти всѣ персы теперь), вторые — суннитами (турки). Послѣдніе объявили первыхъ раскольниками и вмѣсто Али избирали калифомъ (намѣстникомъ Магомета) по очереди Абу-Бекра, Омара и Османа. Али во избѣжаніе кровопролитія удалился въ Персію, но его приверженцы убили калифа противниковъ. Аэша тогда вооружила противъ Али сирійскаго намѣстника Моавію. Кровопролитныя схватки все время оканчивались побѣдами шіитовъ, пока не былъ убитъ Али. Послѣ этого шіиты избрали сына Али—Хассана. Но онъ удалился въ Медину, гдѣ враги его отравили. Тогда призванъ былъ Хуссейнъ, но по пути онъ былъ измѣннически убитъ суннитами вмѣстѣ со своими спутниками, при чемъ спасся только маленькій сынъ калифа. Это еще болѣе

усилило вражду сектантовъ и сдѣлало ихъ непримиримыми до сихъ поръ.

Въ мѣстѣ, описывающемъ персидское правосудіе, говорится, что принадлежность къ сектѣ бабистовъ (бабъ—дверь) равносильна государственному преступленію. Основателемъ этой секты является персъ Мирза-Али-Мохамедъ—фанатикъ своей идеи и горячій, покоряющій слушателей ораторъ, считавшій себя за „бабъ“ въ небесныя врата и скоро привлекшій къ себѣ многочисленныхъ приверженцевъ. Сперва бабисты обличали духовенство, чему не препятствовало правительство, недовольное имъ за постоянное вмѣшательство его въ политику, но затѣмъ они стали выдѣляться въ отдѣльныя общины, что уже обратило вниманіе правительства. Послали противъ отдѣлившихся войска, но рѣзня, произведенная послѣдними, только подлила масла въ огонь, и какъ всегда это бываетъ, начала привлекать новыхъ и новыхъ приверженцевъ. Начались возмущенія, окончившіяся страшными пытками и казнями, что опять-таки еще увеличило число ихъ сторонниковъ. Ученіе бабистовъ сводится къ слѣдующему: Богъ—вѣченъ и одинъ; все живущее есть истечение Духа Его и въ день послѣдняго суда сольется съ нимъ. Все въ мірѣ—благо, зло же—отъ временнаго отдѣленія отъ Бога. Богъ посылалъ своихъ пророковъ (Авраамъ, Моисей, Иисусъ, Магометъ, Баба), но со временемъ явится еще Сагибъ-Земанъ, который всѣхъ обратитъ въ исламъ—ученіе Магомета, послѣ чего наступитъ конецъ міра.

Бабисты—сторонники не обрядности, а „духа,

вѣрованія“. Поэтому они низводятъ до минимума молитвы, не считаютъ необходимымъ молиться на востокъ, не признаютъ омовенія, проповѣдуютъ непротивленіе злу насиліемъ, возстаютъ противъ пытокъ и казни, предписываютъ кротость, доброту души, гостепріимство, запрещаютъ употребленіе наркотическихъ средствъ. Женщину новое ученіе считаетъ равноправной мужчиѣ; многоженство, разводъ и владѣніе рабынями, какъ женами, не допускаются.

Укажемъ еще на обрядъ вѣнчанія.

Въ Персіи существуютъ браки, которые предрѣшены уже самымъ актомъ рожденія,—напримѣръ, двоюродный братъ и сестра должны стать мужемъ и женой. Въ такихъ обязательствахъ бракъ заключается по любви, хотя женихъ и не долженъ и не можетъ, казалось бы, видѣть своей невѣсты: этого не полагается по закону, да и трудно сдѣлать вслѣдствіе обычая, усвоеннаго персидскими женщинами, такъ закутывать свое лицо, что его никакъ нельзя разглядѣть.

Сватовство производится при посредствѣ свахъ, которыя сводятъ не заинтересованную молодежь, а ихъ родителей, при чемъ, расхваливая кандидатовъ на брачный союзъ, онѣ прежде всего стремятся побольше выторговать приданаго со стороны невѣсты. Послѣ обрученія свахи получаютъ гонораръ съ обѣихъ сторонъ.

Церковному акту предшествуетъ брачный контрактъ. Приглашаются знакомые—свидѣтели. Невѣста сидитъ или за занавѣской, вмѣстѣ съ дру-

гимъ женскимъ населеніемъ дома, или тутъ же, но тогда у всѣхъ у нихъ лица глубоко закрыты. Контрактъ читается вслухъ. Сперва удостовѣряется тотъ фактъ, что женихъ получилъ приданое, которое тутъ же перечисляется. Имущество это, могущее состоять изъ недвижимаго имущества, денегъ, скота, принадлежностей гардероба, домашней утвари, передается жениху, но оно составляетъ неотъемлемую собственность невѣсты, и въ случаѣ развода или смерти жены оно возвращается ей или ея родственникамъ. По прочтеніи перечня приданаго мулла спрашиваетъ, согласенъ ли на бракъ женихъ, согласенъ ли отецъ невѣсты на выдачу дочери и согласна ли сама невѣста, за которую отвѣчаютъ старшія женщины. Тогда мулла объявляетъ молодыхъ мужемъ и женой.

Послѣ заключенія контракта, черезъ недѣлю, мѣсяцъ и даже черезъ нѣсколько лѣтъ, смотря по обстоятельствамъ, справляется и самая свадьба.

Съ ранняго утра въ домѣ невѣсты начинаются приготовленія: тщательно выметають и поливають дворъ, чистятъ комнаты и украшаютъ ихъ коврами и цвѣтами, готовятъ угощеніе. Хозяинъ встрѣчаетъ гостей у входа. Оркестръ играетъ персидскія музыкальныя произведенія, пѣвецъ поетъ пѣсню, а музыканты, отъ времени до времени, подпѣваютъ ему хоромъ. Пьютъ чай, ѣдятъ сладости, мужчины—во дворѣ, женщины—въ комнатѣ. Завтракають. Показываютъ ученыхъ ословъ и медвѣдей, иногда—льва. Танцуютъ, поютъ пѣсни. Невѣста въ обществѣ подругъ отправляется въ баню. Обѣдаютъ.

Зажигаютъ огни, и къ дому невѣсты приходитъ процессія во главѣ съ женихомъ, въ домѣ котораго было также пиршество. Закутанную невѣсту сажаютъ на лошадь, и процессія, путь которой освѣщается факелами и фонарями, движается по направленію къ дому жениха, гдѣ невѣсту встрѣчаютъ жертвоприношеніемъ, — закалываніемъ нѣсколькихъ барановъ на порогѣ.

Хотя жениху-персу и нельзя до свадьбы видѣть своей невѣсты, но естественное любопытство рушить это препятствіе, а потому онъ, конечно, прежде чѣмъ посылать сваху, самъ великолѣпно знаетъ лицо той, съ кѣмъ ему придется жить, — подсмотрѣть выглядывающую въ окно или дверь дѣвушку не такъ все-таки трудно.

Женщина въ Персіи въ семейномъ кругу стоитъ не такъ безнадежно низко, какъ объ этомъ принято думать. Она—другъ мужа, хозяйка его дома, а главное—мать. Многоженство принято, но въ домѣ, гдѣ есть нѣсколько женъ, каждая имѣетъ свое отдѣльное помѣщеніе, и живутъ онѣ въ общемъ дружно между собой. Разводъ допустимъ, но бываетъ рѣдко вслѣдствіе нѣсколькихъ причинъ: 1) мужу приходится возвращать приданое, которое въ брачномъ контрактѣ часто значится въ большемъ количествѣ, чѣмъ его было на самомъ дѣлѣ, и 2) разведенному мужу или женѣ трудно вступить въ новый бракъ.

Соединяются брачными узами обыкновенно принадлежащіе къ одному и тому же сословію, почему смѣшенія сословіи и не происходитъ, хотя красота

женщины и здѣсь часто служить поводомъ къ вступленію путемъ брака въ высшее сословіе.

Первое время жена въ домѣ занимаетъ мѣсто подъ покровительствомъ или руководствомъ свекрови; ее учатъ хозяйничать, но на базары она не ходитъ, такъ какъ женщинѣ, не имѣвшей еще ребенка, не позволяется одной выходить изъ дому.

Рожденіе перваго ребенка празднуется очень торжественно, особенно если родится сынъ; въ такомъ случаѣ даже ея собственное имя упраздняется изъ обихода, и ее зовутъ матерью такого-то. Съ этого момента женщина больше занята дѣтьми, и хозяйствомъ завѣдуетъ свекровь или теща (если послѣдняя вдова, то она переѣзжаетъ съ дочерью въ домъ молодого). Персіянки болѣе состоятельныя учатся читать, писать и даже сочинять стихи; чѣмъ онѣ бѣднѣе, тѣмъ болѣе обращается вниманія на подготовку къ дѣятельности хозяйственной: умѣнью шить, ткать, готовить пищу. Чѣмъ старше хозяйка, тѣмъ болѣе переходитъ хозяйство въ ея руки. Если она бездѣтна, то на ея обязанности лежить пріискать мужу молодую жену.

Женъ, нарушившихъ свою супружескую вѣрность, бросаютъ въ глубокую яму-колодець, что производится публично; но часто мужъ послѣ семейнаго совѣта отправляетъ свою невѣрную подругу къ праотцамъ при посредствѣ какого-либо яда. Бываетъ, что измѣнница, по совѣту родственниковъ, боящихся скандала, сама отравляется. Но измѣна персидскихъ женщинъ—дѣло рѣдкое. Персы, какъ всѣ восточные народы, очень ревнивы, и европейцу

или единоплеменнику, подозрѣваемому персомъ, не уйти отъ его руки.

Домашній костюмъ женщины таковъ: юбка коротенькая, до колѣнъ, похожая на юбки балеринъ; рубашка изъ прозрачнаго тюля, а поверхъ ея—коротенькая бархатная куртка, покрывающая плечи и верхъ спины; рукава куртки разрѣзаны; голова покрыта большимъ шелковымъ платкомъ; на рукахъ—масса браслетовъ.

Интересенъ и похоронный обрядъ.

Больной персъ рѣдко оставляется одинъ, при немъ обыкновенно цѣлая толпа не только близкихъ или знакомыхъ, но и просто шедшихъ мимо и зашедшихъ сюда совершенно постороннихъ лицъ. Больной лежитъ на тюфакѣ, подъ одѣяломъ, окутанный клубами дыма отъ безчисленнаго количества кальяновъ, куримыхъ посѣтителями. Если врачъ отказался лѣчить больного, признавъ его безнадежнымъ, то приглашается дервишъ, который долженъ помочь чарами. Шарлатанъ-дервишъ, конечно, увѣряетъ, что его слишкомъ поздно позвали. Жена умирающаго плачетъ, подноситъ къ его лицу кусокъ влажной глины и тогда примѣняется послѣднее средство: рѣжутъ курицу и кладутъ на ноги умирающему.

Какъ только наступила смерть, покойнику кладутъ въ ротъ и носъ мокрую вату, и мулла читаетъ молитву. Въ головахъ покойника ставится чаша съ водой, а мулла отправляется молиться на крышу. Плачутъ родственники и пріятели, плачутъ наемные плакальщики. Женщины надѣваютъ траурныя

одежды. Никто изъ близкихъ не причесывается и не моется.

Покойника обмываютъ, надѣваютъ на него саванъ и кладутъ въ гробъ, сдѣланный изъ тонкихъ досечекъ. Погребеніе производится не позже 24 часовъ послѣ смерти. Гробъ несутъ на рукахъ, и это считается за подвигъ. Тѣло опускается въ могилу, мулла и присутствующіе читаютъ молитву, засыпаютъ землею, вспрыскиваютъ могилу водою—и обрядъ конченъ. На могилѣ богатаго покойника ставится палатка, въ которой мулла нѣсколько дней читаетъ коранъ. Памятники обыкновенно представляютъ изъ себя каменную плиту съ именемъ покойнаго и стихомъ изъ корана.

Богатыхъ персовъ и къ тому же особенно благочестивыхъ иногда отвозятъ хоронить въ Мешедъ или Кербелу.

Послѣ похоронъ въ домѣ умершаго устраиваются поминки. Трауръ носится отъ нѣсколькихъ дней до мѣсяца. По окончаніи его семья отправляется въ баню и окрашиваетъ волосы, ладони, ногти и пятки въ красныйъ цвѣтъ, женщины же кромѣ того отправляются на кладбище, гдѣ поминаютъ покойника сладостями и специально приготовленнымъ для этого хлѣбомъ.

На религіозной почвѣ въ Персіи образовалась каста сеидовъ и особый классъ религіозныхъ шарлатановъ—дервишей.

Мусульмане, почему-либо считающіе себя родственниками Магомета, называются сеидами. Это—осѣдлый, по большей части благообразный, упи-

танный народъ. Ихъ привиллегія наружная—синяя чалма, а нравственная—эксплоатація массы на религіозной почвѣ, хотя молва говоритъ, что настоящихъ родственниковъ Магомета совсѣмъ нѣтъ въ живыхъ. Сеидовъ насчитывается до полутора ста тысячъ, и количество ихъ растетъ постоянно, что объясняется очень просто: для того, чтобъ получить это почтенное званіе, надо удостовѣреніе 16 уже признанныхъ сеидовъ въ принадлежности къ потомкамъ Магомета, а купить 16 сеидовъ не такъ трудно.

Когда сама правящая династія принадлежала къ сеидамъ, послѣдніе пользовались большой силой; они имѣли право даже говорить правду шаху. Теперь они не въ милости, но, постоянно разжигая фанатизированную массу, они все-таки пользуются большою силою.

Дервиши представляютъ изъ себя просто лѣнтяевъ, эксплуатирующихъ легковѣріе религіозныхъ мусульманъ. Это—блаженные, давшіе обѣтъ нищенства. Они ничего не дѣлаютъ, не умываются, не чешутся и живутъ даяніями мусульманъ. Дервишъ носитъ высокую войлочную шляпу съ вышитыми на ней изреченіями изъ корана, шаровары, рубаху, а сверху пантеровую шкуру, служащую ему плащомъ, тюфякомъ и одѣяломъ. На боку у него деревянная кубышка, замѣняющая котомку, кошелекъ и бутылка, въ рукахъ—четки и палка съ очень острыми шипами, часто—топоръ. Дервишъ съ утра до вечера медленнымъ шагомъ куда-нибудь шествуетъ; вѣтеръ развѣваетъ его свалаявшіяся въ вой-

локъ гриву и бороду. Онъ вдругъ останавливается, потрясаетъ своей кубышкой и начинаетъ вопить: „Яхаккъ! Яхаккъ!“ (о Боже! о Боже!), или предлагаетъ проходящему какую-нибудь дрянъ въ родѣ цвѣтка, орѣха, листка. За призваніе имени Бога или подарокъ листка дервишъ ждетъ возмездія въ видѣ размѣнной монеты.

Счастливымъ днемъ для дервиша является новый годъ, когда благотворительность персовъ принимаетъ болѣе широкіе размѣры. Продѣлываютъ эти нищіе и такія вещи: онъ ставитъ палатку у дверей какого-нибудь богатаго мусульманина и отъ времени до времени, не стѣсняясь часомъ, дико выкрикиваетъ свое: „Яхаккъ, яхаккъ!“ Это льститъ мусульманину, но ночные дикіе крики далеко не способствуютъ сну, который такъ любятъ восточные люди, и дервишу даютъ денегъ, послѣ чего онъ выбираетъ себѣ новую жертву. Иногда дервишъ прибѣгаетъ и къ помощи довольно громкаго рога.

Дервиши для того, чтобъ побольше получить, гадаютъ, пророчествуютъ, заклинаютъ; мало давшаго дервишъ безъ всякаго стѣсненія изругаетъ. Персы не любятъ этихъ грязныхъ, пьяныхъ и развратныхъ чревоугодниковъ, но боятся и терпятъ ихъ. Промотавшіеся персы часто дѣлаются дервишами.

Нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, если бы мы не упомянули о персидскихъ базарахъ, играющихъ здѣсь, какъ и вездѣ на востокѣ, въ жизни населенія не малую роль.

На персидскихъ базарахъ обычаи соединяетъ въ одно мѣсто торгующихъ однимъ и тѣмъ же товаромъ, что представляетъ несомнѣнное удобство для покупателя, какъ въ смыслѣ предоставленія ему бѣльшаго выбора, такъ и въ томъ отношеніи, что здѣсь конкуренція скорѣе окажетъ свое вліяніе на цѣны и качество товара. Персѣ же покупатель всегда сперва прицѣнитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и затѣмъ уже начинаетъ долго и упорно торговаться. Лавки расположены вдоль улицы, по обѣимъ ея сторонамъ. Открываются лавки очень рано, закрываются непременно при закатѣ солнца (жизнь въ Персіи вообще начинается очень рано утромъ), а черезъ нѣкоторое время запираются и ворота базара, за которыми остаются только сторожа да злыя собаки. На базарѣ вы все найдете: тутъ есть и старыя монеты, иногда только-что прибывшія съ гамаданской фабрики, серебряныя и золотыя эмалированныя мундштуки, кофейники, чайники, посуда, браслеты, ожерелья; тутъ же—все-возможное оружіе, издѣлія изъ дерева, булочныя издѣлія, кебабъ, фрукты, цвѣты, москательныя товары, аптекарскіе препараты, ковры. Въ лавкахъ торжественно возсѣдаютъ хозяева, потягивая неизмѣнный кальянъ, и навязываютъ свой товаръ покупателямъ, а если таковыхъ нѣтъ—перебрасываются словами съ сосѣдями или проходящими. Наряду съ лавочниками ведутъ свою торговлю разносчики—продавцы стараго платья, трубокъ, готоваго чая. Тутъ же дервиши и нищіе.

Изъ Персіи вывозится довольно много лошадей,

преимущественно въ Индію, для кавалеріи и артиллеріи; оставшіяся отъ покупки въ войска лошади берутся нарасхватъ въ качествѣ упряжныхъ. Занимаются торговлей исключительно мусульмане. Въ Персіи есть хорошія породы лошадей: туркменская, карабахская, арабская и ширазская. Туркменская лошадь очень высока, поджара, имѣетъ большую голову и длинныя уши, грива короткая; эта лошадь удивительно вынослива и нетребовательна; въ Индію она не вывозится,—идетъ туда карабахская, благодаря своей дешевизнѣ. Она напоминаетъ собой англійскую охотничью лошадь: гнѣдая съ черными яблоками, отъ хвоста до головы по спинѣ идетъ черная полоса; хороша подъ верхъ. Разводятъ лошадей преимущественно иліауты-кочевники, кочующіе зимой со своими стадами и табунами по степямъ, а лѣтомъ по горамъ. Барышники—очень ловкіе продавцы и наживу менѣе 100% считаютъ невыгодной.

Культура мака занимаетъ въ Персіи видное мѣсто, и ею заняты громадныя площади земли, усиленно для этого орошаемой. Изъ головокъ мака особыми спеціалистами, наѣзжающими изъ г. Іезда, готовится опій, который находитъ большой сбытъ внутри страны и экспортируется. Одно время экспорту опіума грозила гибель, такъ какъ персы и особенно армяне въ виду его высокой цѣнности стали его сильно сдабривать фальсификатами; цѣна персидскаго опіума сильно упала, и это заставило персовъ возвратиться къ честной

торговлѣ. Персидскій опиумъ считается лучше турецкаго, но уступаетъ индійскому.

Приготавливается опиумъ такъ: головки мака надрѣзываютъ послѣ полудня; изъ надрѣзовъ вытекаютъ капельки, которыя и засыхаютъ; ихъ собираютъ на разсвѣтъ въ глиняные кувшины, а потомъ пересыпаютъ въ мѣдные тазы. Опиумъ кипятятъ и мѣшаютъ, пока онъ не станетъ густѣть, затѣмъ его намазываютъ на доски и выставляютъ на солнце, послѣ чего его соскабливаютъ, мѣсятъ и формуютъ въ таблички около фунта вѣсомъ.

Лѣнныя персіяне потребляютъ опіа, кажется, больше, чѣмъ какіе-либо другіе восточные народы, и сами они говорятъ, что кто попробовалъ этого наркотика три раза, тотъ уже не отстанетъ отъ него. Если вы встрѣтите на улицѣ Востока блѣдно-желтаго истощеннаго субъекта съ мутными, апатичными глазами и вялыми, безжизненными движеніями, — предъ вами опіофагъ, который не въ силахъ уже бросить своей пагубной страсти. Это — человѣкъ конченый: если онъ не броситъ опіа, онъ отравится имъ хронически и, окончательно разорившись на дорогой продуктъ, умретъ, если же броситъ, то развязка наступитъ еще быстрѣе: организмъ, пропитанный ядомъ, не выдержитъ отсутствія его.

Несмотря на непробудный сонъ, въ которомъ находится Персія, и здѣсь, въ силу неизбѣжнаго историческаго закона, начинается все-таки пробуждаться стремленіе къ внутреннимъ реформамъ. Какъ и въ сосѣдней и родственной Турціи, здѣсь

образовалась партія прогрессистовъ, задавшихъ мыслью реформировать не только внутренній строй страны, но и поднять значеніе всего мусульманства. Персы, какъ было сказано выше, принадлежать къ сектѣ шіитовъ, турки — суннитовъ. Та и другая секта издавна враждуютъ между собой, и это дѣлило мусульманъ на разные лагери. Теперь же персидскіе реформаторы пошли даже на религіозныя уступки и протянули руку суннитамъ, и благодаря этому турецкій султанъ, истый консерваторъ, даетъ убѣжище персидскимъ предводителямъ новаго теченія, которымъ на родинѣ жить далеко не безопасно. Предводителемъ прогрессистовъ является сеидъ (потомокъ Магомета) Джемалединъ-Эфенди-Эль-Афгани. Онъ образованъ для восточнаго человѣка, много путешествовалъ по мусульманскимъ странамъ и задался идеей поднять на должную высоту послѣдователей ислама, возвратить имъ утерянное ими значеніе и объединить ихъ всѣхъ подъ началомъ одного калифа. Горячія рѣчи Джемаледина заинтересовали даже покойнаго шаха Насръ-Эддина, но противъ него вооружился великій визирь и сталъ вооружать шаха противъ проповѣдника. Послѣдній отправился въ Шахъ-Абдуль-Азимъ, гдѣ передъ собравшимися прогрессистами заявилъ, что шахъ долженъ дать права человѣка своимъ подданнымъ или отречься отъ трона, иначе онъ долженъ быть убитъ. Послѣ этого въ Тегеранѣ появились прокламаціи съ такимъ же ультиматумомъ, показавшія правительству, что тутъ дѣло не шуточное и

что оно не замѣтило начинавшагося броженія. Начались аресты, но Джемалединъ былъ уже въ Константинополѣ подѣ покровительствомъ султана, котораго рекомендовалъ своимъ приверженцамъ, какъ персидскаго калифа. Шахъ требовалъ выдачи революціонера, но султанъ наотрѣзъ отказалъ въ этомъ. Насръ-Эддинъ былъ убитъ.

Пойдетъ ли теперь Персія по пути прогресса— неизвѣстно: этого не знаютъ даже лучшіе знатоки ея. Новый властитель страны — человѣкъ скрытный, но, говорятъ, онъ хочетъ произвести реформы и прежде всего—отмѣнить откупную систему на должности.

Еще больший интересъ представляетъ вопросъ, въ какую реальную форму выльются идеи Джемаледина. Не надо забывать, что мусульманъ насчитывается 175 милліоновъ душъ, и объединенная эта громада при ихъ фанатизмѣ должна представить кое-что, о чемъ не мѣшаетъ подумать.

АФГАНИСТАНЪ.

Афганистанъ представляетъ покатуку къ юго-западу и сѣверу площадь. Въ сѣверо-западной его части находятся горы Гиндукуша съ западными отрогами Сефидъ-Коухъ и Парапамизъ; вдоль сѣвернаго берега Гери-Руда тянется Коухъ-и-Баба, по южному берегу—Сія-Коухъ. На индійской границѣ находится Хайберскій проходъ вдоль р. Кабула; къ югу—Пайверскій проходъ, Сарвандійскій про-

ходъ и еще южнѣе—Каджакскій, ведущій черезъ горы Хаджа-Амрошъ въ Пишинъ. Черезъ Гиндукушъ ведутъ перевалы Хавакъ и Калу.

Главная рѣка—Гильмендъ, впадающая въ топкое болото Габунъ, затѣмъ слѣдуютъ: Кабуль, Мургабъ и Гери-Рудъ.

Афганистанъ прежде занималъ площадь въ 721700 квадр. километровъ, но съ установленіемъ афгано-индійской пограничной линіи англичанами и съ измѣненіемъ сѣверо-западной въ пользу Россіи она сократилась до 550000.

На западѣ Афганистанъ граничитъ съ Персіей, на сѣверѣ — съ русскимъ Туркестаномъ, Бухарой и русскими владѣніями на Памирѣ, на востокъ — съ англійскими афгано-индійскими владѣніями и на югѣ съ Белуджистаномъ.

Главный городъ Афганистана—Кабуль, почему и самый Афганистанъ называется иногда Кабульскимъ царствомъ. Онъ насчитываетъ 60000 жителей и ведетъ обширную транзитную торговлю персидскими, индійскими и европейскими товарами. Отсюда долина рѣки того же имени черезъ роковой проходъ Хайберъ приводитъ къ Индійской низменности; это—единственный и постоянно используемый путь въ Индію.

Южнѣе Кабула, за глубокими перевалами и ущельями находится городъ Газни, почти уже обратившійся въ развалины, но считающійся вторымъ по значенію въ странѣ.

Третій городъ — Кандагаръ, лежитъ въ области Дурани.

Климатъ страны сухой, континентальный, въ общемъ далеко не однообразенъ по всей странѣ, и въ то время, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ суровыя зимы продолжаются четыре мѣсяца и смѣняются очень умѣреннымъ лѣтомъ, есть мѣста, гдѣ жара въ разгарѣ лѣта доходитъ до 50°. Въ гористыхъ мѣстахъ царятъ страшныя снѣжныя метели.

Растительность края крайне разнообразна, въ зависимости отъ присущей мѣстности температуры лѣта: тогда какъ въ болѣе жаркихъ мѣстахъ поспѣваетъ сахарный тростникъ и растутъ финиковыя пальмы, въ другихъ—растительный міръ не идетъ дальше европейскаго характера. Воздѣлываютъ здѣсь табакъ, коноплю, хлопокъ, пшеницу, кукурузу.

Правленіе въ Афганистанѣ монархическое. Во главѣ стоитъ эмиръ, который путемъ поземельныхъ, ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ, собираемыхъ преимущественно натурой, имѣетъ до 14 милліоновъ въ годъ, одна треть которыхъ тратится на войско, которое насчитываетъ въ своихъ рядахъ вмѣстѣ съ ополченіемъ 50000 человекъ.

Вся страна въ смыслѣ управленія раздѣлена на кланы, которые въ свою очередь дѣлятся на кейли, составляемые изъ нѣсколькихъ семействъ. Эти кейли подчинены выборному старѣйшинѣ; кланы въ свою очередь подчинены хану, избираемому или назначаемому эмиромъ. Всѣ серьезныя дѣла разбираются собраніемъ начальниковъ клана подъ предсѣдательствомъ хана.

Англія долгое время воздерживалась отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Афганистана, и лишь послѣ того, какъ русское вліяніе стало усиливаться въ Туркестанѣ, въ 1869 году она заключила съ афганскимъ эмиромъ союзный договоръ и тутъ же были установлены точныя границы страны. Въ 1878 году эмиромъ Ширамъ-Али было принято русское посольство и отказано въ приѣмъ англійскаго, вслѣдствіе чего Англія начала готовиться къ войнѣ, потребовавъ отъ эмира объясненій. Не получивъ отвѣта, англійскія войска въ количествѣ 41000 человѣкъ двинулись въ Афганистанъ, гдѣ произошло нѣсколько незначительныхъ стычекъ и занято было нѣсколько городовъ. Ширамъ-Али въ это время умеръ, и его наслѣдникъ Якубъ подписалъ съ англичанами мирный договоръ, по которому разрѣшалось пребываніе въ Кабулѣ постоянного британскаго резидента, пропускались въ неограниченномъ количествѣ англійскіе товары, а афганцы обязались улучшить пути сообщенія, устроить телеграфъ и отказались отъ сношеній съ другими державами. Англія признала Якуба эмиромъ и обязалась очистить страну отъ войскъ, за исключеніемъ областей Курумской, Пишинской и Сиби, а также Хайберскаго ущелья, которыя остались во власти англичанъ. Кромѣ этого Англія возвращала оружіе и обязалась платить эмиру ренту для поддержанія его вліянія въ странѣ. Войска начали выступать 1 іюня, а 13 августа вспыхнуло возстаніе, и афганцы истребили все англійское посольство, прибывшее въ Кабулъ только 24 іюня. Это

событіе произвело переполохъ въ Англіи и Индіи, и въ Афганистанъ были вновь посланы войска, которыя 9 октября и взяли Кабулъ; населеніе было обезоружено и часть его наказана. Послѣ этого происходилъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе серьезныхъ стычекъ англійскаго гарнизона съ афганцами. Послѣдствіемъ всей этой кампаніи была отсылка эмира Якуба въ Индію, управление же дѣлами Афганистана принялъ на себя командующій англійскими войсками генералъ Робертсъ. Въ это время въ разныхъ провинціяхъ нѣсколько вліятельныхъ афганцевъ, и между ними Абдурахманъ, присвоили себѣ верховныя права. Англичанамъ содержаніе большихъ войскъ въ чужой странѣ становилось невыгоднымъ. Они предлагали произвести выборы эмира, но кандидата не находилось, и англичане начали переговоры съ Абдурахманомъ. Этотъ затягивалъ переговоры и двигался съ 10000 войска на Кабулъ. Робертсъ собралъ совѣтъ афганскихъ шаховъ, на который Абдурахманъ не явился, и здѣсь послѣдній былъ выбранъ эмиромъ на очень выгодныхъ условіяхъ: Англія отказывалась отъ постоянного резидентства въ Кабулѣ, обѣщала со-всѣмъ очистить страну отъ войска, возвратитъ отнятое оружіе и платить ренту, взамѣнъ чего Абдурахманъ обязался только не вступать ни въ какія сношенія съ другими державами.

Въ это время братъ Якуба—Эюбъ-ханъ, правитель Герата, ожесточенный врагъ Англіи, собралъ до 20000 войска и сталъ волновать правителей средняго Афганистана. Онъ нанесъ англичанамъ

полное пораженіе, при чемъ остатки англійскихъ войскъ бѣжали въ Кандагаръ, который и осадилъ Эюбъ-ханъ. На помощь запертымъ въ Кандагаръ войскамъ тронулись войска изъ Кабула, и Эюбъ-ханъ, на голову разбитый, вынужденъ былъ бѣжать въ Герать, гдѣ энергично принялся за реформированіе и пополненіе своего войска. Робертъ оставилъ въ Кандагаръ нѣсколько болѣе 10000 войска, а остальныхъ отправилъ въ Индію, послѣ чего и оставшіяся войска въ Кандагаръ начали тоже уходить. Эюбъ-ханъ послѣ этого занялъ этотъ городъ, но его встрѣтили войска Абдурахмана, который и одержалъ побѣду. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ другими враждовавшими ханами Абдурахманъ, наконецъ, утвердился въ качествѣ эмира, а Эюбъ-ханъ вынужденъ былъ бѣжать въ Персію.

Англійскія войска совсѣмъ очистили Афганистанъ, но осложненія въ странѣ не прекращались. Начались недоразумѣнія изъ-за соперничества Англіи съ Россіей. Россія предъявила свои права на всю страну до Зульфихора на Гери-Рудъ, Шаманъ-и-Баида на Кушкъ, Бала-Мургаба на Мургабъ и Кабарманка, эмиръ же и Англія считали эти мѣстности принадлежащими Афганистану.

Русскія войска подъ предводительствомъ генерала Комарова вступили въ спорную страну, въ сраженіи 30 марта 1885 года разбили пятитысячное афганское войско, которымъ руководилъ Наибъ-Саларъ, и овладѣли Пендже, на лѣвомъ берегу Мургаба. Англія послѣ этого начала готовиться къ войнѣ, но ея не было, и Россія получила почти всѣ

земли, изъ-за которыхъ возникли военныя дѣйствія съ афганцами.

Англичане сильно укрѣпили и вооружили Герать и многіе пункты въ сѣверномъ Афганистанѣ и улучшили дороги, идущія изъ Индіи.

Тутъ кстати будетъ отмѣтить, что полное стремленія къ независимости населеніе Афганистана сильно недолюбливаетъ своихъ культурныхъ сосѣдей и стремится вооружить противъ нихъ и безсильнаго белуджистанскаго хана.

Населеніе Афганистана въ 1880 году исчислялось въ 6145000 человѣкъ, теперь же, съ отчисленіемъ части площади, его надо считать въ 4 милліона душъ.

Населеніе страны принадлежитъ къ иранской группѣ народовъ. Преобладающимъ племенемъ являются *дураны*, которыхъ насчитывается 800000 человѣкъ. Они заняли весь югъ и юго-западъ страны, особенно же густо ими заселена область между Гератомъ и Кандагаромъ. Племя это получило свое названіе отъ имени шаха афганскаго Ахмеда-Дурани, основателя афганской державы. Затѣмъ слѣдуютъ *ильзаны* (600000 человѣкъ), занявшіе сѣверъ отъ Кандагара до Кабула. Здѣсь же кочуетъ племя *назиръ*. На сѣверъ за Пешаверъ живутъ *юзуфзаны* (700000 душъ). Затѣмъ идутъ племена: *какары* (200000 человѣкъ), *каттаки* (100000), *утманы*, *келы*, *афридѣи*, *аракзары*, *шиньары* и многія другія.

Афганцы отличаются крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, сильной мускулатурой и большой ловкостью. Лицо у нихъ скуласто, носъ сильно выступаетъ, нижняя

губа толстая, растительность на головѣ и лицѣ густая, черная и жесткая, цвѣтъ лица темный (чѣмъ восточнѣе афганцы, тѣмъ темнѣе).

Афганецъ по характеру своему гостепріименъ, искрененъ, великодушенъ, трудолюбивъ и вмѣстѣ съ тѣмъ гордъ, храбръ и независимость ставить выше всего.

Женщины у нихъ въ большомъ почетѣ.

Обычай родовой мести сильно держится въ Афганистанѣ, и на этой почвѣ вѣдуться нескончаемыя кровавыя распри между отдѣльными племенами, которыя стихаютъ только при вмѣшательствѣ въ нихъ совѣта начальниковъ клана. Тогда составляется нѣчто въ родѣ народнаго суда изъ заинтересованныхъ сторонъ, который, разобравъ дѣло, присуждаетъ виновную сторону къ выдачѣ нѣсколькихъ дѣвушекъ за мужчинъ изъ противоположнаго лагеря. Благодаря этому обычаю и происходитъ главнымъ образомъ смѣшеніе племенъ. Помимо этого, приходящія въ какое-либо племя отдѣльныя семейства пользуются здѣсь правомъ гостепріимства; ихъ принимаютъ въ племя и даютъ для обработки землю. Такимъ образомъ опять-таки происходитъ смѣшеніе крови разныхъ племенъ. Но съ другой стороны сплоченныя ранѣе племена-изъ за раздоровъ раздѣляются на отдѣльныя партіи.

По своимъ качествамъ афганцы могли бы великолѣпно устроиться у себя дома и оградить страну отъ иноплеменнаго вмѣшательства, но ихъ выносливость, храбрость и воинственность направлены не къ огражденію страны, а къ внутреннимъ между-

собицамъ, на которыя затрачиваются всѣ наличныя силы населенія. Стремленіе къ независимости отдѣльныхъ племенъ создало здѣсь анархію, хотя собственно раздѣленію населенія на отдѣльныя, не уживающіяся другъ съ другомъ, племена способствуетъ и сама природа страны, слишкомъ разнообразная здѣсь и создающая крайне неодинаковыя условія жизни.

Дурани преимущественно заняты скотоводствомъ, почему образъ жизни ихъ кочевой. Они имѣютъ обыкновенно двѣ стоянки: зимнюю—кишлакъ, находящуюся въ равнинахъ, и лѣтнюю—айлакъ, расположенную въ горахъ, куда они перебираются вмѣстѣ со своими стадами. Въ виду того, что изъ этого племени происходитъ царствующая династія, дурани менѣе другихъ афганскихъ племенъ проникнуты республиканскими идеями.

По преданію племя гильзаевъ, появившееся здѣсь въ X вѣкѣ, исповѣдывало когда-то христіанскую религію (теперь оно поголовно исповѣдуетъ исламъ). Это—самое красивое племя Афганистана, отличающееся очень правильными чертами лица. Они статны, сильны, храбры. Когда-то они были самымъ могущественнымъ племенемъ страны. Въ XVIII столѣтіи они покорили Персію, но покореніе это истощило силы побѣдителей, и гильзай вынуждены были уступить свое первенство дурани. Республиканскій духъ у нихъ гораздо болѣе развитъ, чѣмъ у дурани; у нихъ каждый кланъ управляется совершенно самостоятельно и не вмѣшивается въ дѣла другого клана. Гостепріимство гильзаевъ доходитъ

до того, что у нихъ существуютъ особыя должностныя лица—экзенъ, которыя обязаны принимать чужестранцевъ. Главное занятіе—скотоводство.

Племена, населяющія сѣверо-востокъ страны въ районѣ Кабула, называются общимъ именемъ бердурани; изъ нихъ наибольшую группу представляютъ юзуфзаи. Это одно изъ самыхъ буйныхъ племенъ. Помимо постоянныхъ набѣговъ, которые они совершали на Индію, они и между собой никогда не уживались въ мирѣ, и внутренніе раздоры—здѣсь дѣло обычное. Интересно у нихъ общинное землевладѣніе. Земля принадлежитъ всему клану и черезъ извѣстные промежутки времени передѣляется по жребію. Недовольный доставшимся участкомъ и поднявшій изъ-за этого споръ изгоняется изъ племени, при чемъ его земля, жена и дѣти конфискуются. Племя это держитъ для обработки земли невольниковъ, называемыхъ здѣсь „факирами“, которыхъ иногда, за извѣстный оброкъ, отпускаетъ для производства за свой страхъ мелочной торговли.

Кафиристанъ.

На сѣверо-востокѣ Афганистана находится Кафиристанъ,—страна, сохранившая свою независимость главнымъ образомъ благодаря ея естественному положенію. Это—цѣлый рядъ дикихъ, неприступныхъ горъ, почти еще не изслѣдованныхъ. Насе-

леніе страны также дико, и это въ свою очередь препятствовало обслѣдованію и изученію страны. Населяютъ ее преимущественно кафиры, подраздѣляющіеся на нѣсколько родовъ.

У кафировъ существуетъ обычай добывать себѣ жену внѣ своего племени, такъ какъ всѣ дѣвушки собственнаго племени у нихъ считаются за сестеръ. Этотъ обычай порождаетъ всегда много вооруженныхъ столкновеній съ сосѣдями, которые въ свою очередь не прочь похитить дѣвицъ изъ кафирянокъ. Кафиры относятся съ презрѣніемъ къ женщинамъ; онѣ у нихъ выполняютъ всѣ черныя и болѣе тяжелыя работы и даже пахутъ землю при посредствѣ особыхъ лямокъ. Эта тяжелая работа сильно изнуряетъ женскую половину кафиристанскаго населенія, и онѣ, очень красивыя въ ранней молодости, крайне быстро старятся. Кафиры вообще очень красивы, хотя наиболѣе воинственныя племена ихъ исказили свои отъ природы мягкія, интеллигентныя черты лица выраженіемъ непередаваемой злобы.

Кафировъ, въ Афганистанѣ называютъ „невѣрными“, — идолопоклонники; боги у нихъ приготавливаются изъ камня, дерева, при чемъ имъ придается видъ животныхъ. Огонь также почитается и его оберегаютъ отъ „нечистаго дыханія“. Изъ страха навлечь бѣду на страну кафиры не убиваютъ змѣй.

Главнымъ занятіемъ населенія являются земледѣліе и скотоводство. Тутъ сѣютъ пшеницу, ячмень, чечевицу, сахарный тростникъ, хлопокъ, табакъ,

культивируютъ и финиковую пальму. На югѣ урожай снимается два раза. Изъ отраслей скотоводства первое мѣсто занимаетъ овцеводство; много здѣсь и коровъ, молоко которыхъ играетъ большую роль въ питаніи населенія. Есть хорошія лошади. Разводятъ и верблюдовъ—одногогорбыхъ и двугорбыхъ.

Промышленность слаба. Важное значеніе имѣетъ шелководство, а также шерстобитное производство.

Вывозятся въ Индію шерсть, лошади, шелкъ, плоды, шкуры, шерстяныя матеріи; получаютъ отсюда хлопчатобумажные товары, шелковые, сахаръ, чай, индиго, золотое и серебряное шитье.

Торговля носитъ мѣнливой характеръ.

Постройки по большей части возводятся изъ кирпича въ одинъ этажъ. Кочевники живутъ въ шатрахъ съ войлочнымъ поломъ и суконными боками.

Минеральныя богатства края значительны. По берегамъ Кабула попадаетъ золото, есть оно и близъ Кандагара и на сѣверо-востокѣ. Есть мѣсто-нахожденія серебра, мѣди, киновари, свинца, сурьмы, цинка, желѣза, каменнаго угля, каменной соли. Бадахшанъ славится рубинами.

Белуджистанъ.

Белуджистанъ на югѣ примыкаетъ къ Индійскому океану, на востокѣ онъ граничитъ съ британской Индіей (Пенджабомъ и Синдомъ), на сѣверѣ—съ Афганистаномъ и на западѣ—съ Персіей.

Береговая линія мало развита. Изъ немногихъ рейдовъ лучшая бухта—Сонміани съ городомъ Гвадаръ.

У сѣверо-восточной границы находятся горы Сулейманскія, отъ которыхъ къ востоку идутъ Киртаръ и Хала вплоть до моря, гдѣ оканчиваются мысомъ Муварикъ. На сѣверѣ — хребты Такари, Курлеки и Нирвиштъ, къ которымъ прилегають Белуджистанское плоскогорье. Тутъ же тянутся съ сѣвера на западъ горныя цѣпи Кухъ-и-Сабсъ, Кухъ-Сурафъ, Паштъ-и-Кухъ. Изъ Персіи тянется Саррадское плоскогорье съ пустынями Сеистанъ и Харанъ.

Крупныхъ рѣкъ и озеръ нѣтъ, но въ дождливое время съ горъ течеть масса воды: Главная рѣка Даштъ, отъ которой идутъ многочисленные оросительные каналы. На западѣ ощущается недостатокъ воды.

Климатъ на плоскогорьяхъ суровый: зимой — сильно холодно, лѣтомъ — нестерпимая жара; въ пустыняхъ царить юлохъ — губительный вѣтеръ.

Площадь Белуджистана = 315000 квадратныхъ километровъ.

Населеніе Белуджистана, или, какъ его называютъ по имени главнаго города — Келата, очень смѣшанное. Въ гористой части страны живутъ преимущественно племена индійскаго, особенно же бравидскаго происхожденія, а на равнинѣ — племена иранскія. Главными представителями первыхъ являются брагуи, послѣднихъ — белуджи. Царствующая династія происходитъ изъ рода брагуи. Количество населенія неизвѣстно, и даже свѣдѣнія, даваемыя

авторитетными источниками крайне, неточны: по однимъ населеніе Белуджистана=400000, по другимъ доходить до 2 милліоновъ.

Брагуи, повидимому, ранѣе переселились въ Белуджистанъ и перешли сюда съ запада. Обѣ націи исповѣдуютъ исламъ, но не грѣшатъ излишней строгостью въ дѣлѣ выполненія требованій корана. Брагуи придерживаются суннитскаго толка, белуджи—шіитскаго. Правящимъ классомъ считаются брагуи.

Брагуи—исконные кочевники. Они со своими стадами и семействами перекочевываютъ съ низменностей въ горы и обратно въ зависимости отъ времени года. Только очень незначительное число ихъ ведетъ осѣдлый образъ жизни и заняты земледѣліемъ. Брагуи, какъ белуджи, распадаются на отдѣльные кланы, которые здѣсь называются „кель“. Каждый таборъ или „туманъ“ руководится начальникомъ его—„тумандоромъ“.

Говорятъ они на языкѣ, похожемъ на языкъ гондовъ, живущихъ въ Индіи. Лицо ихъ круглѣе, чѣмъ у белуджей, и болѣе плоское, кожа смуглѣе, сложеніе короче и шире. Это племя такъ же гостепріимно, какъ и белуджи, но менѣе жестоко и мстительно, добрѣе, чѣмъ белуджи, не такъ алчны. Женщина у нихъ пользуется большимъ уваженіемъ. Женихъ и невѣста сами избираютъ другъ друга, при чемъ обѣщаніе брака, данное семьями, считается нерушимымъ, и въ случаѣ смерти жениха его долженъ замѣнить младшій братъ.

Белуджи тоже дѣлятся на кейли, во главѣ ко-

торыхъ стоятъ сирдары. Белуджи говорятъ на персидскомъ языкѣ. Занимаются скотоводствомъ, но не прочь, какъ впрочемъ и всѣ другія келатскія племена, и поразбойничать, при чемъ ареной ихъ дѣятельности по большей части являются горныя дороги, по которымъ идутъ товарные караваны изъ западныхъ государствъ въ Индію. Белуджи смуглы, имѣютъ продолговатое смуглое лицо, пронизательный взглядъ, густую растительность на головѣ и лицѣ. Они худощавы, но красиво сложены, мускулисты, подвижны и очень ловки. Несмотря на дикій, отчасти разбойничій нравъ, откуда къ населенію привилась нѣкоторая хитрость, мстительность и кровожадность, белуджи, какъ и другія мѣстныя племена, сумѣли соединить съ этими отрицательными качествами характера и много положительныхъ чертъ: такъ они очень гостепріимны, открыты и крѣпки на словѣ. Женщины у нихъ въ подчиненномъ положеніи; женихъ до свадьбы не имѣетъ права даже видѣть своей невѣсты, и бракъ затѣвается безъ участія заинтересованныхъ сторонъ ихъ родителями.

Представителями чистѣйшаго кочевого населенія Белуджистана являются лури, ничѣмъ не отличающіеся отъ нашихъ европейскихъ цыганъ. Они изображаютъ кочующихъ музыкантовъ, водятъ дрессированныхъ медвѣдей. Каждый таборъ у нихъ управляется королемъ. Въ таборѣ же непремѣннымъ членомъ его является гадалщикъ, предсказывающій судьбу обращающихся къ нему по фигурамъ, принимаемымъ пескомъ на встрях-

путой пластинкѣ. Воровство составляетъ у нихъ тоже одно изъ занятій.

Кромѣ этихъ трехъ главныхъ представителей белуджистанскаго населенія, здѣсь живутъ джаты, говорящіе на особомъ нарѣчій и занимающіеся земледѣліемъ, и, наконецъ, девори или даханы, представляющіе нисшее сословіе страны; это собственно — таджики. Они очень трудолюбивы, скромны. Племя это сохраняется прочнѣе другихъ, такъ какъ браки между нимъ и правящими племенами воспрещены.

Есть тутъ еще и другія менѣе численныя и менѣе значительныя племена.

Жилища белуджистанцевъ довольно разнообразны, въ зависимости отъ условій образа жизни и климата: они живутъ и въ войлочныхъ юртахъ, и въ деревянныхъ хижинахъ, и въ землянкахъ.

Келатъ—столица Белуджистана и резиденція хана—является самымъ населеннымъ городомъ въ ханствѣ. Городъ построенъ на самомъ краю скалистыхъ горъ и вполне доступенъ сѣвернымъ вѣтрамъ, почему зима здѣсь суровая и болѣе снѣжная чѣмъ въ другихъ мѣстахъ страны. Городъ этотъ даже изъ азіатскихъ городовъ выдѣляется своей грязью; онъ весь въ развалинахъ, и внѣшній видъ его скрашивается только хорошими садами.

Отдѣльнымъ и самостоятельнымъ государствомъ Белуджистанъ сталъ только съ 1739 года, когда персидскій шахъ Надиръ-Шахъ утвердилъ въ званіи хана соединенныхъ белуджистанскихъ вла-

дѣній одного изъ предводителей племенъ, обитавшихъ здѣсь,—Насиръ-Хана.

Но самостоятельность и цѣльность новаго государства продолжались недолго. Прежде всего изъ шести провинцій, объединившихся и ставшихъ подъ начало одного правителя,—Качи, Гундавы, Джалавана, Келата, Белы и Мекрана,—двѣ послѣднія отдѣлились. Бела провозгласила себя самостоятельнымъ государствомъ, а Мекранъ перешелъ въ подданство Персiи, оставивъ впрочемъ за собой самостоятельное управленіе.

Затѣмъ, по договору съ индiйскимъ правительствомъ 14 мая 1854 года, Англія за деньги получила право во всякое время, по своему усмотрѣнію, посылать въ страну свои войска. Этимъ правомъ Англія пользуется очень широко. Такъ лучший по своему плодородію участокъ Качи—Гандава давно уже занятъ квартирами англійскихъ войскъ; крѣпость Квета тоже занята ими. А въ 1877 году былъ заключенъ договоръ, по которому Белуджистанъ признается вассальнымъ государствомъ Англіи, и въ Келатѣ теперь живетъ англійскій резидентъ, который отъ имени индiйскаго вице-короля „совѣтуетъ“ тѣ или другія мѣропріятія. Этимъ договоромъ окончательно отнята власть у безсильнаго келатскаго хана, котораго и безъ того не сильно боялось вольнолюбивое населеніе, такъ какъ 1000-ю войска дѣйствительно трудно держать въ повиновеніи бурныхъ подданныхъ. Впрочемъ во время войнъ все населеніе проникалось вѣрноподданническими чувствами къ

своему главѣ, и власть его тогда, какъ военачальника, бывала дѣйствительно сильна.

Задача англичанъ здѣсь сводится къ тому, чтобы зорко слѣдить за афганскою границей и за дорогой, ведущей изъ Ширкарпура въ Кандагаръ, для чего ими и построена и укрѣплена крѣпость Квета. Самъ этотъ городъ довольно сильно заселенъ для Белуджистана, — онъ имѣетъ болѣе 1000 домовъ; по своимъ климатическимъ условіямъ онъ благопріятенъ для жизни.

Въ виду того, что южной своей частью Белуджистанъ упирается въ Персидскій заливъ, устройство берега для него играетъ немаловажную роль какъ въ торговомъ, такъ и въ стратегическомъ отношеніи. Значительныхъ портовъ здѣсь два — Сенміони и Курачи. Портъ Сенміони въ прежнее время обслуживалъ весь восточный Белуджистанъ. Портъ этотъ не имѣетъ естественнаго прикрытія, заграждающаго стоящіе тамъ корабли. Кромѣ того здѣсь отсутствуетъ годная для питья вода, которую приходится добывать, разрывая песокъ выше уровня прилива воды изъ залива.

Другой портъ, Курачи, представляетъ больше удобствъ, и онъ соединенъ съ Келатомъ желѣзною дорогой, идущей отъ Инда.

П а м и р ъ.

Памиръ представляетъ изъ себя систему высокихъ, покрытыхъ снѣгомъ горъ, возвышающихся надъ уровнемъ моря до $6\frac{1}{2}$ тысячъ метровъ. Памиръ даетъ начало рѣкамъ Аму-Дарьѣ и Тариму. Площадь его = 140000 кв. километровъ.

Климатъ Памира крайне суровъ. Зимой здѣсь царятъ стужи со снѣжными вьюгами, а лѣтомъ — жара съ пыльными вѣтрами. Сущестующая здѣсь на высотѣ 3700 метровъ метеорологическая станція отмѣчаетъ среднюю годовичную температуру въ $-1,3^{\circ}$; максимумъ ея $+27,3^{\circ}$ и минимумъ $-46,7^{\circ}$. Суточные колебанія температуры крайне рѣзки.

Памиръ въ политическихъ своихъ границахъ раздѣленъ такимъ образомъ: Россіи принадлежитъ большая часть Памира; съ Китаемъ его разграничиваетъ линія главнаго водораздѣла системы таримскаго бассейна; на югѣ склоны Гиндукуша, долина Малаго Памира съ частью верховья Акъ-Су и большая часть Ваханскаго хребта причислены къ Афганистану, и границу съ Россіей здѣсь составляютъ: отъ озера Заръ-Куль вдоль рѣки Памира и Аму-Дарьи. Здѣсь между русскими и англійскими владѣніями образовалась нейтральная афганская полоса. Западная часть Памира, т.-е. области Дарвазъ, Рашанъ и Шугнанъ, передана Россіей въ бухарское управленіе.

Древесныя породы на Памирѣ почти отсутствуютъ, и только изрѣдка попадаются кустарники. Трава

степного характера тоже не вездѣ попадаетъ и много площадей, покрытыхъ только камнемъ. Опыты культивированія хлѣбныхъ злаковъ не дали положительныхъ результатовъ, кромѣ западныхъ долинъ, гдѣ условія болѣе благопріятныя — здѣсь попадаютъ березы, тополя, можжевельникъ, и могутъ произрастать хлѣбныя растенія.

Животный міръ здѣсь представленъ медвѣдями, лисицами, барсами, волками и горными баранами.

Населеніе Памира не постоянно по временамъ года: въ суровыя зимы тутъ остаются лишь каракиргизы и таджики, лѣтомъ же сюда приходятъ со своимъ скотомъ кочевники.

Лучшимъ путемъ черезъ Памиръ считается съ сѣвера на югъ, изъ Ферганы къ Гиндукушу. Важнѣйшая дорога ведетъ изъ г. Оша черезъ перевалъ Кизыль-Артъ къ озеру Кара-Куль, подымается по рѣкѣ Мусъ-Калу къ перевалу Байтала и спускается къ Памирскому посту на Мургабѣ. Отсюда идутъ нѣсколько путей: одинъ — черезъ перевалы Бердышъ или Найта-Ташъ къ Ташъ-Кургану въ Кашгарію; другіе — черезъ перевалы Бендерскій или Уртабель въ долину Малаго Памира и черезъ перевалы Вахджиръ, Комесъ, Іонова или Барагиль въ Индію.

Г. Свенъ-Гединъ такъ описываетъ свое путешествіе по Памиру:

„Медленно двигался караванъ по сугробамъ, которые, казалось, становилось все глубже. Лошади съ трудомъ брели по снѣгу, а людямъ приходилось глядѣть въ оба за вьюками, которые часто сползали. Въ особенно тяжелыхъ для перехода мѣстахъ раз-

давались характерныя покрикиванія проводниковъ „Имамъ, Адамъ, бисмиллахъ!“ или попросту: „Гайда!“

Климать здѣсь имѣеть свои особенности. Съ одной стороны солнце такъ и палить вамъ лицо, а другая сторона лица, находящаяся въ тѣни, почти мерзнетъ. Въ тихую погоду, при ясномъ небѣ, въ полдень становится такъ жарко, что сбрасываешь съ себя бараній тулупъ. Но достаточно облачка или тѣни отъ горы, которыя бы загорали солнце,—и васъ насквозь прохватитъ холодомъ. Кожа на лицѣ лупится, сходитъ нѣсколько разъ, а потомъ становится сухой, жесткой, какъ пергаментъ, и бронзоваго цвѣта, какъ у индуса.

Навьюченные лошади шли слишкомъ тихо, и намъ оставалось еще тащиться такимъ образомъ часа два до стоянки. Это было ничто иное, какъ маленькая землянка съ крышей, подпертой кольями; посреди пола—четыреугольное возвышеніе, служащее мѣстомъ отдыха для путешественниковъ. Мы немедленно заснули и проснулись, когда съ шумомъ и гамомъ подошелъ караванъ. Тутъ мы напились чаю и отлично поужинали.

По пути въ Баръ-даба мы видѣли слѣды восьми волковъ, бѣжавшихъ вразсыпную по направленію отъ Алайскаго хребта. Дальше, на спускъ между холмами, слѣды соединились; тутъ было мало дорогъ и выбирать было не изъ чего. Киргизы сказали, что здѣсь проходитъ старая извѣстная волчья тропа. Когда на зарѣ люди встали посмотреть лошадей, то видѣли семь волковъ, рысцой направлявшихся къ Кызылъ-Арту. Въ этихъ об-

ластяхъ волки встрѣчаются очень часто. Лѣтомъ они держатся обыкновенно въ долинѣ Алая и таскають у киргизовъ барановъ. Кроважадны они невѣроятно и если нападаютъ на стадо безъ па-стуха, то перерѣжутъ всѣхъ барановъ.

Когда въ долинѣ Алая выпадетъ глубокій зимній снѣгъ, волки уходятъ на Памиръ и бродятъ по берегамъ Кара-Куля, гдѣ живутъ главнымъ образомъ охотой на великолѣпныхъ архаровъ (горные бараны), киковъ (дикія козы) и зайцевъ. За архарами волки охотятся съ большими хитростями, устраивая на нихъ настоящія облавы. Обыкновенно хищники отбиваютъ отъ стада одного или нѣсколькихъ изъ этихъ быстроногихъ животныхъ, которыя затѣмъ загоняются разставленными по пути волками-загонщиками или въ какой-нибудь тупикъ въ ущельѣ, или на круто обрывающуюся скалу, гдѣ преслѣдователи и окружаютъ ихъ. Не умѣя карабкаться на высокіе уступы, волки терпѣливо ждутъ, пока тонкія ноги архара онѣмѣютъ отъ усталости и бѣдняга скатится прямо въ когти голодныхъ хищниковъ. По словамъ киргизовъ, встрѣча съ парюю волковъ представляетъ для одинокаго путника серьезную опасность. Въ подтвержденіе своихъ словъ киргизы рассказываютъ много ужасныхъ исторій о волкахъ.

Утромъ всѣ киргизы пали на колѣни въ снѣгъ, вознося Аллаху мольбы о счастливомъ перевалѣ черезъ опасный Кызыль-Артъ, гдѣ часто разражаются внезапныя гибельныя бураны.

Подъемъ на перевалъ становится понемногу

круче, а снѣгъ глубже. Но мы счастливо достигли гребня (4271 м.), гдѣ дулъ ледяной сѣверный вѣтеръ, пронизывавшій насъ до костей сквозь тулупы и валенки. На самомъ перевалѣ возвышается курганъ—могила святого Кызыль-Арта, представляющая кучу камней, украшенную шестами, на которыхъ навѣшаны разныя тряпки, лохмотья и рога антилопъ—дары благочестивыхъ киргизовъ. Около кургана киргизы опять упали на колѣни и возблагодарили Аллаха за благополучный перевалъ.

Къ югу отъ Кызыль-Арта ландшафтъ пріобрѣтаетъ совсѣмъ иной характеръ. Снѣгу становится мало, почва на большихъ протяженіяхъ обнажена отъ него и покрыта щебнемъ и пескомъ; формы горъ становятся болѣе округленными, относительныя высоты уменьшаются и гребни горъ отдѣляются другъ отъ друга широкими, отлогими и корытообразными долинами. Площадь Кара-Куля равняется 30—40 кв. верстамъ. Соленое озеро это окружено значительными горными хребтами, которые, впрочемъ, на сѣверѣ, на востокъ и юго-востокъ отступаютъ отъ озера и отдѣляются отъ него равниной въ нѣсколько верстъ ширины. Киргизы назвали его Чернымъ (Кара) озеромъ (куль), потому что воды его лѣтомъ кажутся черными въ сравненіи съ окружающими горами, нерѣдко покрытыми снѣгомъ даже въ это время года.

Въ сумерки вышли на берегъ глубоко вдающейся въ островъ бухты. По этому острову, гдѣ не было ни дорогъ, ни тропинокъ и гдѣ, по словамъ киргизовъ, до сихъ поръ не бывало ноги

человѣческой, мы ѣхали съ часъ, пока нашли удобное мѣсто для стоянки. Здѣсь разбили небольшую войлочную палатку, передъ входомъ развели огонь и, поужинавъ, провели среди Кара-Куля, на высотѣ почти 4000 метровъ (метръ=1,4 аршина) надъ уровнемъ моря, холодную (-29°) и дождливую ночь. Окоченѣлые, промокшіе и вялые выступили мы на другой день раннимъ утромъ и направились къ западу отъ острова. Когда мы прошли выступающую въ озеро косу, передъ нами открылся чудесный видъ на южную бухту Кара-Куля. Фонъ образовывали мощныя, одѣтыя въ снѣгъ горы; на западъ къ озеру спускались горные скаты; на восточномъ берегу, къ подошвѣ горъ шель ровный подъемъ.

Около пяти часовъ ѣхали мы по льду черезъ бухту. Луна освѣщала пустынный ландшафтъ, гдѣ не было и признака жизни, не слышно было отзвука.

На ночевкѣ киргизы ложатся, скорчившись на колѣна, уткнувшись лбомъ въ подушку и поставивъ каблуки вѣтру. При другой позѣ вѣтеръ пронизываетъ насквозь (палатка г. Краснова увезена была впередъ, и онъ ея не нагналъ, такъ что пришлось ночевать подъ открытымъ небомъ).

Взявъ съ собой все нужное на два дня, десять яковъ и шестерыхъ киргизовъ, я 16 августа 1894 г. въ четвертый разъ попытался взойти на Мустагъ-Ату по тому же склону, по которому мы безуспѣшно пытались подняться раньше.

Достигнувъ снѣговой линіи, мы отправились по

старымъ нашимъ слѣдамъ, служившимъ намъ нѣ-
которой гарантіей противъ несчастныхъ случаевъ.
Тропу было ясно видно. Она шла зигзагами круто
вверхъ по краю правой стѣны ледниковаго ущелья.
Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и тропа оказалась заме-
тенной, но различить ее все-таки было можно.

Мы рѣшили переночевать здѣсь. Яковъ привя-
зали къ сланцевымъ глыбамъ и расчистили мѣсто
отъ снѣга и щебня для юрты. Вечеромъ въ тече-
ніе часа дулъ слабый вѣтеръ, время отъ времени
обдававшій юрту облаками крутящейся снѣжной
пыли, набивавшейся во всѣ щели и отверстія на-
шего убѣжища. Киргизы поэтому обнесли юрту
валомъ изъ снѣга. Сначала мы чувствовали себя
хорошо; мы развели большой огонь, который со-
грѣлъ насъ, и наши застывшіе члены отопли. Зато
юрта, у которой не было вверху отверстія, наполни-
лась удушливымъ дымомъ, который ѣлъ глаза и
медленно выходилъ въ открытое входное отверстіе.
Снѣгъ на полу въ юртѣ растаялъ, но, когда костеръ
погасъ, все покрылось ледяной корою. Киргизы на-
чали жаловаться на головную боль, и двое стали
проситься назадъ. Въ ушахъ сильно звенѣло, ощу-
щалась глухота, пульсъ ускоренъ, температура тѣла
понижена, бессонница полная, приступы одышки.
Киргизы стонали всю ночь. Тулупы казались страшно
тяжелыми, дышать въ лежащемъ положеніи стано-
вилось затруднительнымъ, сердце билось неровными
сильными толчками. На чай и хлѣбъ охотниковъ
не нашлось, и, когда насъ сразу охватилъ мракъ
ночи, въ киргизахъ стало замѣтно глухое недоу-

вольствіе. Высота была 20000 футовъ, т.-е. въ 21 разъ больше высоты Эйфелевой башни.

Болѣе величественнаго мѣста стоянки у меня никогда не было. Мы находились на покрытомъ снѣгомъ склонѣ одной изъ высочайшихъ горъ въ свѣтѣ, у подножія которой лежали окутанные покрываломъ ночи ледниковые мысы, ручьи, озера, и вмѣстѣ съ тѣмъ на порогѣ одного изъ самыхъ фантастическихъ ледяныхъ царствъ.

Я ожидалъ живописнаго заката солнца, но онъ не представлялъ ничего особеннаго. Солнце сѣло въ облакахъ, озаренныхъ оранжевымъ сіяніемъ, которое горѣло и долго спустя послѣ захода солнца; на этомъ фонѣ горы Памира рисовались рѣзкими, темными тѣнями. Вся долина Сары-Калъ давно лежала окутанная тѣнями, когда солнце еще обливало прощальными лучами вершину Мустагъ-Аты. Скоро и нашъ лагерь погрузился въ темноту; вершина горы еще горѣла съ минуту, словно огненный корпусъ вулкана, затѣмъ померкла и она. Луна сіяла здѣсь такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, что съ трудомъ можно было глядѣть на нее. Время отъ времени слышался глухой выстрѣлъ трескавшегося льда или грохотъ, оторвавшейся отъ края ледяного покрова глыбы. Луна лила серебряный свѣтъ на нашъ лагерь и производила чисто фантастическій эффектъ. Черные силуэты яковъ съ понуренными головами рѣзко выдѣлялись на бѣломъ снѣгу, неподвижные и молчаливые, какъ тѣ камни, къ которымъ они были привязаны; время отъ времени слышался только лязгъ ихъ челюстей или

хрустѣніе снѣга подъ ихъ копытами. Трое киргизовъ, которымъ не хватило мѣста въ юртѣ, развели себѣ огонь между большими глыбами, а когда онъ погасъ — завернулись въ тулупы и прикурнули вокругъ, подогнувъ колѣна и уткнувъ голову въ снѣгъ, напоминая летучихъ мышей въ зимнее время.

Несмотря на яркій лунный свѣтъ, ориентироваться и различить мѣста въ долину Сары-Калъ было не легко. Съ трудомъ разглядѣлъ я орошенные ледниковыми ручьями луга и слабо очерченные контуры озера Малаго Кара-Куля. Все остальное, вплоть до вершинъ горъ Памира сливалось въ общій хаосъ, въ которомъ нельзя было различить ничего.

Самая красивая картина рисовалась въ той сторонѣ, откуда свѣтила луна. Никакое перо или кисть не въ состояніи изобразить этой волшебной картины. Самый рельефъ окружающей мѣстности дѣлаетъ ее своего рода архитектурнымъ шедевромъ. Здѣсь тянется ущемленный между покрытыми снѣгомъ и льдомъ скалами голубоватый ледникъ, тамъ вздымается къ небу пятиглавый великанъ-гора. Скалистыя стѣны прямо передъ нами окутаны такимъ мракомъ, что съ трудомъ можно различить, гдѣ кончается свѣтлый ледяной покровъ, одѣвший ея вершину, и гдѣ выступаютъ черныя скалы.

Налѣво, на нѣсколько сотъ метровъ выше нашего лагеря, купается въ лунномъ свѣтѣ кольцо ледника. По его темному гребню на юго-востокъ протекаютъ окутанныя въ бѣлую дымку горныя рѣчки. Легкія облака, гонимыя слабымъ южнымъ вѣтромъ,

группируются около луны кольцами, отливающими цвѣтами радуги, вѣнцами и другими, быстро смѣняющимися другъ друга фигурами.

Кругомъ тишина, эхо не откликнется между скалистыми стѣнами по ту сторону. Странное ощущение овладѣваетъ душою. Какъ-то трудно усвоить себѣ, что подъ твоими ногами лежатъ четыре части свѣта. Здѣсь было преддверіе безмолвнаго, холоднаго, безграничнаго міроваго воздушнаго океана.

* * *

Холодъ становился все чувствительнѣе, и юго-западный вѣтеръ все усиливался. Никто глазъ не сомкнулъ за всю ночь. Только подъ утро я какъ будто впалъ въ дремоту, но то и дѣло пробуждался отъ недостатка воздуха и дѣлалъ судорожныя дыханія. Люди стонали, точно на ложѣ пытки, и не столько отъ холода, сколько отъ все усиливавшейся головной боли. Наконецъ, взошло солнце, но юго-западный вѣтеръ перешелъ почти въ ураганъ и взвивалъ густыя облака мелкаго снѣга. Всѣ были больны, унылы, никто не говорилъ, не ѣлъ“.

Гималайскія горы.

Гималайскія горы, высочайшія въ мірѣ, служатъ естественной границей между Средней Азіей и Индіей. Высоко подымаясь надъ уровнемъ моря, онѣ съ одной стороны защищаютъ полуостровъ отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, а съ другой—за-

держиваютъ пропитанный испареніями Индійскаго океана южный воздухъ, а вмѣстѣ съ нимъ и влагу, которая благотворно дѣйствуетъ на растительность полуострова.

Дѣля собой на противоположныя по характеру части прилегающія земли, Гималайскія горы и сами по себѣ представляютъ калейдоскопъ разнообразнѣйшихъ картинъ царящей здѣсь природы.

Сѣверные склоны горъ сухи, холодны, покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, льдами и глетчерами. Вершины эти доступны для прохода только привыкшимъ смѣльчакамъ да горнымъ животнымъ.

Если спускаться съ вершинъ горъ къ южнымъ скатамъ, путникъ прежде всего вступаетъ въ область хвойныхъ лѣсовъ; затѣмъ наступаетъ полоса вѣчно зеленыхъ дубовъ и каштановъ, даже съ подъемомъ средней температуры настаютъ уже чисто тропическая флора: пальмы, бамбуки, панданусы.

Гималайскій хребетъ низинами раздѣляется на два пояса предгорій, отдѣленныхъ отъ снѣгового хребта и носящихъ названія Малыхъ Гималаевъ и Подгималаевъ. М. Гималаи превышаютъ три версты и бывають покрыты снѣгомъ, Подгималаи не превышаютъ версты. По словамъ г. Краснова,— „для наблюдателя, стоящаго на равнинѣ Ганга, Гималаи представляются одной громадной стѣной снѣговыхъ вершинъ, доступъ къ которымъ прегражденъ во многихъ мѣстахъ рѣчными долинами и двойнымъ барьеромъ изъ менѣе высокихъ горъ Малыхъ Гималаевъ и Подгималайскихъ. Часто,

стоя въ области холмистыхъ предгималайскихъ уваловъ, вы видите предъ собою закутанныя вершины темныхъ и мрачныхъ цѣпей Малыхъ Гималаевъ. Вамъ кажется, что это и есть та величественная горная цѣпь, которая служила оплотомъ индійскимъ народамъ противъ нашествій центрально-азіатскихъ варваровъ. Но когда вдругъ порывы вѣтра разгоняютъ висящія надъ нею облака, передъ глазами развертывается картина подавляющей грандіозности. То, что вы принимаете за грозныя тучи, оказывается закутаннымъ ими невѣроятной высоты горнымъ хребтомъ съ вершинами, тонушими въ снѣгахъ, съ голыми скалами и темной зоной хвойныхъ лѣсовъ.

Вы не въ ущельѣ,—продолжаетъ писатель,—вы въ открытой мѣстности, далеко отъ подножія хребта. И, несмотря на это, шапка валится съ головы, когда вы видите эту увѣнчанную снѣгами каменную стѣну, передъ которой ея аванпостъ,—подобный Кавказу темный хребетъ, величію котораго вы только что удивлялись,—кажется мизерными холмами. Вы стоите подъ сѣнью стройныхъ пальмъ въ жаркой мѣстности, среди цвѣтовъ и тропическихъ деревьевъ, и кроны пышныхъ вай у васъ рисуются на фонѣ снѣжныхъ полей, обрамленныхъ облаками, витающими около пиковъ, которые заслоняютъ добрую треть чудно-голубого индійскаго небосклона. Подобно Альпамъ съ долины По, за многія сотни верстъ виднѣется, къ сожалѣнію часто совершенно утопающій въ облакахъ, великій горный хребетъ.

Въ восточныхъ частяхъ главный хребетъ Гималаевъ—
средняя азія и индія.

лаевъ обыкновенно уже не виденъ съ равнины: высокіе М. Гималаи его закрываютъ своими, выше четырехъ верстъ вздымающимися вершинами.

Вы можете, поднявшись на горы до девяти тысячъ футовъ, видѣть всю равнину Индіи подъ вашими ногами, какъ громадную географическую карту, развернутую руками Творца, съ серебряными струйками рѣкъ, зелеными пажитями и бурными выгорѣвшими пустырями, пятнами лѣсовъ и едва замѣтными точками—человѣческими поселеніями. Вы выше облаковъ; они плаваютъ внизу, подъ вашими ногами, въ голубой атмосферѣ неба, задерживающей бrenную землю неопредѣленной, дрожащей дымкой“.

Теплый климатъ горъ позволяетъ здѣсь устраиваться поселкамъ; сюда проложена желѣзная дорога, и путникъ можетъ найти тутъ европейскій комфортъ.

Салигури — послѣдняя станція, гдѣ кончается желѣзнодорожная вѣтвь, соединяющая восточныя Гималаи съ Калькуттой. Начиная отсюда, вверхъ, до высоты семи тысячъ футовъ, ведетъ желѣзная дорога, представляющая чудо инженернаго искусства. По крутымъ гималайскимъ склонамъ пара сильныхъ локомотивовъ везетъ васъ безъ всякихъ особенныхъ приспособленій. Правда, эти спереди и сзади поѣзда прицѣпленные локомотивчики представляютъ своего рода Геркулесовъ, для которыхъ маленькіе пассажирскіе и товарные вагончики поѣзда не представляютъ затрудненій. Зигзагами идущая по склонамъ дорога имѣетъ гро-

мадные уклоны и, многократно возвращаясь почти къ тому же самому мѣсту, образуетъ вензеля, пересѣкаетъ свой путь. По временамъ поѣздъ даетъ задній ходъ, чтобы потомъ подъ меньшимъ угломъ съ большей силой вскарабкаться на кручу. Словомъ, это—въ полномъ смыслѣ слова карабканье поѣзда на гору. По мѣрѣ того, какъ поѣздъ взбирается все выше и выше, подъ вашими ногами постепенно развертываются все большіе и большіе горизонты индійской равнины. Вы спокойно сидите въ вагонѣ и любуетесь дивной панорамой. Эта панорама вставлена въ рамки одной изъ самыхъ пышныхъ тропическихъ флоръ. Начиная съ Салигури, поѣздъ покидаетъ населенныя мѣста. Онъ вступаетъ въ область нетронутыхъ человѣкомъ дѣвственныхъ лѣсовъ, среди которыхъ единственными оазисами являются желѣзнодорожныя станціи. При томъ лѣса эти неодинаковы. Оставаясь пышнымъ тропическимъ джунглемъ, они тѣмъ не менѣе измѣняютъ характеръ свой съ высотой, и потому взору ѣдущаго никогда не надоедаютъ картины этой буйной зелени.

Характеръ болотистаго джунгля тотчасъ пропадаетъ, какъ только мы начнемъ подниматься на первыя предгорія. Здѣсь по составу древесныхъ породъ лѣсъ начинаетъ напоминать лѣса Зондскаго архипелага. Но это лѣсъ чистый; всходы ратанговыхъ пальмъ и тройной ярусъ кустарника и подлѣска не мѣшаютъ видѣть почвы, заросшей немногими травянистыми растеніями. Такіе лѣса напоминаютъ лѣса сѣвера. Но породы деревьевъ—

чисто тропическія: громадныя смоковницы, исполнскіе бамбуки, ліаны, мыльное дерево, тикъ и различныя мимозы. Съ поднятіемъ на высоту 1000—4000 футовъ, число ліанъ увеличивается, и онѣ, какъ громадныя канаты, обхватывая стволы, перебрасываются съ дерева на дерево. Стволы этихъ ліанъ также увиты свѣшивающимися орхидеями, перцами и дикою лозою. Особенно хороши орхидеи, укрывающія своею темною глянцовитою листовою самыя толстыя деревья, украшая ихъ стволы снизу до верху своими громадными листьями, на подобіе того, какъ плющъ обвиваетъ колонны. Подъ тѣнью деревьевъ здѣсь развиваются дикіе бананы, громадными своими листьями представляющіе рѣзкій контрастъ съ мелкой листвою кустарниковъ, среди которыхъ они вырастаютъ. Влажныя затемненныя ущелья—любимыя мѣста этихъ растеній. Не менѣе обращаютъ на себя вниманія, вырастающіе по опушкамъ изящныя прямоствольные панданусы съ ихъ фонтанами пальчатыхъ листьевъ, достигающихъ 8—10 футовъ длины. Бамбуки виднѣются повсюду, и здѣсь стволы ихъ достигаютъ толщины въ человѣческую ногу и до 100 футовъ вышины. Одинъ видъ древовиднаго папоротника—необыкновенной красоты и изящества. Часты апельсинныя и лимонныя деревья.

Выше 4000 футовъ внѣшній видъ растительности опять мѣняется. Появляется ежевика съ желтыми плодами, чаще попадаются дубы съ великолѣпно вѣчно зеленою листовою, березы, клены, растенія похожія на наши фіалку, ежевику и герань. Съ

ними перемѣшаны древовидные папоротники, бананы, орхидеи, пальмы, ратанги, фиги. По мѣрѣ поднятія начинаютъ все болѣе и болѣе преобладать каштаны, орѣшники, дубы и лавры, — все вѣчно зеленныя формы. Луговая растительность пропадаетъ совершенно. Трудно себѣ представить болѣе величественную флору. Прямые стволы строевого лѣса стройно поднимаются среди зелени одни — голые и чистые, съ сѣрою или коричневою корою, другіе — буквально на футъ толщины обмотанные массою жиѣитовъ, цвѣтовъ, особенно бѣлыхъ орхидей, иногда усыпающихъ стволы на подобіе снѣга. Отовсюду торчатъ вѣтви, то голыя, то одѣтыя листвою, нерѣдко, какъ канаты, перебрасываясь съ дерева на дерево, раскачиваясь отъ вѣтра, отягощенные пучками папортниковъ и орхидей. Здѣсь всюду чувствуется влага и въ изобиліи появляются мхи и лишайники.

На высотѣ 7500 футовъ появляются рододендроны съ громадными бѣлыми, обладающими тонкимъ лимоннымъ запахомъ, цвѣтами. Лѣса состоятъ на половину изъ дубовъ и каштановъ и на четверть изъ магнолій; остальную четверть составляютъ лавровыя деревья, къ которымъ примѣшаны гималайскіе сорта березъ, вязовъ, кленовъ, вишни, черешни, черемухи, яблони. Очень красивы громадныя деревья рододендроновъ съ ярко-красными цвѣтами. Фрукты здѣсь удаются плохо или совсѣмъ не вызрѣваютъ.

Эта лѣсная полоса еще недавно представляла изъ себя почти совершенную пустыню. Лѣсъ здѣсь

былъ непролазный, свирѣпствовала лихорадка. Это—одинъ изъ самыхъ дождливыхъ пунктовъ земного шара. Яки здѣсь заболѣваютъ чахоткой, лошади и верблюды не находятъ травы для питанія, а человѣкъ—земли для обработки. Только выше, около Дарджилинга, вновь являются мѣста, годныя для поселенія. Поселившіеся здѣсь изобрѣли оригинальный способъ сообщенія съ лежащими ниже землями. Обычныя для перевозки животныя не годились въ этихъ горахъ и приходилось утилизировать овецъ; ихъ навьючивали разными товарами и сгоняли внизъ, гдѣ продавали и товаръ и везшихъ его животныхъ. Но путешествія эти бывали рѣдки, такъ какъ насколько прохладныя и сырыя горныя лѣса были губительны для здоровья индуса, настолько обитателю горъ—монголу пагубна была влажная жара долинъ.

Населеніе горъ и по костюму и по типу совершенно не походитъ на индусовъ, населяющихъ Индію. Выдающіяся скулы, широкія лица съ плоскими носами, желтокоричневый цвѣтъ кожи, коса, азіатскіе халаты—переносятъ васъ въ среднеазіатскія степи. Здѣсь царствуетъ смѣшеніе расъ и языковъ.

Дарджилингъ—столица горнаго округа Сиккима. Онъ лежитъ на сѣверной сторонѣ перевала. Къ нему ведутъ шоссеиные пути и аллеи. Домики разбросаны по крутымъ уступамъ горъ, группами. Лавокъ въ городѣ мало и онѣ носятъ универсальный характеръ: въ нихъ можно найти всѣ предметы европейскаго комфорта. Въ нижней части

города находится базаръ, на которомъ путешественника поражаетъ разнообразіе типовъ снующаго здѣсь люда. Домики построены изъ кирпича или камня, крыты желѣзомъ. Есть нѣсколько церквей, обсерваторія, ботаническій садъ, нѣсколько клубовъ, газета. Въ городѣ около десятка среднеучебныхъ заведеній и 46 школъ для туземцевъ. Окружности города чудныя.

Выше 9000 футовъ мощность и оригинальность лѣсовъ убываютъ. Громадныя пространства зарастаютъ тонкимъ, частымъ, какъ тростникъ, бамбукомъ, дѣлающимъ ихъ дебри совершенно непроходимыми. Съ высоты 10000 футовъ вліяніе зимы выражено уже отчетливо. Въ серединѣ мая половина кустарниковъ и деревьевъ стоятъ еще голыми или только-что развертываютъ листья. Бамбуки стоятъ безъ листьевъ. Аконить, смородина, ревень, изящные мелкіе кустарники волчьяго лыка являются на сцену, и обыкновенно на высотѣ въ 11000 футовъ встрѣчаются серебристыя пихты—стройныя, эффектныя гималайскія деревья съ голыми до пяти саженей отъ земли стволами и широкораскидистыми, совершенно горизонтальными вѣтвями зеленой хвои. Онѣ чередуются съ темными, вѣчно зелеными рододендронами. Подъ ними раскиданы кусты розъ, карликоваго можжевельника, березы, ползучей ивы, барбариса, горнаго клена, маленькихъ андромедъ и, главное, 3-хъ или 4-хъ видовъ ярко цвѣтущихъ кустарниковыхъ рододендроновъ, бѣлыхъ, ярко-красныхъ, розовыхъ, пятнистыхъ, сплошь, какъ наши азаліи, усыпан-

ныхъ цвѣтами. Закутанная постоянно въ облака, эта мѣстность рѣдко даетъ возможность видѣть общую картину здѣшнихъ ландшафтовъ. Но если вдругъ разорвутся облака,—чудныя и дикія картины откроются глазамъ: не скрытыя болѣе дѣвственными лѣсами глубокія пропасти; страшныя ущелья съ безпорядочно навороченными громадными скалами; точно дьявольскою силою набросанные камни, среди которыхъ торчатъ изломанные, придавленные, обросшія мхами, уродливыя деревья или ихъ сухіе трупы, напоминая своимъ видомъ какихъ-то чудовищъ. А надъ ними, въ лазурной вышинѣ, между стаями облаковъ, виднѣются вереницы снѣжныхъ пиковъ главнаго хребта.

Т и б е т ъ.

Тибетъ занимаетъ юго-западную часть Китая и граничитъ на востокѣ и сѣверо-востокѣ съ другими китайскими провинціями, на сѣверо-западѣ—съ восточнымъ Туркестаномъ, на западѣ и юго-западѣ—съ Ладакомъ, Кашмиромъ и Индіей, на югѣ съ—Непаломъ, Сиккимомъ, Бужаномъ, Ассамомъ и Бирмою. Площадь Тибета $21\frac{1}{2}$ тыс. квадратныхъ географическихъ миль, заселенныхъ болѣе чѣмъ $2\frac{1}{2}$ милліонами жителей. Тибетъ представляетъ изъ себя одну изъ высочайшихъ горныхъ цѣпей, имѣющую въ среднемъ 13000 футовъ высоты, очень трудно проходимую и потому мало доступную.

Климатъ Тибета крайне суровъ и отличается крайностями тепла и холода при очень сухомъ воздухѣ. Изъ всего Тибета болѣе мягкимъ климатомъ отличается только та его часть, которая примыкаетъ къ Бенгальскому заливу.

Населеніе Тибета принадлежитъ преимущественно къ народамъ тибетской расы и языка, хотя примѣсь постороннихъ элементовъ здѣсь сказывается въ довольно сильной степени.

Преобладающая религія здѣсь—ламаизмъ. Значительная часть населенія принадлежитъ къ духовному сословію, которое здѣсь занимаетъ господствующее положеніе и въ рукахъ котораго находятся управленіе страной и образованіе народа.

Главное занятіе населенія—скотоводство, при чемъ здѣсь разводятся преимущественно яки и бараны, несущіе службу вьючныхъ животныхъ (баранъ можетъ проходить громадныя разстоянія, неся на себѣ грузъ до 30 фунтовъ). Земледѣліе имѣетъ подспорный характеръ, и лишь въ немногихъ мѣстностяхъ оно стоитъ на положеніи преобладающаго занятія.

Въ политическомъ отношеніи Тибетъ входитъ въ составъ Китайской имперіи. Здѣсь живетъ китайскій резидентъ, который управляетъ страной, такъ какъ глава ея—далай-лама (см. ниже)—безъ санкціи резидента не можетъ совершить никакого крупнаго дѣла. Всѣ налоги, которые могутъ быть получены въ странѣ, расходуются здѣсь же на содержаніе далай-ламы съ его безчисленными монахами и монастырями.

Войска въ странѣ всего 4½ тысячи, изъ коего

$\frac{1}{3}$ состоитъ изъ китайскихъ солдатъ и $\frac{2}{3}$ —изъ мѣстныхъ.

Если Индію называютъ страной чудесъ, то Тибетъ надо назвать таинственной страной, хотя мало-по-малу та завѣса, которая до сихъ поръ скрывала его отъ насъ, начинаетъ проясняться. Еще въ первой половинѣ XIV вѣка монахъ Одорико ди-Порденонъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ главномъ городѣ Тибета—Лассѣ, но что онъ тамъ видѣлъ—покрыто мракомъ неизвѣстности, такъ какъ врядъ ли ламы рѣшились что-нибудь открыть нежелательному гостю. Въ первой четверти XVII столѣтія португальскій миссіонеръ, а затѣмъ во второй половинѣ того же вѣка два іезуита были тамъ. Посѣтили Тибетъ въ XVIII столѣтіи еще нѣсколько путешественниковъ, проникшихъ туда со стороны Гималаевъ.

Нашъ знаменитый изслѣдователь-путешественникъ Николай Михайловичъ Пржевальскій много попортилъ крови изъ-за тактики китайскихъ властей, примѣняемой къ лицамъ, желающимъ проникнуть въ Тибетъ.

Дѣло въ томъ, что просто запретить вѣздъ въ страну нельзя на основаніи международныхъ трактатовъ, по смыслу которыхъ страна должна быть открыта для путешественниковъ, и китайское правительство, не желая въ то же время итти противъ желанія ламъ, играетъ въ двойную игру, давая оффиціальныя пропуска на путешествіе и отговаривая въ то же время путника, запугивая его разными предстоящими страхами и ссылаясь на свое

безсиліе въ противодѣйствіи косности населенія, возбуждаемаго ламами.

Такъ было и съ Куперомъ. Ему дали оффиціальное разрѣшеніе, но отговаривали отъ путешествія, пугали фанатиками-тибетцами, говорили, что ламы низа что не пустятъ его въ глубь страны, что его убьютъ разбойники или возмущенная чернь.

Куперу пришлось много хитрить, обманывать. Онъ все время по пути говорилъ, что онъ совсѣмъ не намѣренъ итти въ центральный Тибетъ, что онъ, какъ англійскій купецъ, движется въ сторону Индіи и пройдетъ только окраинами.

Его встрѣтили, напримѣръ, триста солдатъ и заявили, что подъ страхомъ смертной казни не могутъ его пустить дальше; пришлось вратъ, что онъ и не думаетъ итти въ центральный Тибетъ. Тогда солдаты оставили его въ покоѣ.

Данныя Куперу въ провожатыя двѣ женщины, повидимому получившія точныя инструкціи, сбѣжали отъ него въ пути.

Населеніе низачто не хотѣло дать Куперу ничего сѣдобнаго; стрѣлять дичь и животныхъ онъ боялся, чтобы не вызвать озлобленія ламъ, и когда послѣ двухдневнаго питанія исключительно чаемъ путешественникъ заявилъ ламѣ, что онъ наканунѣ голодной смерти, служитель Бога заявилъ, что напрасно онъ и затѣялъ свое путешествіе, что онъ не долженъ былъ приходить въ ихъ землю.

Г-мъ Гюкъ и Габэ, первымъ европейцамъ, сумѣвшимъ посѣтить таинственный Тибетъ, удалось больше сдѣлать. Они, переодѣвшись ламами, отправились

изъ Монголіи въ Тибетъ съ правительственнымъ караваномъ, который разъ въ три года ходитъ изъ Пекина въ Лассу и обратно. Дорогой, крайне мучительной, когда приходилось голодать и замерзать, они не скрывали, что они — французскіе миссіонеры; не скрывали этого и по прибытіи въ Лассу, если тибетцы догадывались по ихъ лицу въ ихъ принадлежности къ чужой расѣ, но это и имъ приносило не мало огорченія. Прежде всего тибетцы были очень слабыхъ географическихъ познаній и не имѣли никакихъ свѣдѣній о Франціи. Такъ имъ былъ сдѣланъ очень подробный допросъ китайскимъ полицейскимъ о цѣли ихъ путешествія, при чемъ самъ допрашивавшій, повидному, имѣлъ очень слабое представленіе вообще о цѣляхъ, съ которыми путешествуютъ. Допрашивали ихъ и высшія власти, какъ китайскія, такъ и тибетскія, но онѣ уже прямо старались добиться, не съ цѣлью ли снятія картъ дорогъ, ведущихъ въ Тибетъ прибыли эти таинственные незнакомцы. Такое предположеніе вызывало страхъ, по словамъ китайцевъ—у тибетцевъ, а по словамъ тибетцевъ—у китайцевъ, тѣмъ болѣе что незадолго до этого у убитаго здѣсь англійскаго путешественника нашли составленные имъ планы страны и что особенно страшно—дорогъ. По мнѣнію наивныхъ властей, знаніе дорогъ въ Тибетъ не только бы облегчило англичанамъ возможность, но и дало бы поводъ завоевать страну. Въ концѣ концовъ подозрительныхъ французовъ пригласили во дворецъ регента и здѣсь попросили переночевать, а тѣмъ временемъ

собрали ихъ пожитки и отправили для осмотра въ мѣстное судилище. Карты, которыя, конечно, имѣлись у нихъ, взволновали начальство, но выручила хитрость миссіонера. Онъ польстилъ самолюбію одного изъ сановниковъ и выразилъ надежду, что тотъ, какъ знатокъ запада, сумѣетъ, понятно, отличить карту, отпечатанную во Франціи, отъ нанесенной рукой. Врядъ ли тотъ умѣлъ это сдѣлать, но пришлось удостовѣрить французское происхожденіе диковиной бумаги.

Послѣ этого отношенія властей измѣнились къ лучшему: миссіонерамъ позволили жить въ Лассѣ и даже ѣздить по всему Тибету. Самъ регентъ ежедневно приглашалъ ихъ къ себѣ на обѣдъ и говорилъ о различіи вѣрованій католиковъ и буддистовъ, при чемъ онъ соглашался поближе ознакомиться съ первымъ, подумать о преимуществахъ его и даже не отказывался, въ случаѣ если бы таковыя оказались за нимъ, принять его. Позволялось миссіонерамъ и вообще вести религіозныя бесѣды и даже устроить маленькую часовенку.

Будда, по ученію его послѣдователей, сотворилъ все, и все исходитъ отъ него, какъ свѣтъ отъ солнца. Будда—необходимѣйшее, независимое существо — конецъ и начало всего. Всѣ существа, сотворенныя Буддой, имѣли начало, будутъ имѣть и конецъ,—они опять вернутся къ Буддѣ, отъ котораго и получили начало существованія. Будда вѣченъ, а потому вѣчны и его проявленія, они всегда существовали и будутъ существовать, хотя взятая отдѣльно они имѣютъ начало и конецъ.

Буддисты принимаютъ неограниченное число тѣлеснаго проявленія божества. Будда, по ихъ вѣрованію, живетъ иногда въ видѣ человѣка, чтобы облегчить людямъ ихъ усовершенствованіе и соединеніе съ вѣчной душой. Эти люди-Будды составляютъ цѣлый классъ, называемый шаберонами. Они дѣлятся на разныя ступени, и глава ихъ, далай-лама—живетъ въ Тибетѣ. Имя это постоянно по той простой причинѣ, что если далай умираетъ, то душа его моментально переселяется въ другую оболочку, которая представляетъ изъ себя опять далаю. Въ большинствѣ случаевъ духъ умершаго ламы переселяется въ тѣло мальчика. Семейство, гдѣ отыщется новый далай-лама, извѣщаетъ объ этомъ духовное начальство, которое впредь до нахожденія новаго далаю постится и молится. Бываетъ, что отыщется сразу нѣсколько далаевъ; тогда ихъ всѣхъ везутъ въ Лассу, въ коллегію избирателей, которые запираются въ храмъ и здѣсь молятся шесть дней. На седьмой кладутъ въ урну записочки съ именами кандидатовъ, и старѣйшина избирателей-ламъ выбираетъ жребій. Тотъ мальчикъ, имя котораго вынулось, и становится далай-ламой. Его возятъ по городу, при чемъ все населеніе отдаетъ ему почтеніе глубокими поклонами и паданіемъ ницъ. Остальные мальчики отсылаются домой, награжденные извѣстной суммой денегъ.

Далай-лама считается божествомъ, и вліяніе его на народъ громадно.

Какъ уже сказано было, весь Тибетъ покрытъ

цѣлой сѣтью монастырей, заселенныхъ монахами-ламами.

Смерть старшаго ламы монастыря не печалить его подчиненныхъ по той простой причинѣ, что смерть, по ихъ представленію, какъ и въ случаѣ смерти далая, это—только способъ лишній разъ переселиться душѣ изъ одной оболочки въ другую, и собственно лама все время живъ: умеръ въ одномъ видѣ и сейчасъ же появляется въ другомъ. Вся суть сводится только къ тому, чтобы узнать, куда именно переселилась душа ламы. Тутъ на помощь являются небесныя явленія,—напримѣръ, радуга. Ламы постятся и молятся послѣ смерти своего повелителя и ждутъ радуги. Какъ только она появится, они отправляются къ прорицателю, которому рассказываютъ, при какихъ условіяхъ появилась радуга. Тотъ соображаетъ что-то, читаетъ молитвы и, наконецъ, указываетъ, гдѣ находится новоявленная святая особа. Ламы вѣрятъ, что иногда верховный лама и самъ можетъ заявить о себѣ. Надо знать при этомъ, что духъ умершаго ламы часто переходитъ въ грудного младенца. Какъ совмѣщается подобное чудо со здравымъ смысломъ—дѣло самихъ ламъ. Такъ какъ Тибетъ—центръ ламаизма, то онъ поставляетъ ламъ-руководителей не только для внутренняго, такъ сказать, потребленія, но и на вывозъ—въ Монголію. Когда рядовые ламы узнаютъ, гдѣ находится ихъ новый верховный лама, они отправляются къ нему цѣлой депутаціей и учиняютъ ему нѣчто въ родѣ экзамена. Новый лама, чаще всего 5—7-лѣтній маль-

чикъ, долженъ указать, какимъ онъ обладалъ характеромъ, когда былъ въ другой оболочкѣ, какія имѣлъ привычки, долженъ изъ груды разныхъ вещей указать тѣ, которыя принадлежали ему.

Про ламъ и ихъ средства воздѣйствія на массу есть много ходячихъ анекдотовъ, не находящихъ себѣ подтвержденія въ серьезной литературѣ.

Г. Гюкъ рассказываетъ про видѣнную имъ такую продѣланную ламой вещь. Онъ хотѣлъ показать свое могущество — на глазахъ толпы народа умертвить себя и не умереть. Передъ этимъ лама долго постился и уединялся. Дворъ монастыря въ день торжества былъ переполненъ религіозными монголами. Передъ входной въ храмъ дверью устроенъ высокій алтарь. На него входитъ герой дня, садится и кладетъ на колѣни большой ножъ. Окружающіе его ламы поютъ молитвы. Онъ все болѣе и болѣе волнуется и доходитъ до иступленія, послѣ чего снимаетъ съ живота поясъ, распахиваетъ рясу, беретъ священный ножъ и вскрываетъ себѣ животъ сверху и донизу. Кровь льетъ ручьями, а богомольцы просятъ пророчества у выпотрошеннаго. Ламы поютъ. Герой набираетъ горсть собственной крови и бросаетъ ее въ воздухъ и сейчасъ же проводитъ этой рукой по ранѣ, которая исцѣляется. Лама страшно изнеможенъ. Онъ одѣвается, молится Богу и уходитъ. Помимо этого ламы продѣлываютъ и другіе фокусы: лижутъ горячее желѣзо, вырѣзаютъ куски мяса и моментально залѣчиваютъ больное мѣсто. Такими фокусами занимаются ламы низшаго разряда, по-

чему-либо утратившіе свой престижъ въ глазахъ товарищей или толпы. Солидные ламы относятся съ презрѣніемъ къ такимъ способамъ воздѣйствія на массу, но монастыри поощряютъ ихъ, такъ какъ они обыкновенно дѣлаютъ полные сборы публики и, конечно, выгодны въ матеріальномъ отношеніи.

Интересно религиозное празднованіе дня новаго года.

Проходитъ этотъ праздникъ очень торжественно и шумно. Начинается празднество въ полночь. Всѣ на ногахъ. Въ моментъ наступленія новаго года начинаютъ раздаваться крики радости, вездѣ бьютъ въ тамъ-тамы и барабаны. Всѣ одѣты въ праздничные костюмы, идолы заново выкрашены. По домамъ наготовлена баранина, сладкое тѣсто, нѣчто въ родѣ нашего пива. Утромъ начинаются визиты, при чемъ визитеръ, входя въ домъ, совершаетъ молитву передъ домашнимъ алтаремъ, который въ этотъ день особенно торжественно разукрашивается, а затѣмъ поздравляетъ хозяина. Тибетцы въ этотъ день много поютъ и пляшутъ. На улицахъ цѣлый день даются представленія комедіантовъ, акробатовъ, балетныхъ танцовщиковъ и особенно канатныхъ плясуновъ, упражненія которыхъ пользуются особыми симпатіями тибетцевъ.

Но третій день новаго года въ Лассу собираются ламы изъ всѣхъ окружныхъ монастырей. Двигается ихъ сюда такая масса, что нашествіе это можно

принять за походъ какихъ-либо дикихъ ордъ. Въ теченіе шести дней всѣ присутственныя мѣста города заперты. Ламы ходятъ по улицамъ, распѣвая молитвы, затѣмъ совершаютъ торжественный ходъ вокругъ мѣстнаго монастыря Мару, получаютъ благословеніе далай-ламы и отправляются обратно.

И Н Д І Я.

Индія.

Индія отдѣляется отъ азіатскаго материка величайшею въ мірѣ горной системой Гималаевъ, которыя здѣсь играютъ громадную роль въ образованіи климата страны. Съ одной стороны онѣ задерживаютъ холодные вѣтры, дующіе съ возвышенностей Средней Азіи, а съ другой—задерживаютъ облака, идущія съ юга и нѣсущія влагу, собранную ими въ Индійскомъ океанѣ. Но о Гималаяхъ мы уже говорили.

Индія по устройству своей поверхности дѣлится на двѣ совсѣмъ непохожія одна на другую части: на обширную равнину, занимающую сѣверную часть полуострова и примыкающую къ подножію Гималаевъ, и на не менѣе обширное плоскогорье, которое называется Деканскимъ.

Вся страна орошается двумя многоводными рѣками, берущими свое начало въ Гималаяхъ: на западѣ—Индомъ и на востокѣ—Гангомъ. Первая рѣка впадаетъ въ Персидскій заливъ, вторая—въ Бенгальскій.

Индъ только въ верхнемъ своемъ теченіи беретъ нѣсколько притоковъ, изъ коихъ наиболѣе извѣстны Джеламъ и Сетледжъ. Эти рѣки орошаютъ самую

сѣверо-западную часть полуострова. По берегамъ этихъ рѣкъ—чудная растительность, въ промежуткахъ же между рѣками—бѣдныя степи, поросшія незначительнымъ кустарникомъ и травой; промежутокъ же между Индомъ и Джеламомъ представляетъ изъ себя настоящую пустыню. Вся эта мѣстность называется Пенджабомъ. Въ ней наиболѣе значительные города: Мультавъ съ населеніемъ въ 75000 человѣкъ, Лагоръ—съ 180000 чел. и Амротсоръ—съ 140000 жит.

Южнѣе Пенджаба находится Синдъ—широкая безводная степь съ очень скудной растительностью благодаря тому, что Индъ здѣсь течетъ въ одно русло у подножія горы и раздѣляется лишь у паденія на 11 рукавовъ. Въ долинѣ лежитъ крѣпость Гейдерабадъ съ 60000 населеніемъ, а у самаго залива—городъ Карачи, самый западный портъ Индіи. Здѣсь начинается низменность Рена, представляющая изъ себя песчаную пустыню лѣтомъ и илистую лагуну во время дождей. Восточнѣе находится Индійская пустыня, среди которой попадаются частые оазисы.

Гангъ, священная рѣка индусовъ, течетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ, а рядомъ съ нимъ его притокъ—Джамна. Гангъ имѣетъ много другихъ притоковъ, изъ которыхъ самый значительный—Чонъ. Здѣсь находится городъ Дели съ 192000 жителей, Аллагабадъ—священный городъ индусовъ съ 175000 жителей, Канпуръ съ 189000 жит., Бенаресъ съ 220000 жит., знаменитый своею 1000-ю индусскихъ храмовъ и 333 мусульманскими мечетями

и Патна съ 160000 жит.—центрѣ торговли опиумомъ Плацѣ, по которому проходитъ Гангъ, называется Бенгальской низменностью. Это—плодороднѣйшій кусокъ земли. Жатва здѣсь производится три раза въ годъ, и поспѣваютъ тропическія растенія, какъ, напримѣръ, хлопчатникъ, сахарный тростникъ, кофейное дерево, рисъ, перецъ, имбирь, корица, мускатный орѣхъ. Пальмы здѣсь очень хорошо себя чувствуютъ. Скотоводство — довольно обширно. Въ дѣвственныхъ лѣсахъ тутъ живутъ слоны, носороги, знаменитые королевскіе тигры. Климатъ тутъ крайне знойный, нездоровый, но благодаря удивительному плодородію почвы населеніе здѣсь крайне скучено. Юго-восточную часть Бенгальской низменности занимаетъ Бакарганджскій округъ,—тоже замѣчательно плодородный участокъ, но подверженный частымъ циклопамъ. Страна эта наводнена тиграми, гремучими змѣями, колоссальнымъ количествомъ мышей, а ея чудныя бухты—крокодилами. Сѣверная часть страны болотиста, и здѣсь живутъ низшія касты индусовъ, занимающіяся рыбной ловлей, охотой на птицъ и воздѣлкой риса въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это возможно. Жизнь въ этой мѣстности очень непривлекательна: здѣсь міриады москитовъ, въ дома часто заползаютъ ядовитыя змѣи, а во время наводненій скотъ иногда цѣлыми днями стоитъ по шею въ водѣ, а нѣкоторые періодъ времени здѣсь страдаютъ отъ недостатка воды. Тутъ находится Калькутта, столица Индіи, съ 800000 населенія. Описаніе этого города мы дадимъ въ свое время.

Бенгальская низменность по рѣкѣ Брампутрѣ, какъ бы отдѣляющей Индостанъ отъ Индокитая, называется Ассамомъ. Небольшой этотъ клочокъ земли имѣетъ 61 рѣку, помимо того время дождей здѣсь тянется съ марта по ноябрь, почему мѣсто очень плодородно; но зато климатъ очень сырой и нездоровый даже зимой, когда страну заволакиваютъ сплошные туманы. Ассамъ славится своими желѣзными рудами, а жители его—умѣніемъ готовить лучшую въ мірѣ сталь, идущую на оружіе и называемую булатомъ. Есть здѣсь уголь и громадныя запасы нефти. Тутъ культивируются рисъ, хлопокъ и отлично поставлено шелководство. Но на ряду съ этимъ богатствомъ Ассамъ не обиженъ и громаднымъ количествомъ тигровъ, леопардовъ, змѣй, термитовъ, москитовъ и крысъ. Рѣки здѣсь кишатъ рыбой.

На западномъ берегу Индіи, при Деканскомъ плоскогорьѣ,—кстати сказать, имѣющемъ въ среднемъ 600—800 футовъ,—расположенъ знаменитый городъ Бомбей (см. дальше) съ населеніемъ въ 822000 человекъ, а далѣе—Гоа. На юго-востокѣ полуострова находятся Карикалъ съ 70000 жителей, Пондичери—съ 173000 и Мадрасъ—съ 453000 жителей.

До завладѣнія Индіей англичанами ей пришлось пережить владычество мусульманъ, которые совершали сюда свои набѣги еще въ VII вѣкѣ, причемъ, благодаря храбрости и устройству индусскихъ войскъ, набѣги эти далеко не всегда были удачны. Лишь въ XI вѣкѣ магометанамъ болѣе повезло и имъ удалось совершить завоева-

нія. Со времени Мухмуди - Газни, совершившаго 17 набѣговъ на Индію, мусульманское владычество здѣсь довольно прочно укрѣпилось. Начало этого періода было особенно несчастно для страны, такъ какъ съ переходомъ власти изъ однѣхъ рукъ въ другія кровь лилась потоками и водворилась рѣзня подозрительныхъ новому правителю лицъ, а вмѣстѣ съ ними и цѣлыхъ массъ совершенно стороннихъ людей. Вообще періодъ владычества магометанъ изобиловалъ смутами: враждовали между собой правители отдѣльныхъ владѣній, возмущались покорные индусы, которые здѣсь облагались, только съ нихъ взимаемыми, особыми налогами.

Нашествіе европейцевъ на Индію началось съ Васко-де-Гама, такъ что первыми сюда явились португалыцы; послѣ нихъ появились здѣсь испанцы, отбившіе даже на нѣкоторое время первенство у своихъ сосѣдей, но затѣмъ оба эти народа были вытѣснены голландцами и англичанами, колоніи ихъ пришли въ упадокъ, и теперь португальскими владѣніями здѣсь считаются Гоа, Дешанъ и Діу, имѣющія 11000 квадратныхъ миль и 500000 населенія.

Голландцы здѣсь были въ свою очередь разбиты англичанами, и ихъ Остъ - Индская Компанія въ 1858 году должна была уступить свои права Англіи и совсѣмъ лишиться здѣсь земель.

Поползновенія Франціи на индійскія владѣнія начались съ 1604 года.

Первымъ англичаниномъ, посѣтившимъ Индію, надо считать Томаса Стефенса—ректора іезуитской

коллегіи, совершившаго свое путешествіе въ 1579 г. Послѣ этого совершали туда свои паломничества англійскіе купцы, при чемъ немного спустя послѣ визита Стефенса два англичанина попали въ Индіи въ португальскую тюрьму. Эти путешествія, имѣвшія задачей завязать торговыя сношенія, начались частными, единичными предпринимателями, а затѣмъ уже и цѣлыми компаніями, которыя начали все болѣе и болѣе здѣсь обосновываться, устраивать свои факторіи. Англичанамъ приходилось выдерживать соперничество французовъ и голландцевъ, которые и между собой не были въ согласіи. Съ первыми изъ нихъ произошло столкновеніе въ 1746 году, чему способствовало введеніе англичанами должностей губернаторовъ въ пріобрѣтенныхъ здѣсь владѣніяхъ. Губернаторы эти не ограничивались мирнымъ соперничествомъ на почвѣ коммерческой конкуренціи, а стали домогаться уже политическаго превосходства, для поддержанія котораго имъ приходилось входить въ вооруженныя столкновенія и съ мѣстными властями. Для этого англичане вербовали войско изъ туземцевъ и привозили своихъ солдатъ. Стычки съ мѣстными владѣтелями повели неминуемо къ территоріальнымъ захватамъ, такъ какъ англичане всегда имѣли лучшее войско, чѣмъ врагъ, и вліяніе Англіи все болѣе и болѣе усиливалось на сѣверѣ страны, гдѣ у нея уже были земли, по площади превышавшія Великобританію, тогда какъ югъ находился все еще подъ вліяніемъ французовъ.

Вскорѣ послѣ объявленія войны 1743 года между

Франціей и Англіей въ Европѣ начались военныя дѣйствія между этими государствами и въ предѣлахъ Индіи.

Эта война закончилась въ 1748 году побѣдой французовъ, индійскій губернаторъ которыхъ составилъ очень остроумный планъ дипломатическаго завоеванія Индіи, для чего онъ воспользовался раздорами магометанскихъ владѣтелей и посадилъ на престолы двоихъ изъ нихъ своихъ ставленниковъ, благодаря чему въ его рукахъ оказалось не только вліяніе на управленіе всѣмъ югомъ Индіи, но и фактическая власть здѣсь. Англичане начали дѣйствовать этимъ же путемъ и поставили своего претендента, благодаря чему между двумя государствами здѣсь вновь возгорѣлась война, начавшаяся въ 1750 году и длившаяся 11 лѣтъ. Превосходство англійскихъ войскъ и раздоры среди французскихъ военачальниковъ обезпечили на этотъ разъ побѣду за первыми, и громкая побѣда англичанъ въ 1757 году, когда они въ количествѣ всего 3000 солдатъ наголову разбили туземнаго сторонника французовъ Сираджа-удъ-Даула съ его 50000 солдатъ, окончательно укрѣпила за англичанами владычество ихъ въ Индіи. Послѣ этого слѣдуетъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе значительныхъ территоріальныхъ приобрѣтеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличеніе по всѣмъ направленіямъ вліянія англичанъ въ странѣ. Во многихъ мелкихъ владѣніяхъ завоеватели получили право пользованія налогами и содержанія своихъ войскъ, оставивъ бывшимъ

правителямъ лишь административно - судебную власть.

Съ этого же времени начинается и культурное вліяніе англійскаго владѣнія страной. Постепенно улучшалась система управленія, которая все болѣе и болѣе принимала европейскій характеръ, причемъ какъ реформаторъ тутъ прославился Вильямъ Бентинкъ, приведшій въ порядокъ крайне до него запутанную финансовую систему страны. Изъ его административныхъ начинаній болѣе широкаго характера необходимо отмѣтить уничтоженіе обычая сжигать вдовъ послѣ смерти ихъ мужей. Онъ очистилъ страну отъ секты душителей (объ этомъ мы въ своемъ мѣстѣ скажемъ еще). При немъ права Остъ-Индской Компаніи на монопольное право производства торговли въ Индіи и Китаѣ были отмѣнены и европейцамъ данъ свободный доступъ въ эти страны. Работалъ Бентинкъ въ Индіи съ 1828 по 1835 годъ. Графъ Дальгузи, управлявшій страной съ 1848 по 1856 годъ, принесъ также не мало трудовъ на пользу странѣ. Несмотря на то, что и ему приходилось вести почти непрерывныя войны для все большаго земельного захвата, онъ стремился главнымъ образомъ къ улучшенію матеріальной и моральной стороны жизни страны. Онъ создалъ массу дорогъ и оросительныхъ каналовъ, положилъ основаніе желѣзнымъ дорогамъ, телеграфу, пароходному сообщенію съ Англіей черезъ Красное море, реформировалъ мѣстную почту. Вскорѣ послѣ отъѣзда въ Англію заболѣвшаго Дальгузи, при его преемникѣ Каннингѣ, въ Индіи

произошелъ рѣдкій въ исторіи бунтъ мѣстныхъ войскъ. Собственно недовольство ихъ установившимся порядкомъ давно уже зрѣло и ждало только случая разразиться. Дѣло въ томъ, что сипаи (солдаты англійской службы, но мѣстнаго индійскаго происхожденія) съ воцареніемъ здѣсь англійскаго порядка управленія, конечно, отрывались отъ обычныхъ для нихъ устоевъ жизни; первые признаки европейской культуры, пришедшіе сюда съ первыми же завоевателями, были имъ не по душѣ. Помимо этого они понимали, что составляютъ значительную опору для установившагося здѣсь положенія англичанъ. А между тѣмъ высокомѣрному и почти всегда жестокому обращенію англичанъ съ покоренными, въ общей ихъ массѣ, сипаи не могли симпатизировать, не могли они считать и своего положенія солдатъ справедливымъ по сравненію съ положеніемъ солдатъ-англичанъ, которые пользовались обиднымъ для сипаевъ преимуществомъ. Офицеры изъ туземцевъ здѣсь не могли рассчитывать ни на какую карьеру; офицеръ-туземецъ, напри- мѣръ, даже если бы онъ былъ старше чиномъ офицера-англичанина, никогда не могъ быть командиромъ послѣдняго. Въ виду того, что съ расширеніемъ территоріи англійскихъ владѣній здѣсь пришлось значительно увеличивать штаты гражданскихъ чиновъ, многихъ офицеровъ-туземцевъ, не справляясь съ ихъ военными талантами, перевели на гражданскую службу. Чиновники же туземцы, несмотря на высшее образованіе, получали иногда въ десять разъ меньшіе оклады жалованья, чѣмъ

чиновники-англичане, замѣщавшіе совершенно такіе же посты. Они по закону могутъ заниматьи высшія должности, но для этого должны выдержать колоссальной трудности экзаменъ въ самой Англіи, что по многимъ причинамъ почти недоступно индусу. Туземцы могутъ занимать высшія судебныя должности, но тогда изъ ихъ вѣдѣнія изъяты дѣла, по которымъ обвиняются англичане. Все это волновало населеніе, чиновниковъ и сипаевъ. Поводъ къ вспышкѣ возстанія представился очень скоро. Въ войскахъ начали вводить новыя ружья съ бумажными патронами, которые приходилось скусывать. Патроны эти смазывались жиромъ. Среди сипаевъ распространился слухъ, что жиръ этотъ или свиной, или коровій. Свинья у индусовъ, какъ и у магометанъ,—животное нечистое, не могущее служить пищей, корова же—животное священное и не можетъ быть убито. Ни уговоры ни наказанія не помогли. Армія начала волноваться. Солдаты перестали слушать и начали даже оскорблять офицеровъ; начались поджоги, разбитіе тюремъ для освобожденія заключенныхъ и избіеніе европейцевъ. Мятежъ быстро охватилъ почти всѣ англійскія провинціи и только тѣ, въ которыхъ массу населенія составляли мусульмане, остались на сторонѣ англичанъ. Въ концѣ концовъ англичане подавили, конечно, мятежъ. Съ этого момента начинается ослабленіе правъ Остъ-Индской Компаніи, и въ заключеніе Индія была причислена къ колоніальнымъ владѣніямъ англійскаго государства, а ея генераль-губернаторъ получилъ титулъ вице-короля,

который является намѣстникомъ англійскаго короля. (Въ 1877 году здѣсь торжественно праздновалось провозглашеніе англійской королевы Викторіи императрицей Индіи). Вице-король назначается на 5 лѣтъ. При немъ состоятъ два совѣта, вѣдающіе одинъ законодательную, а другой исполнительную часть. Законодательный совѣтъ состоитъ изъ собственныхъ членовъ и членовъ исполнительнаго совѣта; первые состоятъ изъ англичанъ и туземцевъ. Постановленія совѣта имѣютъ силу закона; они утверждаются вице-королемъ, но могутъ быть отмѣнены статсъ-секретаремъ по дѣламъ Индіи—вышимъ чиновникомъ англійскаго надзора за страной, имѣющимъ старшинство даже надъ властью вице-короля. При статсъ-секретарѣ имѣется особый совѣтъ, состоящій изъ 10 членовъ, не имѣющихъ права засѣдать въ парламентѣ, по распоряженію котораго они могутъ быть отрѣшены отъ должности ранѣе избирательнаго срока (10 лѣтъ и еще 5 лѣтъ въ случаѣ повторныхъ выборовъ). Въ вѣдѣніи совѣта находятся всѣ дѣла по сношенію метрополіи съ Индіей, а потому въ члены его избираются только такія лица, которыя прослужили въ Индіи не менѣе 10 лѣтъ и покинули ее не болѣе 10 лѣтъ тому назадъ. Всѣ расходы по дѣламъ Индіи и составленіе смѣтъ подчинены статсъ-секретарю и совѣту, а внѣшнія дипломатическія сношенія отъ имени Индіи ведутся статсъ-секретаремъ самостоятельно. Исполнительный совѣтъ, работающій, конечно, какъ и законодательный, на мѣстѣ—въ Индіи, состоитъ изъ 5 членовъ и главнокомандующаго,

какъ члена по назначенію, причемъ каждый изъ членовъ завѣдуетъ отдѣльной частью по управленію колоніи. Выбираются члены совѣтовъ самимъ королемъ. Вице-губернаторы назначаются вице-королемъ и утверждаются въ должности статсъ-секретаремъ. Каждая провинція дѣлится на департаменты, управляемые комиссарами; департаменты въ свою очередь дѣлятся на округа, управляемые главными сборщиками податей—судьями.

Помимо англійскихъ владѣній, на полуостровѣ есть и вассальныя земли, управляемыя туземными государями, платящими Англій дань и обязанными помогать ей своими военными силами въ случаѣ военныхъ дѣйствій. Государи эти управляютъ при участіи англійскихъ резидентовъ; безъ нихъ не можетъ быть разрѣшенъ ни одинъ важный для владѣнія вопросъ, и если въ такомъ случаѣ возникаетъ недоразумѣніе или несогласіе, то владѣніе можетъ быть временно переведено въ управленіе англійскаго намѣстника или его замѣстителя.

Доходъ съ индійскихъ колоній исчисляется въ почти милліардъ рупій (рупія—около 80 копѣекъ по курсу), при чемъ главную часть его составляетъ поземельный налогъ, уплачиваемый, въ противоположность издавна царившимъ здѣсь обычаямъ, не натурой, а наличными деньгами, почему въ годы неурожайные населеніе затрудняется уплатой налога и, чтобы покрыть эту повинность, обращается къ услугамъ ростовщиковъ, которые здѣсь, какъ и вездѣ при бѣдномъ населеніи, раскинули очень обширную и крѣпкую паутину.

Вся земля въ Индіи считается собственностью англійскаго правительства, и лишь очень незначительная ея часть находится въ рукахъ частныхъ собственниковъ. Сборъ съ земли производится различными способами. Напримѣръ, въ Бенгалѣ сборъ подати въ разъ навсегда установленномъ размѣрѣ сдавался въ аренду земиндарамъ, которые изъ аренды этой статьи сдѣлали себѣ хорошую аферу, получая съ землевладѣльцевъ въ 4—5 разъ болѣе, чѣмъ платили сами правительству. Правительство впрочемъ ограничиваетъ чрезмѣрную эксплоатацію населенія. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ размѣръ подати опредѣляется на 30 лѣтъ. Кромѣ того существуетъ сдача земли отъ правительства обществамъ земледѣльцевъ за ихъ круговой порукой; иногда земля сдается оптовому арендатору, который передаетъ ее отъ себя уже земледѣльцамъ, иногда же и непосредственно этимъ послѣднимъ.

Главной статьей расхода является содержаніе войскъ, требующее $\frac{1}{4}$ милліарда рупій въ годъ.

Превышеніе расходовъ надъ доходами дало нѣкоторые дефициты, покрытые займами, составившими въ 1891 году нѣсколько болѣе 2 милліардовъ рупій долга.

Интересно, что въ финансовомъ отношеніи Индія управляется независимо отъ финансоваго управленія самой Англіи, и за долги Индіи Англія, напримѣръ, не отвѣчаетъ. Англія не пользуется и чистыми доходами съ Индіи; есть только косвенная прибыль—отъ того, напримѣръ, что масса англи-

чанъ пользуется службой въ Индіи и Англіи имѣеть много заказовъ для индійскаго войска.

Индійская армія комплектуется на $\frac{2}{3}$ своего состава изъ туземцевъ и на $\frac{1}{3}$ изъ англичанъ-европейцевъ. Въ 1893 году здѣсь насчитывалось въ войскахъ всего 218786 человекъ. Англіійскіе солдаты размѣщены преимущественно по сѣвернымъ границамъ, гдѣ представляется болѣе возможнымъ ожидать какихъ-либо активныхъ дѣйствій со стороны хотя бы Россіи и гдѣ живетъ наиболѣе воинственное населеніе. Въ мѣстностяхъ, болѣе удаленныхъ отъ опасныхъ границъ или населенныхъ болѣе миролюбивымъ населеніемъ, держатся туземныя войска.

Вышія судебныя установленія, какъ гражданскія, такъ и уголовныя, не по всѣмъ провинціямъ одинаковы. Въ нѣкоторыхъ ихъ обязанности выполняютъ верховныя суды, окружныя суды и судебныя комиссары. Рѣшенія верховныхъ судовъ могутъ быть апеллированы въ англіійскій тайный совѣтъ, а рѣшенія судебныхъ комиссаровъ окончательны и апелляціи не подлежатъ. Роль судей первой инстанціи изображаютъ сборщики податей. Изъ мѣръ воздѣйствія существуетъ до сихъ поръ наказаніе палками, которое полагается за мелкіе проступки, и смертная казнь—за наиболѣе тяжкія преступленія. Примѣняются и пытки, хотя оффиціально онѣ отмѣнены. Статистика преступленій даетъ указаніе на малую преступность населенія.

Отношеніе англичанъ къ туземцамъ въ колоніяхъ характеризуется положеніемъ высшаго об-

разованія среди индусской молодежи. Англичане не желаютъ смѣшиваться съ туземцами, а потому своихъ дѣтей посылаютъ въ англійскіе университеты, а за это тѣ по возвращеніи получаютъ мѣста, которыя оплачиваются въ десять разъ больше, чѣмъ мѣста, получаемыя индусами, вынужденными обучаться хотя бы въ калькуттскомъ университетѣ. Объясняютъ это они тѣмъ, что англійскіе университеты даютъ большія знанія, хотя это и невѣрно. Они не воспрещаютъ индусамъ ѣхать въ метрополию учиться, но для индуса это, конечно, сопряжено съ громадными затрудненіями матеріальнаго, во первыхъ свойства, а затѣмъ и климатъ Англіи для родившагося въ Индіи далеко не благопріятенъ. Всего въ Индіи, по даннымъ 1889 года, было 127 правительственныхъ высшихъ учебныхъ заведеній съ 14500 учащихся; городскихъ школъ было 4400 съ 445000 учащихся. Начальныхъ сельскихъ школъ много, при чемъ у индусовъ—не магометанъ онѣ носятъ свѣтскій характеръ, а у магометанъ—духовный. Всего учащихся въ этихъ школахъ въ 1891 году насчитывалось 3195220 человекъ.

Въ общемъ народное образованіе въ Индіи надо признать отсталымъ. Грамотныхъ здѣсь по переписи 1891 года насчитывалось всего 6%, учениковъ въ среднихъ школахъ 1922, а въ высшихъ—65 на милліонъ населенія.

Англичане, внесшіе въ завоеванную ими страну европейскую цивилизацію въ дѣлѣ образованія туземцевъ, дали нѣсколько маху въ отношеніи жен-

щинъ. Давъ имъ возможность учиться, благодаря чему онѣ расширили свой кругозоръ и стали предъявлять къ жизни уже другія требованія, культуртрегеры ничего не сдѣлали для измѣненія семейнаго положенія женщины, и она теперь здѣсь, какъ и въ бывшя времена, когда степень ея развитія не уходила дальше развитія всякаго домашняго рабочаго животного, занимаетъ то же положеніе рабыни,—существа не могущаго подняться въ своихъ правахъ до положенія мужа. На ея долю остались прежнее затворничество, вся грязная домашняя работа, и что было легко перенести прежней индускѣ,—является пыткой для теперешней. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, какъ полагаетъ княгиня Щербатова, написавшая большую книгу объ Индіи, посвященную преимущественно описанію пріемовъ, устраивавшихся тамъ ей и ея супругу, что надо уничтожить женское образованіе.

Промышленность въ Индіи подъ вліяніемъ англичанъ довольно сильно развивается. По переписи 1891 года здѣсь зарегистрировано, на примѣръ, 127 хлопчатобумажныхъ фабрикъ, на которыхъ работало 118000 человекъ; джутовыхъ фабрикъ было 26 съ 66000 рабочихъ; каменноугольныхъ копей было 81, выработано на нихъ въ 1891 году 2229400 тоннъ угля. Акціонерныхъ компаній въ 1892 году было 947 съ капиталомъ въ 360 милліоновъ рупій. Средній ежегодный ввозъ за годы съ 1882 по 1889 достигалъ цифры 727000000 рупій, а вывозъ—893000000, въ 1891—92 гг. ввозъ 841550000 и вывозъ—1114600000 рупій. Какъ ввозъ, такъ и вывозъ касались, главнымъ

образомъ, Англіи, затѣмъ Китая (вывозъ), Франціи (вывозъ). Ввозъ распространялся преимущественно на мануфактурные товары, которыхъ въ 1892 году было пріобрѣтено на 330 милліоновъ рупій, металлы и издѣлія изъ нихъ—на 100 милліоновъ рупій, пищевые продукты—на 80 милліоновъ. Вывозъ касался: пищевыхъ продуктовъ, которыхъ въ 1892 году было продано на 384 милліона рупій, сырья—на 360 милліоновъ, мануфактурныхъ товаровъ—на 140 милліоновъ и химическихъ товаровъ—на 138 милліоновъ. Пшеницы Индія вывозитъ на 143 милліона рупій, риса — на 133 милліона, масляныхъ сѣмянъ—на 120 милліоновъ и хлопка и хлопчатобумажныхъ издѣлій—на 456 милліоновъ рупій. Въ общемъ же ввозятся обработанные преимущественно товары, а вывозятся сырые продукты. Произошла эта эволюція подѣ влияніемъ англійскихъ мѣропріятій: индійскіе ремесленники были обложены высокими податями, а ввозъ ихъ издѣлій въ Англію — солидными пошлинами, благодаря чему вывозъ ихъ издѣлій сталъ невозможнымъ; мало этого,—ихъ стало трудно сбывать и на родинѣ, такъ какъ англійскія издѣлія здѣсь стали дешевле мѣстныхъ.

Культура мака, идущаго на приготовленіе опиума, разрѣшена только въ нѣкоторыхъ частяхъ Бенгала, сѣверо-западныхъ провинцій и Ауда, причемъ все полученное съ плантацій количество опиума поступаетъ непосредственно въ руки правительства, назначающаго ежегодно свои цѣны и размѣры предстоящей закупки. Опійная монополія даетъ Англіи болѣе 80 милліоновъ рупій дохода.

Растительность Индіи, въ зависимости отъ климатическихъ и оросительныхъ условій полуострова, крайне разнообразна, и, напримѣръ, въ то время, какъ западныя части провинцій Синда, Пенджаба и Раджпутана представляютъ изъ себя мертвыя пустыни съ крайне жалкой растительностью, Ассамъ, низины съ юга у Гималая и нѣкоторыя южныя части западнаго берега пышностью своей флоры могутъ поразить глазъ даже и присмотрѣвшагося къ тропическимъ диковинкамъ туриста. Лѣса попадаютъ только по склонамъ Гималаевъ, на юго-западномъ берегу Персидскаго залива, да иногда въ центрѣ полуострова.

Естественныя условія Индостана, дающія такія разнообразныя формы растительнаго міра, въ то же время создаютъ такую же разнообразную картину и въ животномъ населеніи страны. Индійскій слонъ, свободно здѣсь царящій, извѣстенъ, конечно; тутъ же живетъ и носорогъ. Королевскій тигръ, считающійся по праву королемъ кошачьяго семейства, имѣетъ всѣ благопріятныя для себя условія. Есть и леопарды, попадаетъ изрѣдка левъ, много обезьянъ.

Населеніе Индіи по даннымъ 1891 года исчислялось въ 221 милліонъ съ нѣкоторымъ лишкомъ, что представитъ изъ себя $\frac{1}{7}$ часть населенія всего земного шара. За десять лѣтъ, съ 1881 по 1891 годъ, приростъ населенія выразился цифрой 22324000 человекъ. Рождаемость очень неодинакова по провинціямъ, и въ то время, напримѣръ, какъ въ Бенгалѣ она равна 21,54 на тысячу, въ Аудѣ она до-

ходить до 39,70. Смертность тоже крайне различна: въ Мадрасѣ, напримѣръ, 22,80, а въ Пенджабѣ — 46,87. Средняя смертность для Индіи — отъ 20,98 до 29,61 за десятилѣтіе. Большая рождаемость объясняется тѣмъ, что масса индійскаго населенія женится очень рано и ведетъ правильный семейный образъ жизни. Смертность велика, благодаря бѣдности и невѣжеству населенія, среди котораго царятъ опустошительныя болѣзни. Почему-то принято считать населеніе Индіи за очень однородное, тогда какъ, по словамъ Гельвальда, врядъ ли найдется другая страна на свѣтѣ, гдѣ можно было бы встрѣтить большее разнообразіе народностей, стоящихъ на всевозможныхъ ступеняхъ культуры, начиная съ англичанина и философски образованнаго индуса и кончая самыми грубыми дикарями, вѣрящими въ вѣдьмъ, колдовство и только недавно прекратившими человѣческое жертвоприношеніе.

Все населеніе Индіи дѣлится прежде всего на двѣ расы — арійскихъ индусовъ и дравидскіе народы, изъ которыхъ послѣдніе были первоначальными жителями страны, но около 2000 — 1500 лѣтъ до Р. Х. были вытѣснены переселившимися сюда индусами. Дравиды приняли культуру индусовъ, причемъ сѣверные дравиды окончательно поглощены ими, а южные сохранили болѣе своихъ отличительныхъ чертъ. Эти двѣ расы дѣлятся на безконечное число племенъ, сектъ, родовъ и т. д. Общія отличительныя черты таковы: южные дравиды болѣе темнаго цвѣта кожи. Индусы стройно сложены, имѣютъ овальное лицо, европейскій профиль, а

цвѣтъ кожи—отъ темно-оливковаго до желто-коричневаго. Индусы населяютъ сѣверныя равнины Индіи—отъ Инда до долины Брамапутры и до Декана на югъ, который занятъ дравидами.

Дѣленіе на касты въ Индіи вошло въ плоть и кровь населенія. Касты слѣдующія: 1) брамины, т.-е. духовныя лица, аскеты, 2) кшатріи, т.-е. воины, 3) вайсиі—земледѣльцы и купцы и 4) шудра—ремесленники.

Первая каста браминовъ, какъ и другія впрочемъ касты, врядъ ли осталась безъ смѣшенія съ остальными. Это уже можно частью опредѣлить потому, что, напримѣръ, брамины сѣверной Индіи не имѣютъ ничего общаго съ браминами южной Индіи и Бенгала, происхожденіе которыхъ отъ арійскаго племени безъ всякихъ примѣсей должно быть подвергнуто большому сомнѣнію. Помимо этого и назначеніе, такъ сказать, каждой касты уже не такъ узко, какъ объ этомъ принято думать. Брамины, напримѣръ, заняты далеко не только религіознымъ служеніемъ: въ виду того, что религіозный фанатизмъ давно уже поколебленъ англійскимъ вліяніемъ и служеніе религіи стало менѣе выгоднымъ, браминъ теперь берется за учительство въ англійскихъ школахъ, не брезгаетъ и торговлей, земледѣліемъ и даже службой въ полиціи и войскахъ.

Религія индусовъ, или религія Веды, какъ ее называютъ по названію священной книги — Веды, проникнута сильной вѣрой въ дѣйствительность молитвъ и жертвоприношеній, такъ какъ, по ихъ представленію, молитва, произнесенная съ усер-

діемъ, не можетъ не умилоствитъ божества, а жертва, которою божество питается, даетъ ему силы на борьбу съ врагами приносящаго ее. Брама собственно значить — молитва, производное отъ этого слова—браминъ — молящійся. Раньше во главѣ народа стояли два класса—воиновъ и жрецовъ. Дѣятельность жрецовъ была настолько сложной, что изъ нихъ естественно выработалась каста, которая сдѣлалась наследственной, такъ какъ во время жертвоприношеній брамину часто помогать сынъ и такимъ путемъ подготовлялся къ своей будущей дѣятельности. Съ развитіемъ обрядовой стороны религіи жрецы естественно забирали въ свои руки все болѣе и болѣе власти. Сперва они отодвинули на второе мѣсто сословіе воиновъ, а затѣмъ, когда имъ удалось окружить ореоломъ святости все исходящее отъ нихъ, имъ уже ничего не стоило заставить признать свою касту первенствующею. Чтобы прочнѣе оградить себя отъ посягательствъ со стороны не принадлежащихъ къ этой кастѣ на какое бы то ни было сближеніе или смѣшеніе, жрецы или брамины, какъ они впоследствии стали называться, раздѣлили все населеніе на касты, строго разграничивъ права и обязанности каждой, при чемъ права браминовъ были ограждены цѣлой стѣной очень строгихъ возмездій для тѣхъ, которые попытались бы нарушить ихъ.

Вторая по положенію каста—кшатріевъ, т.-е. воиновъ, получила свое происхожденіе отъ низшихъ кастъ или отъ пришлаго элемента, получившаго тутъ право гражданства за свои пожертвованія на

пользу религіи. Кшатріи выдѣлили изъ себя племя раджпUTOBъ—самое гордое и благородное племя Индіи, наиболѣе сохранившее свои коренныя расовыя черты. Они отличаются храбростію, рыцарскимъ отношеніемъ къ охранѣ чести. Гельвальдъ полагаетъ, что это—оставшееся звено между старой и новой Индіей. Отъ раджпUTOBъ ведутъ свое начало горка, катри, занимающіяся теперь торговлей, гуджаръ—беспокойное пастушеское племя, атры—пастушеское племя и баніане, о которыхъ мы скажемъ впослѣдствіи нѣсколько словъ.

Третья каста—ваисіи, такъ же какъ и кшатріи, частью составила изъ пришлаго люда, хотя въ ней есть несомнѣнные признаки происхожденія отъ коренныхъ арійцевъ Индіи. Ваисіи теперь населяютъ преимущественно Дели и сосѣдніе города Раджпутанъ и Гуджератъ. Среди нихъ много купцовъ; они ведутъ свою торговлю, помимо Индіи, въ Афганистанѣ, въ Африкѣ и въ русскомъ Туркестанѣ.

Шудра—четвертая каста индусовъ—составилась преимущественно изъ лицъ не арійскаго происхожденія, изъ элемента пришлаго и изъ лицъ, происшедшихъ отъ смѣшенія разныхъ кастъ. Весь составъ четвертой касты вообще очень пестръ по своему происхожденію и дѣлится на массу сектъ и новообразовавшихся, какъ бы подкастъ, которыя часто составляются изъ горсти людей, объединенныхъ только общностью какого-либо труда. Эти подкасты нѣсколько напоминаютъ наши цехи.

Религія древнихъ индусовъ, какъ и многихъ

другихъ народовъ, началась съ поклоненія тѣмъ явленіямъ природы, которыя или поражали воображеніе ихъ свою величественностью, или же внушали страхъ. Прежде всего поклоненія удостоились такія явленія природы, которыя сильнѣе дѣйствовали на чувства, а изъ нихъ—сопровождаемыя свѣтовыми эффе́ктами, напримѣръ восходъ солнца, молнія. Зависимости одного явленія природы отъ другого индусъ знать, конечно, не могъ, считалъ ихъ всѣ за совершенно самостоятельныя, а потому и поклонялся каждому отдѣльно. Послѣ уже они стали явленія, сходныя по впечатлѣнію, производимому ими, соединять какъ бы въ группы, при чемъ въ каждой группѣ считалось какое-либо явленіе или стихія главными. Въ этомъ видно естественное стремленіе человѣка перейти отъ многобожія къ единобожію. И индусы начали задумываться надъ тѣмъ, что существуетъ какая-то сила, одаренная всѣми данными божества, — сила, создавшая вселенную и всѣ низшія божества, что все управляется какой-то одной невѣдомой силой. Принято было, что все управляется душой, желаніемъ, молитвой и другими подобными побужденіями, явившимися на смѣну поклоненія богамъ—явленіямъ природы, стихіямъ, а вслѣдъ за этимъ создалась и Брама—всеобщая, существующая сама по себѣ душа, составляющая характерный догматъ браминизма.

Религіозныя воззрѣнія современныхъ индусовъ имѣютъ мало сходства съ древней религіей ихъ прародителей-арійцевъ. Нѣсколько параграфовъ изъ книги Ведъ и формулы, произносимыя жрецами,

которые сами не понимают ихъ смысла,—почти все, что сохранилъ современный индусъ изъ религіи предковъ. То, что они исповѣдываютъ теперь, изобрѣтено браминми, и сама религія получила названіе браминизма. Это вѣроисповѣданіе раздѣляется на массу толковъ, изъ которыхъ многіе окончательно извратили основы религіи; отъ нея осталась только незначительная часть, сильно искаженная новѣйшими поправками и замѣнами. Въ общемъ религія индусовъ, благодаря именно этимъ примѣсамъ, не только не объединила ея приверженцевъ, но раздробила ихъ на неимовѣрное количество толковъ или сектъ, настолько раздѣляющихъ сторонниковъ одной отъ другихъ, что даже люди совершенно разныхъ государствъ, исповѣдующихъ разныя вѣроученія, могутъ скорѣе сблизиться, чѣмъ индусы разныхъ сектъ, живущіе бокъ о бокъ. Благодаря этому-то англичанамъ и далось легко обладаніе этой чудной страной: ни духа патріотизма, ни національной независимой гордости не можетъ создать порабощаящая религія такого склада, какъ у индусовъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что въ основѣ своей она имѣетъ много хорошихъ началъ моральнаго свойства.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію различныхъ наиболѣе типичныхъ народностей, населяющихъ Индію, и ихъ характернѣйшихъ обычаевъ, мы перечислимъ и сторонниковъ другихъ религій.

Буддизмъ теперь въ Индіи утратилъ значеніе преобладающей и даже значительной по количеству послѣдователей религіи; буддисты преобладаютъ

лишь въ Бармѣ и Калпмирѣ, которые вообще имѣютъ довольно самостоятельную, отличающуюся отъ всей Индіи, фیزیономію.

Магометане сосредоточились въ Пенджабѣ, Синдѣ и въ Нижнемъ Бенгалѣ. Два магометанскихъ племени — натани и белучи (господствующія) — иностраннаго происхожденія, остальные же — потомки индузовъ, принявшіе религію завоевателей. Истыхъ магометанъ въ Индіи мало; по большей части они только номинальные мусульмане, фактически же они исповѣдуютъ религію коренного населенія.

Христіанство въ Индіи очень слабо распространилось и болѣе всего привилось на крайнемъ югѣ. Католиковъ здѣсь насчитывается 1315000, протестантовъ — 704000, сирійскихъ, армянскихъ и греческихъ христіанъ — 202000. Слабое положеніе здѣсь христіанскаго вѣроученія объясняется тѣмъ, что англичане къ этому дѣлу относятся индифферентно и не покровительствуютъ миссіонерству.

Индузы, какъ это признано всѣми изслѣдователями, успѣвшими ихъ болѣе или менѣе изучить, въ общемъ обладаютъ высокими духовными способностями, но по характеру своему они, не считая отдѣльныхъ, являющихся исключеніемъ, немногочисленныхъ племенъ, не симпатичны. Вѣка рабскаго подчиненія неограниченной власти деспотовъ, не знавшихъ удержа своему дикому своему волю, сдѣлали свое дѣло, — убили прежде открытый и честный нравъ индуся и превратили его въ хитраго и лживаго. Уже одинъ контрастъ необычайнаго,

на нашъ—христіанъ—даже взглядъ, сентиментальнаго, отношенія по своей добротѣ къ животнымъ и на ряду съ этимъ жестокаго отношенія къ людскимъ страданіямъ, безучастіе къ ихъ горю—говорить за то, что въ индусѣ были когда-то хорошіе задатки.

Индусъ по природѣ своей удивительно вѣжливъ и предупредителенъ. Говорятъ, что за этой вѣжливостью скрывается безхарактерность, трусость, продажность и другія подобныя качества, воспринятія индусами со времени порабощенія ихъ англичанами. Но нѣкоторые путешественники оспариваютъ такое объясненіе обращенія индуса съ европейцемъ и называютъ это качество прирожденнымъ. Будучи очень вѣжливымъ по отношенію къ другому лицу, индусъ въ то же время требуетъ того же и по отношенію къ себѣ.

Обычаи въ обществѣ индуса, выработанные многими вѣками, конечно, могутъ показаться странными европейцу, но они имѣютъ своимъ основаніемъ очень древніе устои и ужъ не такъ дики чтобы не понять чѣмъ они вызваны. Напримѣръ, у индусовъ считается неприличнымъ спросить о здоровьѣ члена семьи женскаго пола, неприлично ѣсть лѣвой рукой, поднять шляпу ею же при отдаваніи поклона,—лѣвая рука нечистая, ею можно совершать только омовеніе. При разговорахъ о дѣлахъ не надо дѣлать догадокъ о будущемъ,—индусъ страшно суевѣренъ. Входя въ домъ, не надо снимать шляпы,—индусъ, самъ не снимающій чалмы, защищающей его голову отъ жары, не видитъ въ этомъ символа уваженія къ его дому, а вотъ обувь

снять надо, такъ какъ индусъ въ домѣ у себя сидитъ на томъ же половникѣ, по которому ходитъ, и обувь здѣсь ему не нужна: она необходима лишь въ дорогѣ, гдѣ пыльно, грязно, больно отъ камней или опасно отъ разныхъ гадовъ. Гость не долженъ первый прощаться: это будетъ означать, что онъ недоволенъ пріемомъ хозяина.

Семейный строй у индусовъ напоминаетъ нашу типичную крестьянскую семью (по словамъ г. А. Краснова). Все управленіе, всѣ деньги, вся власть находятся въ рукахъ старшаго члена семьи. Всѣ остальные находятся у него въ подчиненіи,—онъ деспотически управляетъ семьей: Женщины, во главѣ которыхъ стоитъ также деспотъ—жена главы дома, живутъ отдѣльно отъ мужчинъ.

Индусъ не жестокосердъ, а то женщинѣ здѣсь было бы очень плохо, если принять слѣдующее основное положеніе семейнаго строя: „Мужъ есть религія жены, онъ долженъ быть единственнымъ предметомъ ея заботъ и занятій; онъ долженъ составлять для жены все. Она должна думать и размышлять о мужѣ, какъ о Брамѣ. Его приказанія должны быть святы для нея, какъ наставленія Ведъ. Мужъ жены долженъ быть ея богомъ. Когда онъ доволенъ, Брама доволенъ. Мужъ есть духовникъ и наставникъ жены, ея честь, ея гордость, источникъ ея счастья, основатель ея благосостоянія, ея небо, ея освободитель отъ печали и грѣха“. Рожденіе женщины—несчастье для нея и для ея семьи. Единственно, что остается ей въ удѣлъ,—найти хорошаго мужа и имѣть хорошихъ дѣтей.

Безъ мужа ей нѣтъ основанія существовать, и потому-то она въ полномъ смыслѣ слова раба своего мужа. Она не смѣетъ сама заговаривать съ нимъ, обѣдать вмѣстѣ съ нимъ.

Костюмъ индусовъ не лишенъ изящества и какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ климату. Это—просто длинный кусокъ матеріи, которымъ опоясываютъ талію, пропускаютъ между ногъ и пристегиваютъ сзади, такъ что ноги и все туловище съ руками остаются голыми. Зажиточные индусы носятъ коротенькую рубаху и длинный кафтанъ. Голова покрыта чалмой, размѣры которой соотвѣтствуютъ той или другой кастѣ. Женщины носятъ коротенькую курточку, доходящую до таліи, и большой кусокъ полотна, которымъ онѣ опоясываются, закидывая длинный конецъ его черезъ плечо или покрывая имъ голову.

Хотя каждая каста носить костюмъ по-своему, но общій типъ его остается однимъ и тѣмъ же. Драгоцѣнныя украшенія въ большомъ ходу. Женщины носятъ золотые, серебряные и стеклянные браслеты и кольца на ногахъ и рукахъ; въ ушахъ—всегда солидныхъ размѣровъ серьги. На украшенія, въ которыхъ драгоцѣнные камни и особенно жемчугъ играютъ немаловажную роль, индусъ тратитъ очень много денегъ. Тутъ играютъ роль тщеславіе, суевѣріе, по которому индусъ воображаетъ, что драгоцѣнная вещь можетъ служить талисманомъ-предохранителемъ отъ колдовства, а также и привычка съ давнихъ временъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь еще до вторженія сюда англичанъ превра-

щать свои сбереженія въ драгоцѣнности было выгодно, такъ какъ индійскіе властители не могли ихъ отнимать, благодаря запрещенію этого религіей.

Индійцы, какъ южный народъ, очень горячи. Они могутъ изъ-за всякаго пустяка вступить въ ссору, которая ведется въ такомъ темпѣ и тонѣ, что, кажется, вотъ-вотъ противники сотворятъ или мертвую хватку, или содѣютъ преступленіе; но на самомъ дѣлѣ ссора всегда только ссорой и оканчивается, при чемъ вспышки не ведутъ ни къ какимъ дурнымъ послѣдствіямъ: какъ быстро индусы воспламенились, такъ же быстро и остыли.

Жаркій климатъ Индіи дѣлаетъ возможнымъ пріемъ болѣе умѣренной и легкой пищи. Она и не разнообразна у индуса: рисовая похлебка съ бобами и пряностями, молоко, яйца, плоды — вотъ и все меню состоятельнаго и бѣднаго индуса. Тарелокъ нѣтъ,—ихъ замѣняютъ широкія листья банановыхъ пальмъ, а вмѣсто вилокъ служатъ пальцы; мясо можно не рѣзать, а разрывать зубами. Нѣкоторые индусы совсѣмъ не употребляютъ мяса, нѣкоторые разрѣшаютъ себѣ въ пищу рыбу, а нѣкоторые—и то и другое. Помимо религіозныхъ воззрѣній, тутъ играютъ роль и климатическія условія, такъ какъ чѣмъ умѣреннѣе климатъ, тѣмъ болѣе склонно населеніе къ мясному питанію.

Въ большемъ распространеніи у индусовъ жеваніе бетеля. Это—плодъ пальмы ареки, нѣчто въ родѣ перца или орѣха; жуютъ его завернутымъ въ пальмовый же листъ, намазанный известью. Свое-

образное это кушанье производитъ на человѣческій организмъ возбуждающее дѣйствіе.

Своеобразны обычаи индусовъ. Опишемъ здѣсь похороны.

Къ умирающему буддисту приглашаютъ жреца, который читаетъ у его изголовья священное писаніе. Тѣла лицъ высшей касты или сжигаются или погребаются, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ трупъ кладутъ лицомъ къ землѣ и головою на западъ,—такъ какъ обыкновенно буддистъ спитъ головою на востокъ, чтобы можно было созерцать Индію, откуда пришелъ Будда, а мертвому нельзя давать того же положенія, какъ живому. Трупъ оскверняетъ жилище и потому его стараются скорѣе удалить оттуда. Родственники умершаго распускаютъ волосы, долго причитаютъ и плачутъ, колотя себя въ грудь.

Если умереть жрецъ, то его, одѣтаго въ желтое платье, торжественно несутъ на открытыхъ носилкахъ люди, одѣтые въ траурные, т.-е. въ темно-синіе костюмы. Ноги у трупа связаны, а руки скрещены. Впереди шествія идетъ человѣкъ, выбивающій что-то на тамъ-тамъ, за которымъ шествуютъ слуги, несущіе знамена и эмблемы. За гробомъ двигаются родственники и жрецы. Въ четырехъ углахъ костра стоятъ длинные шесты, къ которымъ прикрѣплены куски бѣлой матеріи. Тѣло, поставленное на костеръ, покрывается бѣлой матеріей. Жрецъ молится. Покрывало снимается, и на его мѣсто на покойника кладутъ рядъ дровъ, а матерію вмѣстѣ съ деньгами раздаютъ бѣднымъ. На костеръ бро-

саютъ поджаренный рисъ. Жрецъ обходитъ три раза костеръ, становясь отъ времени до времени на колѣни и отдавая земной поклонъ, послѣ чего одинъ изъ родственниковъ обходитъ костеръ съ топоромъ въ рукахъ и съ каждой стороны ударяетъ имъ по дровамъ, говоря: „Уничтожаю тѣло великаго жреца!“, послѣ чего беретъ два факела и, стоя задомъ къ костру, зажигаетъ его, оставивъ одинъ факель въ ногахъ трупa, а другой—въ головахъ. Начинаются нестерпимый вой и рыданія. Когда костеръ сгоритъ, вокругъ пепелища втыкаютъ пальмовыя вѣтви въ знакъ того, что это мѣсто священо. Черезъ недѣлю жрецы и родственники собираютъ пепелъ въ сосудъ и ставятъ его въ мавзолей.

Передъ смертью жрецы устраиваютъ нѣкоторые обряды, долженствующіе избавить умирающаго отъ мщенія божества за содѣянные когда-либо прегрѣшенія. Одинъ изъ нихъ, напоминающій по обстановкѣ колдовство, производится такимъ образомъ. Двери дома, гдѣ находится больной, украшены аркой изъ бамбука, освѣщаемой свѣтильной, сдѣланною изъ скорлупы кокосоваго орѣха. Ставятъ жертвенникъ, зажигаютъ на немъ свѣчи, кладутъ бетель, орѣхи и ладанъ. Больной молится; одинъ изъ присутствующихъ кладетъ ему въ руки каменный амулетъ, послѣ чего экзальтація молящагося доходитъ до апогея: у него начинаются конвульсивныя подергиванія, голова живо вертится во всѣ стороны, волосы распустились и болтаются. Это значитъ, что божество вошло въ тѣло болящаго и этими дикими движеніями указываетъ на свое

присутствіе. Скоро больной начинаетъ выкрикивать какія-то безсвязныя слова, что значить, что божество начинаетъ говорить его устами, чѣмъ пользуются, чтобы разспросить его о болѣзни и опредѣлить способъ лѣченія. Когда больной упадетъ на руки близкихъ,—богъ оставилъ его. Есть обряды, во время которыхъ приносятъ въ жертву пѣтуха, рѣжутъ лимоны и исполняютъ дикую, такъ называемую „чертову пляску“, которую придумали въ первомъ вѣкѣ для того, чтобы умиловитъ божество, наславшее на Индію голодъ и чуму.

При похоронахъ женщины, къ ея дому направляются ея знакомыя, которыя еще издали, какъ только завидятъ жилище покойной, начинаютъ отчаянный вой (онѣ были еще и въ ожиданіи смерти) и входятъ въ домъ, откуда выносятъ трупъ, завернутый въ бѣлый саванъ. Одинъ изъ носильщиковъ несетъ сосудъ съ угольями и факель, чтобы зажечь костеръ огнемъ, взятымъ изъ дома скончавшейся. Женщины остаются у дома покойной. Наемная плакальщица затягиваетъ какую-то похоронную пѣсню, а другія женщины отъ времени до времени подхватываютъ мотивъ, ударяя себя въ грудь и отдавая низкіе поклоны землѣ. Послѣ нѣкоторой паузы онѣ затягиваютъ другую пѣсню, во время пѣнія которой поднимаютъ обѣ руки вверхъ и низко кланяются и колотятъ обоими кулаками себя въ грудь. Мужчины не входятъ въ домъ. На другой день—та же исторія. Мужчины разводятъ огонь около дома и варятъ здѣсь себѣ пищу. Приходятъ женщины; начальница похоронной проце-

дуры выходить къ нимъ, бросается на землю, затѣмъ на шею каждой посѣтительницѣ, которыя передъ этимъ колотили себя въ грудь, обнимаетъ ее, накрываетъ своимъ платкомъ ей голову и причитаешь; та вторитъ ей. Послѣ этого женщины входятъ въ домъ, гдѣ продолжаютъ выть. Послѣ захода солнца устраивается обѣдъ, для мужчинъ—вънѣ дома, для женщинъ—внутри.

Похороны индійскихъ князей совершаются очень торжественно. На другое утро послѣ смерти трупъ одѣваютъ въ дорогія, вышитыя золотомъ и украшенныя драгоценными камнями, одежды. Его сажаютъ на носилки и торжественно несутъ къ мѣсту сожженія въ сопровожденіи свиты и музыкантовъ, впереди же кортежа шествуютъ два слона, нагруженные золотыми и серебряными монетами на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, которыя черезъ каждые сто шаговъ бросаются горстями въ толпу. Изъ-за нихъ, конечно, начинается каждый разъ настоящая свалка. Трупъ кладутъ на костеръ; брамины читаютъ молитвы и зажигаютъ дрова, а толпа начинаетъ испускать оглушительные вопли. Пепелъ, въ который превратился трупъ, охлаждается въ теченіе двухъ дней, а затѣмъ собирается и относится во дворецъ, откуда въ свое время его посылаютъ съ приложеніемъ денегъ по разнымъ святымъ мѣстамъ. Со дня смерти тысячи жрецовъ получаютъ въ теченіе нѣкотораго времени бесплатную пищу—поминку и по рупіи на каждого деньгами. Всѣ жители княжества въ знакъ печали обриваютъ свои головы.

Когда-то на костеръ, на которомъ сжигали трупъ мужа, всходила его вдова, и ее сжигали заживо вмѣстѣ съ трупомъ мужа. Это невѣроятное „когда-то“ отмѣнено англичанами только въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія.

Собственно говоря, вдовъ никто насильно не заставлялъ совершать свое собственное сожженіе, но человѣчество такъ уже устроено, что обычаи и общественное мнѣніе часто сильнѣе всякой грубой власти. И здѣсь вдова, не согласившаяся бы сама взойти на костеръ, на которомъ положенъ ея мужъ, можетъ быть и не любимый ею, заслужила бы только презрѣніе и насмѣшки. Самый обрядъ сожженія совершался очень торжественно: роскошно одѣтая вдова, — принявшая, кстати сказать, большую дозу опиума, которая затмила бы разсудокъ не только женщины, но и слона, — идетъ торжественно, сопровождаемая толпой, неумолчно воющей. Она всходитъ на громадный котеръ и бросается на грудь трупа мужа, завернутый въ бѣлую кисею. Вопли толпы въ это время достигаютъ апогея, такъ какъ иначе слышны бы были вопли вдовы, — костеръ въ этотъ моментъ зажигаютъ со всѣхъ сторонъ. Пепелъ впрочемъ и мужа и жены хранится въ урнѣ.

Возмутительный обычай этотъ отмѣненъ не въ силу сознанія его варварства самимъ населеніемъ, а силой завоевателей, и спасенная отъ сожженія женщина врядъ ли выиграла, если принять въ расчетъ отношеніе къ вдовѣ даже у современныхъ индусовъ, которое сохранилось къ ней, вѣроятно, въ силу убѣжденія, что она послѣ смерти

мужа не представляет изъ себя человѣка, а какой-то ненужный остатокъ покойника. Отношеніе къ ней родителей мужа или ея собственныхъ, если она переселилась къ нимъ, ужасно: она не смѣетъ сидѣть рядомъ съ ними, кормятъ ее отбросами со своего стола, она не смѣетъ надѣвать украшеній, цвѣтныхъ матерій и т. д. Единственно, что ей дозволяется, это—выполненіе самыхъ тяжелыхъ, часто унижительныхъ и непосильныхъ работъ.

Каждая каста имѣетъ опредѣленное время для свадебъ. Точно время указывается астрологомъ, отыскивающимъ наиболѣе благопріятный для брачующихся моментъ. Собственно церковный обрядъ сводится къ тому, что молодыхъ обводятъ вокругъ огня три раза, приносятъ богу жертву и сшиваютъ одежды ихъ. Домъ, гдѣ совершается пиршество, усиленно моется, чистится; гости надѣваютъ новыя платья.

Индусъ можетъ брать себѣ столько женъ, сколько хочетъ. Мужчина высшей касты дѣлаетъ честь женщинѣ низшей касты, женись на ней; въ такихъ случаяхъ социальное положеніе уравнивается приданымъ. Индусъ не беретъ своихъ женъ къ себѣ: онѣ проживаютъ у родителей, а индусъ навѣщаетъ ихъ и живетъ у нихъ по очереди. Женщина, сходящаяся съ европейцемъ, здѣсь, несмотря на то, что бракъ почитается вообще вещью довольно простой, пользуется всеобщимъ презрѣніемъ, а потомство—еще большимъ презрѣніемъ, чѣмъ совсѣмъ бѣлый человѣкъ. Метисы отъ индуски и европейца, какъ оказывается, бываютъ

почти всегда некрасивы и наследуютъ отъ матери ея качества—легендарное стремленіе ко лжи.

Женихъ, закутанный пурпуровой мантией и въ чалмѣ, покрытой блестящими лоскутами, плетенками, лентами и кистями, почти совсѣмъ закрывающими его лицо ѣдетъ, верхомъ въ сопровожденіе пѣшихъ родственниковъ и друзей къ дому невесты. Онъ слѣзаетъ у ея дома, но внутрь его не пускаютъ; тогда онъ отправляется со своей свитой назадъ, послѣ чего къ дому невесты подъѣзжаетъ крытая телѣга; подружки вызываютъ ее, сажаютъ въ экипажъ и, провожая ее пѣшкомъ, отвозятъ въ домъ жениха.

Праздники у индусовъ продолжаются по нѣсколько дней. Одинъ изъ важныхъ праздниковъ—Варушъ-Парупу или новый годъ. Празднуется онъ шумно; индусы пачкаютъ другъ друга желтой, темной или красной краской, мажутъ ею же себѣ лобъ и щеки и устраиваютъ торжественное шествіе, которое открывается тамъ-тамомъ или скрипками. Толпа народа ходитъ изъ дома въ домъ, гдѣ выпивается немалое количество тодди.

Разъ зашелъ разговоръ о праздникахъ, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о прославленныхъ индійскихъ пѣвицахъ и танцовщицахъ—баядеркахъ.

Одѣваются онѣ обыкновенно роскошно и очень скромно. Три человѣка акомпанируютъ пѣнію и движеніямъ артистки цимбалами и барабанами. Одновременно на сценѣ бываетъ одна баядерка, другія лежатъ тутъ же на землѣ, хлопаютъ въ актъ въ ладоши и подпѣваютъ хоромъ. Пѣніе со-

стоять по большей части изъ речитативовъ, которые отъ времени до времени прерываются вскрикиваніями пѣвицъ, а танцы заключаются въ томъ, что баядерка, топая ногами, къ которымъ привязаны погремушки, кружится на одномъ мѣстѣ, стараясь придать своему тѣлу волнообразное движеніе. Въ общемъ и пѣніе и танцы очень монотонны и довольно снотворны.

Сейковъ въ Индіи насчитывается менѣе 2 милліоновъ человѣкъ, поселившихся преимущественно въ восточномъ Пенджабѣ. Ихъ святилище золотой храмъ находится въ Амритсарѣ.

Сейки представляютъ изъ себя религіозную секту, отдѣлившуюся отъ другихъ индузовъ. Основатель секты Нанекъ, учившій единству и вездѣсущію Высшаго Существа, предъ Которымъ всѣ люди равны. Онъ запретилъ потребленіе коровьяго мяса, а чтобы нѣсколько сблизить свое вѣроученіе съ магометанствомъ—запретилъ потребленіе и свинины. Онъ проповѣдывалъ нравственную жизнь. Обращеніе въ секту, по его ученію, должно производиться только путемъ нравственнаго воздѣйствія, безъ употребленія насилія. Стоявшій во главѣ секты Гаръ-Говиндъ объявилъ войну магометанамъ и разрѣшилъ сейкамъ употребленіе свинины. Съ этого момента мирная до тѣхъ поръ жизнь сейковъ приняла даже бурный характеръ. Для приѣма въ секту установлены особые обряды. Такъ посвящаемый долженъ омыть ноги, бросить въ воду кусокъ сахара, помѣшать ее кинжаломъ и затѣмъ выпить. Посвященный не долженъ брить волосъ

на головѣ и лицѣ, не долженъ курить, можетъ носить оружіе; одежда должна быть голубого цвѣта, на рукахъ обязательны стальные браслеты. Очень вліятельный сектантъ Банда хотѣлъ создать нѣкоторыя измѣненія въ вѣроученіи, но это создало расколъ, и приверженцы старины отдѣлились и до сихъ поръ составляютъ самую фанатическую часть индусовъ. Называются они акали, т.-е. безсмертными воинами Бога. Послѣ смерти Банды сейки раздѣлились на союзы, которые стали управляться отдѣльными начальниками—сирдарами, иногда собиравшимися для рѣшенія болѣе важныхъ общественныхъ дѣлъ. Въ 1849 году сейки возмутились противъ англичанъ, но были жестоко разбиты и съ этого момента утратили свое значеніе и даже самостоятельность, такъ что теперь полки, вербуемые изъ сейковъ, считаются англичанами наиболѣе надежными въ смыслѣ вѣрности, хотя сейки всегда были ярыми противниками убоя животныхъ и на этой почвѣ у нихъ всегда возможны новыя вспышки недовольства.

Сейки не признаютъ браминовъ, за что со стороны ихъ пользуются презрѣніемъ, и не признаютъ также священной книги Ведъ, которую у нихъ замѣняетъ наставитель въ вѣрѣ и жизни—книга „Грантъ“ (нарицательное имя, означающее книгу). Женятся сейки позже индусовъ, и это отзывается на ихъ здоровьѣ и потомствѣ въ благоприятную сторону.

Гонды, населяющіе преимущественно Нарбатскую долину, получившую названіе по имени рѣки, впа-

дающей въ Аравійское море, придерживаются паптеистической религіи. Они занимаются шахтовыми работами, при выполненіи которыхъ совершаютъ много нелѣпыхъ обрядовъ: напримѣръ, прежде чѣмъ взорвать камень, прикасаются къ нему охрою, кладутъ передъ нимъ горсть рису и ставятъ чашку съ водой, чтобы выпросить у бога копи разрѣшеніе на ломку камня.

Ассанцы—красивый народъ съ довольно свѣтлой кожей. Они крѣпко сложены, ловки, умны, смѣтливы. Но на ряду съ ними тутъ же живутъ дикари—нагасы, у которыхъ социальное положеніе опредѣляется татуировкой.

Парсы или огнепоклонники—потомки древнихъ персовъ, изгнанныхъ изъ своей родины магометанами—завоевателями. Они поселились въ Индіи одиннадцать вѣковъ тому назадъ, и теперь ихъ здѣсь насчитывается 70000 человекъ, поселившихся преимущественно въ Бомбейскомъ президентствѣ. Свою религію, какъ это уже говорилось въ статьѣ о Персіи, они заимствовали изъ ученія Зороастра. Религія ихъ монотеистическая, т.-е. признающая одного бога (пантеизмъ—многобожіе), и такимъ образомъ они представляютъ совершенно отличную часть населенія отъ преобладающаго—индусовъ, исповѣдующихъ браминизмъ. Парсомъ надо родиться такъ какъ въ эту секту обращенныхъ быть не можетъ. Основное ученіе ихъ религіи сводится къ слѣдующему: хорошія мысли, хорошія слова и хорошія дѣла.

Живутъ парсы довольно благоустроенной жизнью.

Комнаты у нихъ убраны по-европейски: тутъ можно найти и столы и стулья, зеркала и даже картины.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ широкихъ шароваръ, рубашки и длиннаго кафтана, причемъ первая чаще всего дѣлаются изъ бѣлой шелковой матеріи, а послѣдній—изъ бѣлаго колленкора. Женщины одѣваются такъ же, какъ и индіанки, но костюмы готовятъ изъ болѣе плотной матеріи. Драгоцѣнныя украшенія въ большемъ распространеніи не только у женщинъ, которыя, кажется, безъ нихъ жить не могутъ, но даже и у дѣтей. Рубаха имѣетъ какое-то отношеніе къ религіи и должна быть сшита особымъ образомъ.

Непремѣнной частью костюма считается поясъ—шнурокъ, два раза охватывающій талію. Во время молитвы этотъ поясъ снимается и держится въ рукахъ. Не носящій пояса исключается изъ общества, а сдѣлка, совершенная при отсутствіи поясовъ на сговаривающихся, считается незаконной. Дѣти до девятилѣтняго возраста не считаются членами общества, и имъ даже разрѣшается то, чего никогда не позволитъ себѣ взрослый парсъ, — ѣсть пищу, приготовленную христіаниномъ, а дѣвочки могутъ ходить куда угодно. Съ наступленіемъ же этого возраста дѣти получаютъ поясъ и уже пользуются нѣкоторыми правами и принимаютъ на себя извѣстныя обязанности: мальчикъ можетъ садиться за столъ со старшими, дѣвочка лишается свободы.

Парсъ можетъ имѣть только одну жену; но если она въ теченіе девяти лѣтъ останется бездѣтной или дала только дочерей, то мужъ можетъ же-

ниться на другой, не бросая впрочемъ заботъ о первой женѣ. На разводъ требуется согласіе жены, которая также имѣетъ право вторичнаго выхода замужъ.

Женщины у парсовъ, какъ и у индусовъ, не показываются въ общественныхъ учрежденіяхъ. Дома онѣ живутъ отдѣльно отъ мужчинъ, ѣдятъ—также, но все-таки пользуются большей свободой: онѣ могутъ, напримѣръ, сидѣть безъ покрывала у окна, выходящаго на улицу, и даже, хотя и не всегда, сидѣть съ открытымъ лицомъ при гостѣ мужского пола.

Во время обѣда у парсовъ на голый столъ ставятъ плоскіе хлѣбцы, замѣняющіе тарелки. Передъ ѣдою моютъ лицо и руки. Мясо отрываютъ правой рукой и кладутъ въ ротъ такъ, чтобы пальцы не коснулись губъ, если же коснутся, то руки опять моются. При питьѣ сосуды также не прикасаются къ губамъ, а жидкость вливается въ ротъ.

Женихи дѣвушкамъ назначаются съ дѣтства и замужъ послѣднихъ выдаютъ въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Если женихъ умретъ, родители дѣвушки могутъ искать ей другого жениха, что непременно дѣлается, такъ какъ неимѣніе жениха дочерью считается позорнымъ для ея отца.

Парсы, несмотря на свою малую численность, имѣютъ большое значеніе для страны. Это по преимуществу богатый торговый народъ. Въ ихъ рукахъ находится вся торговля опиумомъ, имъ же принадлежитъ почти вся мануфактурная промышленность страны. Болѣе свободные отъ религіоз-

ной нетерпимости огнепоклонники охотно получают солидное, часто даже и высшее образование и болѣе другихъ народностей склонны къ сближенію съ англичанами, за что послѣдніе съ своей стороны платятъ имъ большимъ по сравненію съ другими покровительствомъ.

Помимо того, что парсы наиболѣе другихъ населяющихъ Индію туземцевъ способны къ воспріятію цивилизаціи, они и устроились здѣсь лучше, такъ что по справедливости считаются наиболѣе зажиточнымъ здѣсь племенемъ. Они очень трудолюбивы, склонны къ занятіямъ промыслами и торговлей. Они щедры, и потому среди нихъ нѣтъ нищихъ. Они владѣютъ лучшими участками земли, которые вдобавокъ еще очень хорошо обработаны. Лучшіе дома, арендуемые въ Индіи европейцами, принадлежатъ имъ же.

Парсы носятъ бѣлые панталоны и бѣлую рубаху, сверхъ которой въ торжественныхъ случаяхъ набрасываютъ шаль; отличительная часть ихъ костюма, это—пирамидальная шапка изъ чернаго лакированного полотна съ небольшими желтоватыми узорами (дома вмѣсто нея они носятъ черную шелковую ермолку). Жрецы носятъ бѣлую митру. Женщины носятъ небольшой корсажъ и шаровары, голову покрываютъ кускомъ матеріи.

Цвѣтъ кожи у парса свѣтлѣе, чѣмъ у индуса. Лобъ покатый. Глаза умные, живые. Походка спокойная. Типъ очень чистъ, благодаря тому, что смѣшенія путемъ браковъ съ другими сектами у нихъ не бываетъ.

Храмы парсовъ очень незатѣйливы и скромны. Не принадлежащіе къ ихъ кастѣ туда ни подъ какимъ видомъ не допускаются. Въ храмахъ горитъ неугасаемый огонь, и парсы увѣряютъ, что костеръ, горящій въ ихъ главномъ храмѣ, зажженъ еще самимъ Зороастромъ.

При каждомъ храмѣ состоитъ довольно много жрецовъ, которые тутъ называются магами. Въ отличіе отъ простыхъ парсовъ они носятъ бѣлую чалму.

Каждый парсъ долженъ молиться четыре раза въ день и на каждую молитву употреблять часъ времени, но жрецъ за извѣстную мзду можетъ сократить молитвенное время.

Солнце считается величайшимъ и священнѣйшимъ огненнымъ свѣтиломъ, и парсы поклоняются ему, какъ божеству, молясь ему и встрѣчая кликами радости и восторга его восходъ.

Отвратительный способъ погребенія покойниковъ принятъ у парсовъ. Ихъ кладбища называются „башнями молчанія“. Эти громадныя цилиндрическія сооруженія изъ темнаго гранита даже на человѣка, не знающаго ихъ назначенія, производятъ отталкивающее впечатлѣніе своимъ мрачнымъ, мертвеннымъ видомъ. Башни эти имѣютъ сажени 4 въ вышину и саженой 30 въ окружности. Внутри вырыта огромная яма сажени въ двѣ глубины, а внутренность цилиндра заполнена лучеобразными стѣнами и концентрическими кругами, дѣлящими ее на 72 отдѣленія. Наружныя отдѣленія

предназначаются для труповъ мужчинъ, промежуточные—женщинъ, а центральныя—дѣтей.

Труны приносятся въ эти башни особыми носильщиками-священнослужителями, которыхъ здѣсь называютъ насасаларъ. Сословіе это живетъ особнякомъ отъ другихъ парсовъ; оно за свою работу получаетъ очень хорошій гонораръ, но пользуется презрѣніемъ. Трупъ вносятъ и кладутъ въ одно изъ отдѣленій вѣшной стѣны башни гдѣ постоянно сидятъ ожидающіе добычи коршуны, которые набрасываются и терзаютъ трупъ. Черезъ двѣ недѣли голый скелетъ уже высыхаетъ, и тѣ же носильщики бросаютъ его въ яму. Если яма наполнится костями доверху, персы устраиваютъ новую „башню молчанія“, и въ Бомбеѣ, на примѣръ, такихъ милыхъ сооруженій 6, при чемъ одно изъ нихъ предназначено исключительно для казненныхъ.

Правомъ входа въ эти кладбища пользуются только носильщики; никто, кромѣ нихъ, не смѣетъ не только входить туда, но даже и подходить ближе чѣмъ на нѣсколько саженой къ нимъ.

Огнепоклонники отдають тѣла своихъ покойниковъ на растерзаніе птицамъ, исходя изъ того убѣжденія, что погребать трупъ въ землю—значить осквернять ее, а сжигать—осквернять огонь,—самый чистый элементъ, символъ вѣчнаго и милостиваго Бога.

Существуетъ у нихъ странный обычай впускать въ комнату умирающаго собаку, которая, по мнѣнію парсовъ, одарена способностью отгонять злыхъ

духовъ, пришедшихъ сюда для того, чтобы овладѣть душой покойника.

Заканчивая описаніе индійскихъ племенъ, считаемъ необходимымъ оговориться. Мы ни единымъ словомъ пока еще не обмолвились ни о знаменитыхъ факирахъ, слава о фокусахъ которыхъ обошла весь міръ, ни о заклинателяхъ змѣй.

Факиры—то же, что у магометанъ дервиши,—бездѣльники, эксплуатирующіе народъ на почвѣ религіознаго фанатизма.

Эти господа, якобы посвятившіе себя „религіозному созерцанію“, просто-напросто отрѣшились отъ желанія что-нибудь дѣлать, благо само населеніе и особенно женская половина его, несмотря на презрительное къ нимъ отношеніе, поддерживаетъ ихъ довольно щедрыми подачками, обезпечивающими факирамъ безбѣдное существованіе. Не говорили мы о фокусахъ по той простой причинѣ, что они, вопреки розсказнямъ такихъ авторовъ, какъ г-жа Радда-Бай, Жаколліо и дюжины другихъ, ничего изъ себя не представляютъ особеннаго и доступны не только факирамъ, но и нашимъ Ленцу, Пеэру-Петрову и другимъ профессорамъ магіи всѣхъ цвѣтовъ. Факиръ, напримѣръ, выращиваетъ на ладони въ одну минуту травку; публика, заранѣе разинувъ ротъ, думаетъ, что она дѣйствительно выросла на такой странной почвѣ и не хочетъ замѣтить, что только, что появившееся растеніице уже попорчено какимъ-то паразитомъ. Факиръ прокалываетъ себѣ щеки вязальной иглой и кровь не течетъ,—удивительное событіе, если принять въ

расчетъ, что отверстія для иглы давно уже приготовлены и края этихъ дырочекъ давно уже зажили. Факиръ рѣжетъ себѣ палецъ и кровь останавливается по его приказанію, — любая кухарка, обрѣзавшая себѣ руку, сумѣетъ остановить кровь.

Заклинатели страшныхъ очковыхъ змѣй, укусы которыхъ безусловно смертеленъ, тоже никакого чуда не продѣлываютъ, если замѣтитъ, что ядовитые зубы, единственное оружіе змѣи, вырваны. Что змѣя приподымается, слышавъ пѣсенку, наигрышаемую заклинателемъ на флейтѣ, тоже ничего нѣтъ удивительнаго, такъ какъ змѣя очень любитъ музыку, и, думается, нашъ какой-нибудь Ванька изъ любой сапожной мастерской могъ бы покорить сердца всѣхъ змѣй Индіи своей тульской гармошкой.

Единственно, что въ этомъ отношеніи интересно въ Индіи, это—жонглеры, но и тѣ хуже китайскихъ и японскихъ.

Мы описали только главнѣйшихъ представителей индійскаго населенія. Какъ уже было сказано, оно дѣлится на такую массу племенъ и особенно кастъ (около 1000 послѣднихъ), что для описанія всѣхъ ихъ понадобилась бы не небольшая книжечка, а сотня солидныхъ томовъ.

Въ заключеніе опишемъ два главныхъ города Индіи—Бомбей и Калькутту.

Бомбей—самый большой городъ Индіи. Болѣе половины ввоза и вывоза проходитъ чрезъ его таможни. Какъ только пароходъ остановится въ бухтѣ, сотни лодокъ окружаютъ его, и палуба заполняется носильщиками, отельными коммиссіоне-

рами, продавцами и встрѣчающими. Шумъ и гвалтъ стоятъ невыносимые. Вся бухта заполнена дымящимися, очень красивыми пассажирскими и черными, перьяшливыми грузовыми пароходами; маленькія суденышки шмыгаютъ взадъ и впередъ,—настоящая биржевая гавань.

Въ городѣ снуютъ туземцы въ своемъ изящномъ безкостюмнѣ и внушительныхъ тюрбанахъ. Посреди города находится рынокъ—громадный каменный ящикъ со множествомъ лавокъ и садомъ посрединѣ. Городъ, какъ и другіе, дѣлится на европейскую и туземную части. Европейская часть неинтересна, туземная же чрезвычайно эффектна, благодаря той величавой простотѣ, какую придаютъ ей плохенькія избушки на ряду съ чудной флорой.

Калькутта (здѣсь этотъ городъ, какъ это часто бываетъ, произносится иначе—Калькотта) лежитъ при истокѣ одного изъ многочисленныхъ рукавовъ Ганга. Городъ раздѣляется на двѣ части:—Бѣлый и Черный городъ. Первый, населенный преимущественно европейцами, имѣетъ видъ вполне европейскій. Тутъ широкія прямыя улицы, великолѣпные дворцы присутственныхъ мѣстъ и богатыхъ англичанъ. Чудные магазины имѣютъ все, что можетъ потребовать человѣкъ, привыкшій къ европейскимъ комфорту и роскоши. По городу расположены скверы съ ихъ чудной тропической растительностью, а за городомъ, въ каждой его части имѣются богатые скверы—парки. Туземная часть города или Черный городъ—типичный восточный городокъ съ его узкими грязными улицами, ма-

ленькими домишками, крошечными лавченками, торгующими всякой дрянью, и чисто восточной грязью.

Калькутта—университетскій городъ и зданіе университета—очень красивый дворецъ. Преподаваніе здѣсь ведется нѣсколько иначе, чѣмъ у насъ. Тутъ только читаются лекціи, а практическія занятія производятся въ музеяхъ и лабораторіяхъ, содержащихся за счетъ города.

По Гангу непрерывною вереницей снуютъ груженные пароходы, корабли, баржи и лодки, выбрасывающіе содержимое въ склады, расположившіеся по грязной суетливой набережной.

Жара въ Калькуттѣ днемъ нестерпимая, и это способствуетъ тому, что путникъ здѣсь на фонѣ европейскихъ дворцовъ можетъ видѣть шествующихъ индусовъ въ своихъ далеко необременительныхъ костюмахъ. Въ самомъ дѣлѣ, европейская улица, отличный тротуаръ, великолѣпныя зданія, сдѣлавшія бы честь любому городу Запада,—и темно-бронзовые господа, одѣвшіе поверхъ адамова костюма лишь полосочки кисейки вокругъ талии и пропустившіе ихъ между ногъ съ заду на передъ,—контрастъ, не часто наблюдаемый.

Въ Калькуттѣ много театровъ. Здѣсь вмѣсто стульевъ разставлены скамейки, на которыхъ можно и лежать, и устроены закрытыя ложи для женщинъ. Тутъ даются оперы, драмы, комедіи. Между прочимъ здѣсь даются такія содержательныя и поучительныя пьесы, какъ „Тысяча и одна ночь“ при довольно скромной, чтобы не сказать болѣе, постановкѣ. Разговоры на сценѣ все время чере-

дуются съ пѣніемъ подѣ довольно заунывныя мелодіи оркестра. Мелодіи эти музыкальны и пріятны.

Азіатская часть города такая же, какъ и во всѣхъ городахъ востока,—узенькія неряшливыя улицы, масса лавченоекъ.

Неизвѣстно, какъ бы сложилась жизнь индусовъ безъ вліянія на нихъ англичанъ, но за послѣднее время замѣтно значительное движеніе въ сторону социальныхъ реформъ, которое выражается преимущественно въ томъ, чтобы улучшить положеніе женщины, находящейся здѣсь въ совершенно рабскомъ, даже хуже, положеніи, и уравниеніи правъ туземцевъ съ правами англичанъ. Въ отношеніи женщинъ прежде всего высказывается стремленіе къ тому, чтобы возрастъ вступающихъ въ замужество дѣвушекъ былъ повышенъ, такъ какъ по индусскому обычаю дѣвочка 8—10 лѣтъ должна вступать въ бракъ, хотя бы и номинально. Это отражается на здоровьѣ матерей, а въ случаѣ овдовѣнія такихъ женщинъ или даже дѣвицъ (бракъ можетъ быть и номинальнымъ при такихъ условіяхъ, а стало-быть и дѣвица можетъ быть здѣсь вдовой), онѣ лишены права вторичнаго выхода замужъ. Кромѣ того вдовы въ домѣ своего покойнаго мужа врядъ ли пользовались лучшею участію своихъ предшественницъ, которыхъ еще въ первой четверти XIX столѣтія сжигали на кострѣ. Онѣ должны выполнять самыя тяжелыя и унижительныя работы, а въ видѣ гонорара за это на ихъ долю приходилось отвратительное питаніе чуть не отбросами, звѣрское обращеніе съ ними и чуть не сплош-

ной постъ. Защиту на себя женщинъ въ этомъ отношеніи взяли нѣсколько организованныхъ здѣсь обществъ. И эти реформы для Індіи много значать.

Еще дальше идутъ стремленія населенія относительно уравнинія правъ туземцевъ и англичанъ. Помимо созданія правъ для первыхъ службы во всѣхъ учрежденіяхъ, равныхъ съ послѣдними, они хотятъ создать всесловный парламентъ и даже уже имѣютъ нѣчто въ родѣ этого, хотя пока и безъ правъ. Это — конгрессъ мѣстныхъ дѣятелей, на которомъ обсуждаются многіе вопросы изъ текущей общественной жизни; обсуждаются они довольно платонически, такъ какъ реальнаго значенія обсужденіе этихъ вопросовъ не имѣетъ, тѣмъ не менѣе къ нему прислушивается Великобританія, чуя въ этомъ отголосокъ настроенія массы.

Мало этого — болѣе свободолюбивые индусы надѣются со временемъ изгнать изъ своей страны англичанъ и основать здѣсь обширное свободное государство и ужъ, конечно, не такое слабое, какимъ было ранѣе сборище мелкихъ владѣній, разбѣдаемыхъ и отсутствіемъ внутренняго порядка, и вѣчной враждой другъ съ другомъ. Англичане все-таки научили кое-чему индусовъ.

Цейлонъ.

Цейлонъ управляется самостоятельно губернаторомъ, зависимымъ не отъ индійскаго правительства, а отъ министерства колоній Англіи. Островъ перешелъ во владѣніе англичанъ въ 1815 году. Поверхность его равна 25000 кв. миль, населеніе исчислялось въ 1890 году въ 3000000 душъ, изъ коихъ сингалезовъ было почти 2000000, тамилловъ 750000, мавровъ 220000, оравовъ 21000 и европейцевъ 6000. Климатъ Цейлона болѣе умѣренъ, чѣмъ въ Индіи, благодаря тому, что воздухъ здѣсь всегда влажнѣе—такъ средняя температура здѣсь 22° по Реомюру, средній максимумъ 24°, а средній минимумъ 19¹/₄°. Всѣ эти условія создали здѣсь чудную тропическую растительность.

Населеніе Цейлона сильно отличается отъ населенія сосѣдней Индіи. Цейлонцы дѣлятся на три группы: сингалезовъ, тамилловъ и веддаховъ или ведасовъ. Сингалезы средняго роста, круглолицы, смуглы; черты лица тонки и нѣсколько женственны; сложены красиво и стройно, но не сильны. Женщины красивы, граціозны, но въ нихъ поражаетъ какая-то рабская робость во взглядѣ. Климатъ отразился на характерѣ сингалеза, и онъ представляетъ изъ себя лѣниваго, безпечнаго жителя юго-востока, но обладающаго хитростью и сообразительностью. Сингалезъ не такъ простъ, не такъ вѣжливъ, какъ индусъ. Тутъ несомнѣнно играетъ роль и историческія судьбы страны. Долговременная тиранія убила

характеръ и самостоятельность населенія, а вторженіе европейскихъ завоевателей вызвало, конечно, протестъ, который не находитъ однако естественнаго выхода и замѣняется хитростью.

Насколько индусъ непоколебимъ и стоекъ въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, настолько же сингалецъ легкомысленъ и способенъ несерьезно относиться къ исповѣдываемому имъ вѣроученію. Впрочемъ, горные сингалезы сильнѣе и тѣломъ, и духомъ. Исповѣдуютъ жители Цейлона буддизмъ.

Костюмъ сингалеца приноровленъ къ климату, но некрасивъ. Это—кусокъ бѣлаго коленкора, обвертывающаго талію и спускающагося внизъ въ видѣ юбки; на плечи надѣвается бѣлая же жилетка, открытая снизу, или нѣчто въ родѣ женской кофты. Голова всегда открыта. Курьезно, что мужчины, не стригущіе, какъ и женщины, волосъ, зачесываютъ ихъ въ видѣ шиньона и прищипливаютъ двумя гребнями, снабженными тонкимъ украшеніемъ и довольно значительно поднимающимися надъ головой; благодаря этой причeskѣ и юбкѣ сингалецъ очень похожъ сзади на женщину. Большинство сингалезовъ ходятъ босикомъ, но богатые, подражая европейцамъ, завели у себя носки и башмаки, совсѣмъ не гармонирующіе со всѣмъ упрощеннымъ костюмомъ. Женщины одѣваются такъ же, какъ и мужчины, но гребней не носятъ, а на плечахъ носятъ не жилетку, а непремѣнно кофточку, закрывающую грудь. Серьги носятъ и мужчины и женщины. Женщины носятъ украшенія, но они не играютъ здѣсь той роли, какая отводится имъ въ Индіи.

Кастовые предразсудки имъ тоже не чужды, но они не такъ рѣзко выражены, какъ въ Индіи, и здѣсь касаются они главнымъ образомъ браковъ, и въ этомъ отношеніи сингалезы крайне стойки.

Жаркій климатъ даетъ возможность сингалезу не особенно заботиться и о жилищѣ, благодаря чему почти все время проводится имъ на открытомъ воздухѣ. На случай же непогоды они заготавливаютъ себѣ какую-то глинобитную будочку безъ оконъ, покрытую сплетенными листьями кокосовыхъ пальмъ. Внутренняя обстановка часто состоитъ изъ одного куска циновки. На пищу сингалезы, какъ и индусы, нетребовательны: горсть риса, приправленнаго мѣстнымъ огненнымъ перцемъ, и фрукты вполне ихъ удовлетворяютъ.

Какъ наркотикъ, сингалезъ употребляетъ бетель, который здѣсь готовится изъ листа перца, въ который завернуть кусокъ плода арековой пальмы; кромѣ этого онъ жуетъ постоянно табакъ, а за послѣднее время сталъ пить и чай, заимствуя этотъ обычай, очевидно, у европейцевъ (привычка пить чай распространилась въ Европѣ съ востока—изъ Азіи).

Живутъ сингалезы обыкновенно деревнями, которыя, благодаря дивной растительности, здѣсь всегда утопаютъ въ зелени. Почти въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ поселкѣ имѣется буддійскій храмъ.

Помимо этихъ обитателей Цейлона, здѣсь есть еще, такъ называемые, веддахи или ведасы—дикари, населяющіе лѣса. Цивилизація, внесенная на островъ,

не коснулась еще этого племени, получившаго свое названіе отъ индійскаго слова „лукъ“ благодаря тому, что это—пока единственное оружіе ихъ для охоты, добычею которой они преимущественно питаются. Они скрываются въ дѣвственныхъ лѣсахъ и пещерахъ, одѣваются волокнами и листьями пальмовыхъ растеній. У нихъ допустимо многоженство, и мужъ послѣ годичнаго сожительства съ женой можетъ отослать ее обратно, не объясняя причинъ. Они признаютъ единаго Бога, но на ряду съ этимъ поклоняются духу лѣса и духу воды и полагаютъ, что души умершихъ родственниковъ являются на землю, чтобы мстить или вообще вредить. Веддахи, занятые обработкой земли, вступаютъ въ болѣе частыя сношенія съ другимъ населеніемъ острова и потому стали гораздо общительнѣе своихъ сородичей—жителей непроходимыхъ лѣсовъ.

Тамилы—почти чернаго цвѣта. Лица у нихъ были бы очень красивы, если бы не плоскій носъ. Тамилы менѣе развиты и способны чѣмъ сингалезы, но зато гораздо трудолюбивѣе ихъ и честнѣе. Число ихъ здѣсь быстро растетъ, благодаря тому, что англичанамъ приходится вывозить ихъ изъ Индіи, такъ какъ лѣнныя сингалезы не хотятъ нести тяжелыхъ работъ на плантаціяхъ. Живутъ тамилы просто и часто очень бѣдно. Одежда ихъ состоитъ изъ куска матеріи на бедрахъ. Среди тамилловъ есть мусульмане и буддисты.

На Цейлонѣ проживаетъ еще племя—баніане, составляющее зажиточную часть населенія. Баніане исповѣдуютъ джайнскую религію, представляющую

секту буддизма. Джаинъ полагаетъ, что Бога можно познать, только переставъ быть самимъ собой и погружившись всецѣло въ созерцаніе его; путемъ добродѣтели и безукоризненнаго поведенія можно достигнуть всевидѣнія и непогрѣшимости. Они воздерживаются отъ потребленія мясной пищи и убіенія животнаго. Боязнь послѣдняго доходить до того, что сектантъ, идя, смотритъ подъ ноги, чтобы не наступить, а сядясь—смахиваетъ мѣсто, чтобы не раздавить какого-либо животнаго; ротъ они держатъ закрытымъ, чтобы туда не влетѣло какое-нибудь насѣкомое. Изъ опасенія причинить смерть животнымъ получилось стремленіе уменьшить страданія ихъ и въ Бомбеѣ, напримѣръ, есть цѣлыя госпитали, гдѣ лѣчатся всевозможнаго вида животныя. Баніане носятъ высокую чалму съ маленькимъ рогомъ надо лбомъ.

Есть тутъ и мавры, которые поселились на островѣ съ восьмого столѣтія. Это—наиболѣе симпатичная часть населенія. Они очень трудолюбивы, энергичны, прямодушны и умны. Они сильны и храбры. Лица у нихъ мужественны и въ нихъ не замѣтно рабской приниженности. Они лучше питаются, чѣмъ все остальное населеніе острова, и нравственнѣе его. Мавры исповѣдуютъ исламъ, но примѣшали къ нему изрядное количество суевѣрій, заимствованныхъ у народа, среди котораго они живутъ.

Особое племя — родіи представляетъ изъ себя отбросы общества, презрѣнное сословіе—то же, что индійскіе паріи, обитающіе преимущественно въ Кандійскомъ округѣ. По преданію, родіи происхо-

дять отъ принцессы Новоратны Валли, полюбившей мужчину низшей касты, избѣжавшей полагавшейся за это казни, но изгнанной со своимъ ребенкомъ и наказанной тѣмъ, что все ея потомство получило печать отверженія. Въ пустынь, куда она удалилась, къ ней присоединились другіе островитяне, лишенные за разные проступки своихъ гражданскихъ правъ. Родіи дѣлятся на тирингасовъ и галпагаевъ. Тѣ и другіе, несмотря на униженное положеніе среди другого населенія острова, относятся другъ къ другу съ презрѣніемъ и не соединяются браками, считая это за позоръ.

До вторженія на Цейлонъ англичанъ, т.-е. до первой четверти XIX столѣтія, родіи терпѣли страшныя униженія и притѣсненія. Они не имѣли права, напримѣръ, пріобрѣтать землю и заниматься торговлей, жить должны были въ отдаленіи отъ сингалезовъ; они не смѣли брать воду изъ рѣкъ и общественныхъ колодцевъ. При выходѣ изъ дома родіи обязаны были прикрѣплять къ таліи сухой листъ пальмы, чтобы шуршаніемъ послѣдняго предупредить другихъ о своемъ приближеніи. Единственное занятіе, которое имъ дозволялось, это—приготовление ремней; кромѣ этого они обязаны были убирать дороги отъ падали и платить дань царямъ. Англичане уничтожили это отдѣленіе родіевъ отъ другого населенія и дали имъ полныя права цейлонцевъ; но вѣка угнетенія сказались, и родіи и до сего времени чувствуетъ себя отверженнымъ и, кажется, не хочетъ занять другого положенія. Вслѣдствіе этого они и теперь крайне лѣнны;

работа для нихъ представляетъ что-то отвратительное, и они предпочитаютъ поддерживать свое истиннѣ жалкое существованіе нищенствомъ, воровствомъ, подслуживаніемъ. Очень немногіе изъ нихъ существуютъ прежнимъ ремесломъ — изготовленіемъ ремней и издѣлій изъ нихъ, и еще меньше — земледѣліемъ. Они довольно сильны, обладають выразительными лицами. Головы они никогда не покрываютъ, волосъ не стригутъ. Ходятъ босые. Женщины украшаютъ себя кожаными браслетами. Ихъ старшина назначается губернаторомъ. Говорятъ они на исковерканномъ индійскомъ языкѣ. Исповѣдуютъ буддизмъ, но примѣшали къ нему массу дикаго суевѣрія. Обряды очень просты: свадьба почти не имѣетъ никакихъ обрядностей и совершается такъ тихо, что даже сосѣди часто не знаютъ про событіе. Умершаго хоронятъ на седьмой день; трупъ завертываютъ въ циновку и опускаютъ въ землю, не продѣлывая никакихъ церемоній и лишь устраивая скромныя поминки для близкихъ.

Естественныя богатства Цейлона, преимущественно животнаго и растительнаго характера, очень обширны. Отсюда чуть не на весь міръ идетъ хинное дерево.

Цейлонъ извѣстенъ еще и своимъ чаемъ, который, по словамъ рекламистовъ, успѣвшихъ очень скоро распространить среди потребителей этотъ продуктъ, „даетъ 30% экономіи“. Чайный кустарникъ начинаетъ давать листья, годные въ дѣло, черезъ 2½ года. Самый лучший чай получается отъ молодыхъ, только-что распустившихся листоч-

ковъ. Поэтому чайную плантацію обходятъ для срыванія этихъ листовъ каждую недѣлю, если на воздухъ жарко, и каждыя двѣ недѣли, если холоднѣе. Листочки срываются, конечно, не всѣ, чтобъ оставить растенію хотя часть его „органовъ дыханія“. Сорванные листья собираются въ корзины и переносятся въ особое зданіе, гдѣ они разсыпаются по полкамъ и вянутъ, что продолжается въ зависимости отъ температуры воздуха сутки или болѣе. Послѣ этого листья отжимаются отъ излишняго сока особыми машинами, нѣсколько напоминающими жернова нашихъ мельницъ. Изъ прокатки листья выходятъ въ видѣ какой-то вязкой каши. Ихъ складываютъ въ особыя бамбуковыя корзины, гдѣ листья подвергаются броженію, затѣмъ опять прокатываютъ и сушатъ въ особомъ аппаратѣ надъ горячими угольями. Послѣ этого листья поступаютъ въ сортировку, состоящую изъ цѣлаго ряда ситъ съ большими или меньшими отверстіями. Чѣмъ крупнѣе листья, тѣмъ чай дешевле, и наоборотъ; но кромѣ того цѣна чая зависитъ еще и отъ вкуса, а этотъ послѣдній — отъ умѣнья просушить чай, отъ возраста кустарника, почему чай, разсортированный машиной долженъ быть еще оцѣненъ особымъ оцѣнщикомъ, обыкновенно удивительнымъ знатокомъ чая. Къ чести цейлонскихъ плантаторовъ надо замѣтить, что у нихъ все, что возможно, дѣлается при посредствѣ машинъ, такъ что руки почти не прикасаются къ листьямъ, въ противоположность китайцамъ, у которыхъ пускаются въ дѣло не только руки, но даже и босыя ноги, — а надо

знать, что китайцы крайне неряшливы. Десятина даетъ 25—30 пудовъ чая, что приносить 70—80 р. дохода,—чай вѣдь на мѣстѣ очень недорогъ, высоки же цѣны на него у насъ, благодаря очень высокой ввозной пошлинѣ.

Другой крупный источникъ дохода на Цейлонѣ—это ловля жемчуга.

Ловля жемчужныхъ устрицъ производится въ самое тихое время года на морѣ въ мартѣ. Устричныя отмели лежатъ въ двѣнадцати миляхъ отъ берега. Ровно въ полночь туда трогаются ловчія суда, которыхъ бываетъ штукъ двѣсти, раздѣленныхъ на двѣ партіи, во главѣ которыхъ стоитъ особый командиръ. Водолазъ становится ногами на камень, привязанный веревкой къ лодкѣ, и опускается на дно, гдѣ набираетъ раковинокъ въ корзину и выныриваетъ на поверхность воды, откуда, передохнувъ, ныряетъ опять вглубь—и такъ пока не устанетъ. Его замѣняетъ товарищъ. Работа эта крайне утомительна, несмотря на то, что глубина отмелей не превышаетъ десяти саженей. Очень хорошій ловецъ остается на днѣ до минуты и можетъ сдѣлать до 85 ныряній, причемъ каждый разъ онъ можетъ захватить 35—45 раковинъ, среди которыхъ много открытых, ничего не стоящихъ. Все добытое отдается правительству, и водолазъ получаетъ за работу четверть, изъ которой уже самъ дѣлится съ помощниками.

Правительство продаетъ затѣмъ раковины съ аукціона, при чемъ цѣны очень рѣзко и часто

мѣняются. Купившіе складываютъ раковины въ мѣшки и развѣшиваютъ ихъ на солнцѣ, чтобы черви объѣли мясо. Затѣмъ промываютъ остатки и ищутъ жемчужинки.

Немалое подспорье даетъ населенію и ловля громадныхъ черепахъ, называемыхъ за ихъ исполинскій ростъ „каредами“. Въ черепахѣ главная цѣнность—ея щитокъ, идущій на крайне разнообразныя подѣлки.

На западномъ берегу Цейлона процвѣтаетъ и коричное производство, заключающееся въ сдираниіи коры съ коричневаго дерева и приготовленіи путемъ отдѣленія нужной части ея и сушки. Производство это даетъ хорошій заработокъ населенію и доходъ правительству.

Не малоприбыльной является и культура кокосовыхъ пальмъ, дающихъ крѣпкое бѣлое волокно, идущее на веревки, плодъ, изъ котораго готовится высокаго качества растительное масло и, наконецъ, цѣнное дерево, а также листья, идущіе на покрывку домовъ.

Въ былыя времена охота на знаменитыхъ индійскихъ слоновъ доставляла населенію хорошій заработокъ. Теперь же количество этихъ колоссовъ значительно сократилось, и туземцы вынуждены ловить слоновъ для обращенія ихъ въ рабочія животныя. Охота на слоновъ устраивается такъ. Сперва разыскиваютъ слѣдъ и по его размѣру судятъ о размѣрахъ всего животнаго. Затѣмъ берутъ нѣсколькихъ дрессированныхъ животныхъ и загонщиковъ, которые и загоняютъ стадо въ особую за-

городъ, въ которой ихъ запираютъ и постепенно приучаютъ при помощи тѣхъ же ручныхъ слоновъ. Курьезно, что слоны, находясь въ стадѣ, гораздо миролюбивѣе и трусливѣе, чѣмъ если они находятся въ одиночествѣ.

Обычаи немногимъ отличаются отъ индійскихъ. Очень интересно только устраивается свадьба у сингалезовъ въ Анурдхапурскомъ округѣ, сумѣвшихъ сохранить вообще интересные обычаи. Здѣсь мужчина въ шестнадцать лѣтъ можетъ вступить въ бракъ безъ родительскаго согласія. Родители всякой дѣвушки, достигшей возраста, позволяющаго ей выйти замужъ, устраиваютъ празднество, и послѣ этого всякій желающій жениться на ней можетъ начать переговоры черезъ дядю или двоюроднаго брата, послѣ чего къ невѣстѣ направляется уже отецъ жениха, который и уговаривается относительно приданаго. Время свадьбы, какъ и въ Индіи, назначается астрологомъ. Свадьба празднуется въ особой бамбуковой постройкѣ, сооруженной поблизости отъ дома невѣсты. Въ этотъ день женихъ отправляется въ домъ невѣсты съ подарками. Посреди комнаты на возвышеніи, обитомъ бѣлымъ коленкоромъ, ставится кокетливая фигура изъ риса, вокругъ нея — кокосы съ листьями, бетель, а наверху — разныя мелочи. Тогда разобьютъ одинъ орѣхъ на двѣ части, невѣсту выводятъ мать и ближайшая родственница и вводятъ на возвышеніе. Она смотритъ на звезду-покровительницу предстоящаго союза и получаетъ отъ жениха подарки, которые тутъ же и надѣваетъ на

себя, и раздаеть бетель присутствующимъ. Женихъ выливаетъ на невѣсту нѣсколько капель масла и подаеть отцу нитку, которою тотъ связываетъ мизинцы брачующихся. Женихъ помогаетъ невѣстѣ сойти съ возвышенія, послѣ чего разрываютъ нитку, а затѣмъ уже начинается пиршество.

Главный городъ Цейлона — Коломбо, носившій, какъ и многіе туземные города, ранѣе другое названіе. Пароходъ тутъ пристаеть къ молу, выходящему въ проливъ на четверть версты и стоившему 7 милліоновъ рублей. Коломбо служить мѣсто-пребываніемъ губернатора и всей главной администраціи острова. Городъ раздѣляется на три части: въ центрѣ расположенъ фортъ, въ которомъ помѣщаются правительственныя зданія и торговыя конторы, къ сѣверу отъ этой части идетъ европейская часть, а къ югу—туземная. Фортъ былъ воздвигнутъ еще голландцами съ цѣлью защиты первыхъ европейцевъ отъ постоянныхъ нападеній туземцевъ. Здѣсь казенно, непривѣтливо, скучно, многоэтажные дома—казарменнаго вида, безъ малѣйшихъ наружныхъ украшеній и европейцы убѣжали изъ этой части города, оставивъ ее для дѣловыхъ занятій. Зато обѣ другія части города поражаютъ зрителя: все здѣсь тонетъ въ чудной тропической зелени, сквозь которую мелькають жалкія лачуги туземцевъ въ азіатской части города и хорошенькія смѣшанныхъ съ мѣстнымъ стилей дачки или банголу, какъ ихъ здѣсь зовутъ, европейцы. Среди города нѣсколько искусственныхъ озеръ, дающихъ еще болѣе влаги и безъ того довольно влажному воз-

духу города. Климатъ города считается очень здоровымъ. Азіатская часть города очень оживлена: тутъ идутъ во всѣ стороны и ѣдутъ на маленькихъ волахъ, бѣгущихъ мелкой рысцей, на лошадяхъ и въ дженерикшахъ. Въ узенькихъ улицахъ много лавокъ, совершенно открытыхъ, гдѣ на полу возсѣдаютъ купцы-ремесленники, продающіе товары, тутъ же и приготовляемые. Благодаря этому въ туземныхъ лавченкахъ нѣтъ соединенія разнородныхъ предметовъ,—продается только то, что тутъ же готовится. Впрочемъ, въ магазинахъ европейской части города можно найти что угодно.

Восточные народы не торопятся жить; не торопятся торговать и индійскіе лавочники. Если къ нимъ зайдетъ солидный покупатель, они предлагаютъ ему сѣсть и даже чашку кофе. Продавецъ приказываетъ подать товаръ, при чемъ подается сперва худшій, за который запрашивается невѣроятная цѣна. Послѣ выраженнаго покупателемъ неудовольствія подается то же самое, но цѣна возрастаетъ, и такъ очень долго. Продавецъ въ большинствѣ случаевъ все-таки уступаетъ.

Городъ Кянди пріобрѣтаетъ все большее значеніе, благодаря централизаціи вокругъ него кофейнаго дѣла. Первые плантаціи кофе были основаны здѣсь голландцами, которые, впрочемъ, скоро сильно испортили дѣло, такъ какъ стремились не къ улучшенію этой прибыльной отрасли хозяйства, а къ извлеченію большей доходности съ полей. Теперь дѣло перешло въ руки англичанъ, но поставлено оно хорошо только съ технической стороны; эконо

мическая сторона дѣла такова, что островитяне положительно ничего не получаютъ отъ него. По какой-то случайности кофейныя плантаціи переходятъ изъ рукъ въ руки не осѣдлыхъ англичанъ, а прѣзжающихъ сюда ради наживы на непродолжительное время и увозящихъ нажитое въ Англію. Рабочіе вербуются также изъ пришлаго элемента.

Кофе требуетъ довольно сухого, жаркаго климата. Онъ любитъ преимущественно покатыя площади. Кофейныя деревьяца разсаживаются въ правильномъ порядкѣ на разстояніи сажени другъ отъ друга; имъ даютъ расти выше $2\frac{1}{4}$ аршинъ, срѣзая въ извѣстное время года отростки, выходящіе за этотъ предѣлъ. Гряды держатъ въ большой чистотѣ, освобождая ихъ отъ сорныхъ травъ и поливая во время бездождія. Удобраются поля коровьимъ навозомъ, золою, известью и гуано. Помимо такого культурнаго кофе на островъ попадается и дикій, почти не требующій ухода, но значительно худшаго качества. Впрочемъ и культурный цейлонскій кофе не очень высокаго качества, благодаря тому, что воздухъ острова слишкомъ влаженъ здѣсь. Кофейныя зерна сушатъ на солнцѣ и затѣмъ отправляютъ въ Коломбо, гдѣ ихъ очищаютъ отъ тончайшей шелухи и опять сушатъ въ спеціальныхъ сушилкахъ.

На Цейлонѣ стоитъ знаменитый и очень чтимый буддистами храмъ, гдѣ хранится великая святыня—зубъ Будды. Храмъ самъ по себѣ не представляетъ ничего ни интереснаго, ни выдающагося по сравненію съ другими подобными же. Служба здѣсь на-

чинается въ пятомъ часу вечера. Въ передней части храма стоятъ музыканты, играющіе на флажолетахъ и бьющіе въ барабаны. Самая служба производится въ верхней части храма, въ алтарѣ, отдѣленномъ отъ общей части церкви занавѣсью и дверью, причудливо изукрашенной серебряной и костяной инкрустаціей. Въ алтарѣ находится большой столъ, освѣщенный большимъ количествомъ свѣчей, а посреди него стоитъ ковчегъ—карандува. Тутъ подъ шестью вызолоченными, а можетъ-быть и золотыми конусообразными ковчегами-колпаками и находится святыня, лежащая на цвѣткѣ лотоса. Но дѣло въ томъ, что зубъ этотъ (за хорошую взятку его можно, несмотря на строжайшее запрещеніе закона, осмотрѣть) имѣетъ пять сантиметровъ въ длину и два съ половиной въ ширину и вѣрнѣе всего принадлежалъ когда-нибудь какому-нибудь хищному животному. Когда-то здѣсь дѣйствительно былъ зубъ, могшій считать своимъ хозяиномъ Будду, но его въ 1560 году увезли португальцы и уничтожили въ Гоа въ присутствіи португальскаго вице-короля. Духовенство изъ матеріальныхъ расчетовъ достало гдѣ-то тотъ клыкъ, который существуетъ теперь, и не ошиблось въ расчетахъ: вѣрующіе массами стекаются сюда для поклоненія святынѣ, выставленной одинъ разъ въ годъ на показъ, и каждый изъ нихъ считаетъ своей обязанностью сдѣлать какое-нибудь существенное приношеніе храму—или, вѣрнѣе, духовенству.

Цейлонъ славится на весь міръ своимъ ботани-

ческимъ садомъ Пераденія. Дорога къ нему — сплошная аллея изъ банановъ и пальмъ, удивительно красивая, но все-таки не способная приготовить путешественника къ тѣмъ чуднымъ картинамъ, какія откроются передъ нимъ при вступленіи въ самый садъ. Здѣсь собраны самыя рѣдкія растенія со всего свѣта изъ тропическихъ и умѣреннаго климата странъ. Они такъ здѣсь красиво и умѣло подобраны, что природная прелесть ихъ еще болѣе отбѣняется, благодаря искусству чело-вѣка. Этотъ райскій уголъ земного шара еще болѣе получаетъ прелести отъ присутствія массы тропическихъ птичекъ самаго яркаго оперенія, покрывающихъ вѣтви дивныхъ растеній и составляющихъ чудную картину. Придаютъ ей жизни и полосатыя бѣлки и летучія лисицы.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>стр.</i>
Русскій Туркестанъ.	7
Кульджинскій край.	46
Хива.	57
Бухара.	67
Персія.	84
Афганистанъ.	132
Кафиристанъ.	141
Белуджистанъ.	143
Памиръ	150
Гималайскія горы	159
Тибетъ.	168
Индія	181
Цейлонъ.	231